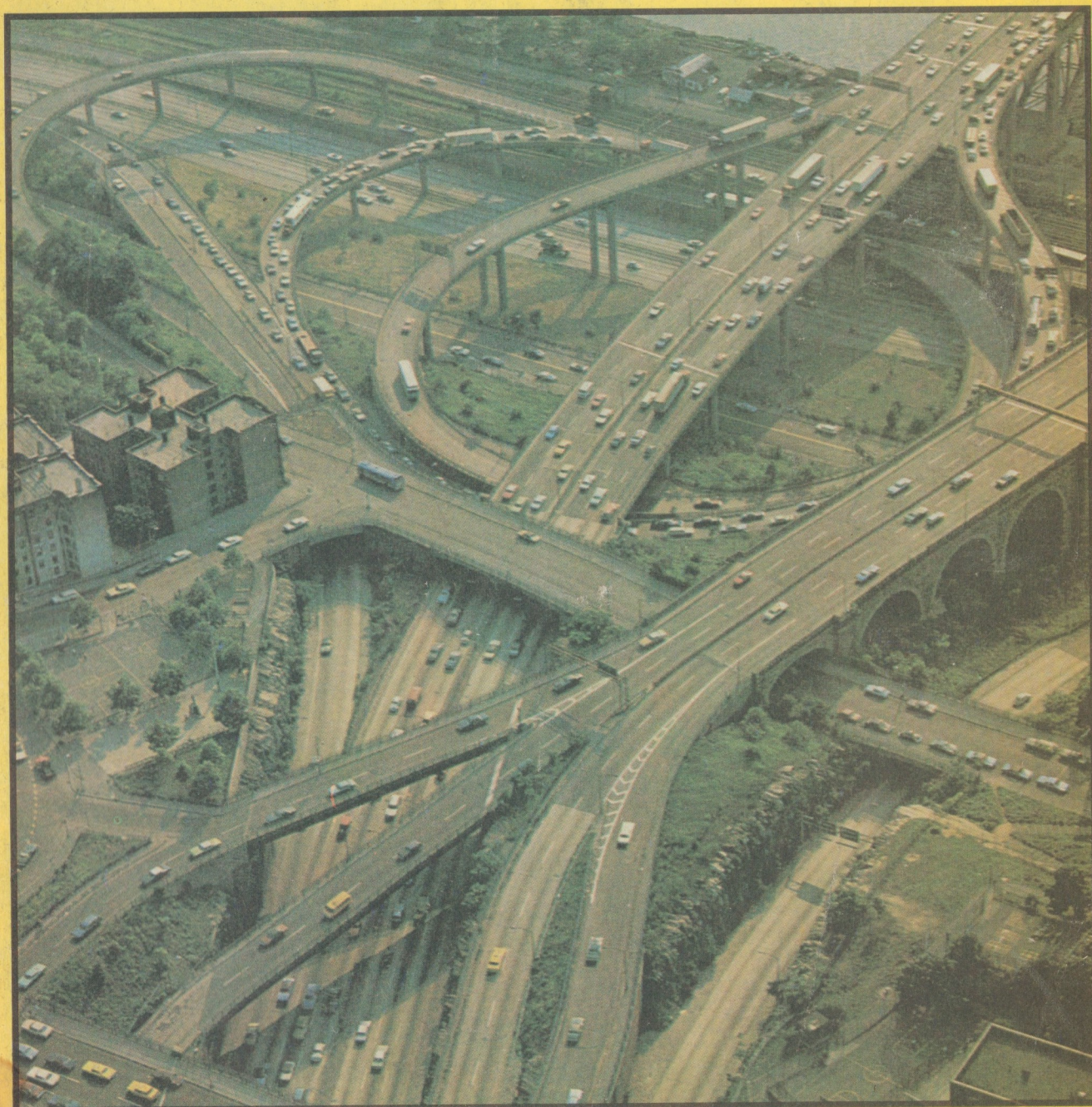

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

№29 (139) 1993г.

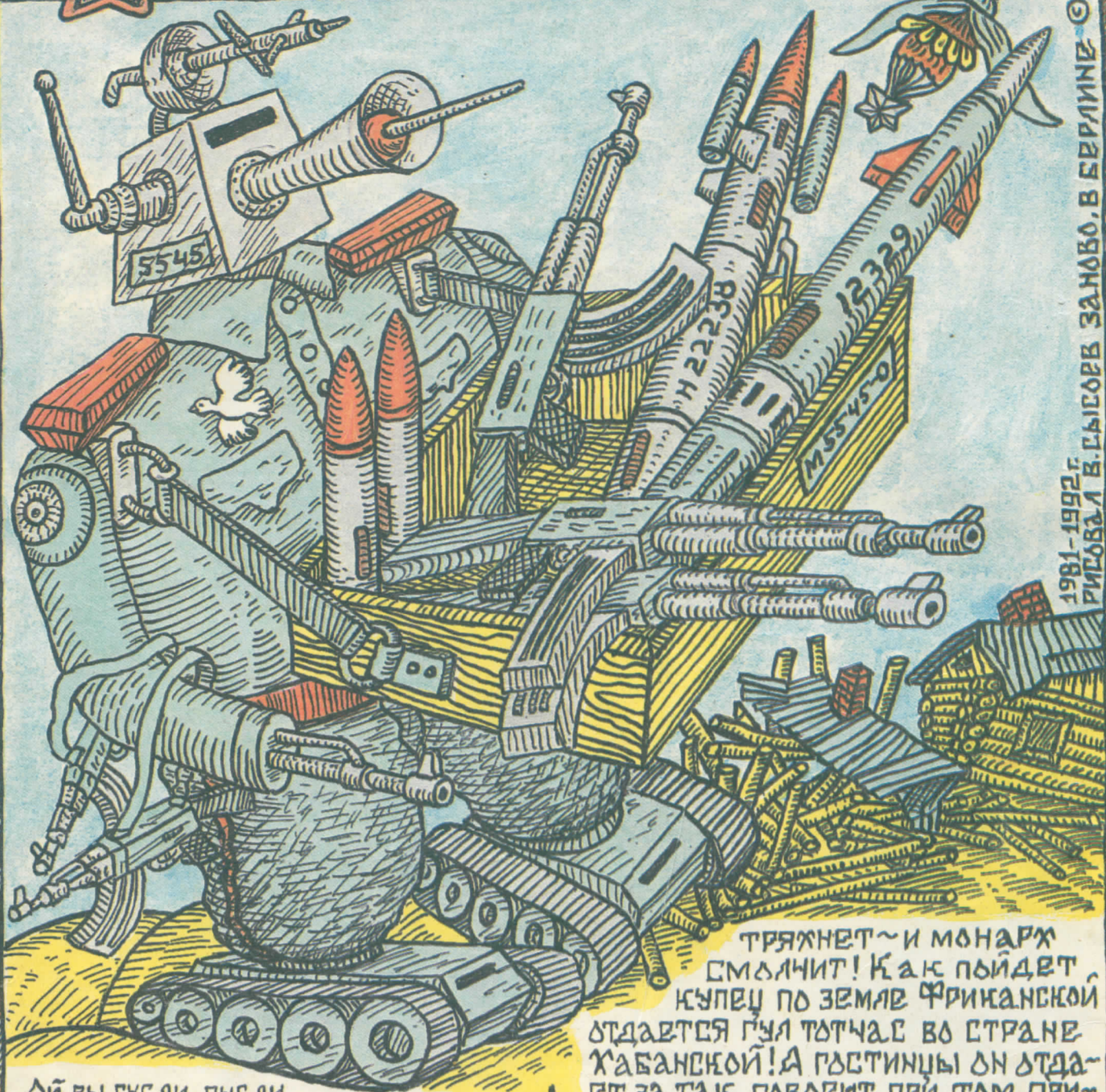
СЛОЖНЫЕ ПУТИ

американской помощи в Россию

страница 22

Новая ПЕСНЯ ПРО КУПЦА Калашникова

1981-1992г.
РИСОВАЛ В. СЫСОВ В. ЗАНОВО, В. БЕРЛИНЦЕ ©

Ой вы гусли, гусли
звончатые, вы пропойте нам пес-
ню звонкую, песню новую про
купца Калашникова, про куп-
чину доброго, про могучного!
Он идет~бредет, во всю мощь
бредет, шаг шагнет~так земля
дрожит, как рукой махнет~
полк врагов падет, я лотком

тряхнет~и монарх
смазлит! Как пойдет,
купец по земле Фриканской
отдается гул тотчас во стране
Хабанской! А рогатинцы он отда-
ет за так, говорит при том при-
говаривает~ой вы други мои, дру-
ги милые, уж рогатинцы я для вас при-
пас, вы попотчуйте ваших недругов,
наших врагов! Как махну рукой
~все кругом молчком, а трякну лот-
ком~вся земля тарчком! Скоро бу-
дем мы врага потчевать~марш
играйте, гусли звончатые! ◆◆

ЗАБЕГ БЕЗ СТАРТА И ФИНИША

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Началась в России избирательная кампания.

Чем российская кампания отличается от нормальной? Тем, что никто не знает, будут ли выборы; когда они будут; по какому закону; в какой орган. Формальные полномочия парламента истекают весной 1995 года, президента — и вовсе в 1996-м. Ни парламент самораспускается не собирается, ни президент в отставку не подает.

А подготовка к выборам идет полным ходом.

Уже брошены первые миллиарды бумажек в избирательную топку, уже свободные журналисты рыщут аки волки в степи в поисках достойных кандидатов, желательно из купеческого звания, уже созданы первые «избирательные блоки», уже усилился поток обычных глупостей с экранов ТВ, на тему «Как нам обустроить Россию? Избрать меня обустроителем»...

Словом, народ, как водится, ничего знать не знает, но все, делающие бизнес на политике и политику на бизнесе, забегали как тараканы. Выборы грядут!

Эта смешная суета доказывает, как любил выражаться Михаил Сергеевич, необратимость демократических перемен.

Во-первых, поколения доильщиков казны стали меняться быстрее, и эта смена уже не шокирует, кажется делом нормальным, естественным.

Во-вторых, определенное влияние на процесс «смены доильщиков» отныне можем оказывать и мы — те, кто наполняет казну, — а это, собственно, и есть демократия в действии.

Любопытно, почему выборы «назначены» именно на осень этого года. Закон тут, как уже говорилось, ни при чем. «Воля масс» тоже — кто ее может знать, тем более что есть все основания полагать — «массы» не ждут никаких выборов, давно уже утратили последние остатки доверия к каким-либо политикам.

Очевидно, что вся эта история с выборами — результат «старинного братского спора» внутри политической элиты. Спор этот вполне укладывается в бессмертную формулу из «Берегись автомобиля»: «Погоня! Один бежит — другой догоняет. Какой детективный сюжет обходится без нее? Ведь детектив без погони — это как жизнь без любви».

Парламент бежит — президентская команда догоняет. Затем, внезапно, парламент разворачивается и с криком «Держи вора!» пытается атаковать правительство и президентское окружение. Правда, не слишком удачно. Далее «бег за парламентом по пересеченной микрорельефом местности продолжается»...

Во всяком случае, без таких «челночных операций» мы бы, пожалуй, и вовсе забыли, что у нас есть какая-то политическая жизнь. А, согласитесь, это было бы чертовски обидно...

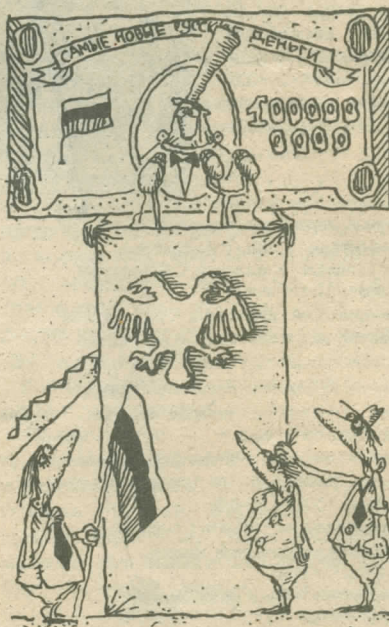

Рис. А.Зайца

С выборами все ясно. Президентская команда в своем бесконечном унылом поединке с парламентом дошла уже до полного изнеможения. Отыграны, кажется, все мыслимые и немыслимые ходы. Что можно еще сделать? Остается одно — смахнуть фигуры... с одной стороны доски и... продолжать партию.

Разумеется, перевыборы парламента не изменят реально сегодняшнюю политическую ситуацию. У новых депутатов будут новые имена, прически и голоса, но речи не изменятся. Видимо, в новом парламенте будет немного меньше бывших секретарей обкомов и «радикальных демократов». За счет сжатия этих двух флангов еще расширится бесформенный «центр». Значительно увеличится клуб депутатов-миллиардеров. Если в 1990 году в него попали считанные единицы — Тарасов, Илюмжинов, Цой, то сегодня в очередь уже выстроились Кивелиди, Затулин, Боровой, Неверов, Юрьев, Ходорковский и другие. Подавляющее большинство этих людей занимали свои «командные высоты» в экономике уже и в 1990 году, но солидный политический процент со своих капиталов смогут снять лишь сейчас. Однако, разумеется, не эта группа (да и можно ли их, разобщенных и конкурирующих друг с другом, считать «группой»?) является инициатором выборов и не ради них разговоры о выборах затеяны.

Повторяю, для президентского окружения выборы — это:

— способ как-то «развязать» (а точнее — «перевязать по новой») ситуацию в глазах уставшего от старого спектакля народа;

— вновь активизироваться на политической арене;

— покончить с нынешним составом парламента, который у многих советников президента вызывает чисто физическую изжогу.

Политического решения проблем, стоящих перед страной, новые выборы не дадут. Сегодняшний

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Г.Крошин:

Сегодня у рядового члена Верховного Совета месячный оклад 171 тысяча рублей. Кроме того, каждому парламентарю должно быть выплачено 50% от оклада за каждый месяц начиная с 1 января 1993 года в качестве компенсации за инфляцию. И еще слух: отправляясь на каникулы, они получают еще по миллиону рублей (оклад + отпускные + лечебные + премии и проч. ...).

6

В.Воронов:

Репортаж о матче на первенство России по новой спортивной дисциплине — прикладная прихватизация.

9

Н.Морозов:

«Правду о румынской революции мы сможем узнать лишь тогда, когда нам станут известны все факты и источники, позволяющие строго восстановить декабрьские события». «Когда же это произойдет?» — «Никогда!» Такой неутешительный диалог однажды состоялся у меня с одним из очевидцев революции.

12

2 ЭКОНОМИКА

А.Ефимова

Еще год назад в ходу было выражение: «Бизнес в коротких штанишках». Сегодня оно явно устарело: даже так называемый «малый» бизнес (не говоря уже о среднем) повзрослел и избавился от младенческой наивности. Хочет теперь из своей «детской» выйти в люди, да только не всегда пока может...

20

И.Кокарев:

Казалось, я был хорошо вооружен для того, чтобы убедить любого отдать хотя бы толику из нескончаемого

и повседневного американского потока продовольствия, лекарств, одежды и долларов. Я вез с собой письма трех десятков российских больниц и роддомов с описанием их бедственного состояния, списки инвалидов, нуждающихся пенсионеров и детей-сирот.

22

3 ЖИЗНЬ

Е.Салина:

Русский делец от медицины Аксенов, волею судьбы занесенный в Японию, поставил на поток страдания своих отчаявшихся соотечественников. Точный психологический расчет показал, что самым «благодатным» контингентом являются безнадежно больные раком. Им уже нечего терять, они схватятся за соломинку, поверят любым сказкам.

26

Е.Аверина:

«Коллекционирую русские товарные пломбы до 1917 года». «Собираю воздух до 1900 г., сохранившийся в виде пузыря объемом не менее 5 куб.мм, в битом стекле: бутылках и прочих сосудах, целых и битых».

30

К.Климова:

Странные люди живут в Таллинне.

34

4 КУЛЬТУРА

Л.Разгон:

«Именно в лагере я очень изменился. Тот человек, который вошел в лагерь, и тот, который оттуда вышел, — разные люди. Мне стыдно вспоминать многое из моей прошлой жизни. Лагерь был первым местом после детства и, может быть, — первым местом на земле, где я был свободен».

42

Д.Быков:

Критик стал забывать одну простую вещь. Он отнюдь не равен творцу. Критик — своего рода Кабирия. Он идет за творцом, куда тот поведет, и анализирует то, что тот делает. Он уходит с тем, кто уходит. Именно критика обслуживает творца, а не наоборот.

45

А.Масляков:

Иногда мне кажется, что я больше нужен для атмосферы в самом зале, чем для телевизионных зрителей. Команды без меня — никуда, а вот зрители... думается, они не отождествляют КВН именно с Масляковым.

48

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский
Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов
Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина
Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни: Консуэло Сегура
Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак
Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 16.07.1993 г.
Тираж 92 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Цыбульский, А.Остроухов, Е.Дворецкова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 3273

полупараличный парламент, в общем, видимо, достаточно точно отражает баланс сил в разных регионах, и этот баланс воспроизводится при любых перевыборах. Но не стоит об этом слишком волноваться — именно так обстоит дело в любой нормальной стране, когда речь идет о такой рутине, как перевыборы парламента. Это только в России последние 100 лет каждые выборы воспринимались как историческое событие. Больше уже не воспринимаются. Да и сами наши цивилизованные политики в большинстве своем не слишком думают о решении каких-то глобальных политических проблем. Их волнует политическая игра, и они верно просчитали, что вернуть зрительское внимание можно лишь сменив актеров.

Относится ли такая смена и к Главному Герою?

Этот вопрос особо любопытен.

С одной стороны, выборы инициируют те, кто называет себя «сторонниками президента» и входит в его «ближний круг». Значит, они и помыслить не могут о перевыборах президента, «от имени и по поручению которого» совершают все свои действия? По логике вещей как будет так.

Вместе с тем мы постоянно слышим разговоры о том, что «предстоят» и перевыборы президента. Позвольте, но его срок истекает аж через три года. Даже в США о перевыборах начинают всерьез говорить года за полтора, не раньше. Значит, кто-то у нас серьезно готовится к перевыборам президента или серьезно готовит нас к тому, что эти перевыборы неизбежны? Причем характерно, что кандидатов пока называют, в основном, как раз с «президентской стороны» — Шахрай, Шумейко, Гайдар. Названы, правда, и кандидаты-оппозиционеры: Явлинский, Руцкой. Что касается Фронта национального спасения, то он не определился. Пока.

Здесь идет сложная игра, точнее — игры.

Во-первых, необходимо просто «засветить» несколько фигур. Приучить общественное сознание видеть в этих фигурах возможных кандидатов в президенты. Если даже выборы в 1993 и 1994 годах не состоятся (а я думаю, что так оно и будет — если уж не произойдут какие-то катаклизмы), то все равно: нужно, чтобы несколько фамилий впечатались в сознание миллионов, десятков миллионов избирателей, под бирочкой «президент». В нормально развитых демократических странах такая предварительная ра-

бота занимает меньше времени: ведь там есть партийный конвейер, который в нужный момент подает к столу головы кандидатов в президенты. У нас такого конвейера нет. Не партии выставляют кандидатов в президенты, а просто фигуры этих кандидатов как-то возникают «из воздуха», сами по себе. А на это нужно время. Ельцин шел к своему президентству четыре года (1987—1991), скользя, скатываясь назад, опять карабкаясь... Пошли гуськом и нынешние кандидаты.

Во-вторых, начинаются интриги околопрезидентского окружения. Очевидно, кто-то рассчитывает, «засветив» кандидата, спровоцировать по отношению к нему острую ревность со стороны самого «царя Бориса». Не всякому приятно, когда при тебе спокойно обсуждают кандидатуру твоего преемника. Судя по «уральскому характеру» Ельцина, ему-то это едва ли приятно... Вместе с тем Ельцин много раз доказывал, что он куда спокойнее и разумнее, чем о нем думают, и походит на Отелло (если Россия — Дездемона) только разве ростом и внушительной внешностью.

В-третьих, вполне возможно, что есть партия в ближнем окружении президента, которая, действительно, считает необходимым сменить его «до срока». Здесь могут быть самые разные, перепутанные соображения — от политикомировозренческих до грубошкурных. О первых соображениях четко говорил Травкин: Ельцин сделал свое дело, как в свое время Горбачев, спасибо ему низжайшее, и — нужен новый человек для новых задач. Чем позже придет такой человек — тем больше времени мы потеряем. Что касается возможных шкурных соображений, то здесь все вопросы — в комиссию по коррупции... А если эта комиссия бездействует, то и спросить не у кого.

Как бы то ни было, интересно взглянуть на кандидатуры пока заявленных кандидатов в президенты (как известно, сами они то подтверждают, то отрицают свое согласие участвовать в борьбе за это место, но в любом случае, строгого официального согласия пока ни один из них не дал).

Сразу видно — какую эпоху мы прошли. Сравните кандидатов—91 и кандидатов—93. Ельцин, Рыжков, Бакатин, Тулеев, Жириновский, Макашов. Все ясно: номенклатурные муляжи или политические люмпены. Единственным живым кандидатом — не экспонатом из музея истории КПСС и не «юристом-с-галстуком-бабочкой» и был Ельцин. И тогда

были популярны и номенклатурные политики — Попов, Собчак, — но ясно было, что всерьез претендовать на трон они не могут. Они берегли себя для будущих выборов — и, как выяснилось, берегли зря. Их осень наступила сразу после весны...

Сегодня — всего-то через два года! — нет и не видно на горизонте ни одного «номенклатурного политика», который бы посмел налепить на своем отчаянном лбу бубнового туза с надписью «кандидат в президенты». Этот поезд ушел в темный туннель, и оттуда только печальный грохот донесся... Все.

К моменту выборов поднабегут политические бомжи (а может, даже и бомжихи), но сегодняшние кандидаты производят вполне нормальное впечатление. Не митинговые кумиры. Современные люди. Политики, реально «делавшие дело», битые и бившие. Ни один из них не похож на харизматического лидера — но, похоже, миф о том, что России зачем-то нужен такой лидер, оказался всего лишь мифом.

Ельцин был настоящим лидером переходного периода. Это был номенклатурщик, толкавший и тормозивший антикоммунистическую революцию, превративший ее в эволюционный процесс.

Шумейко, Шахрай, Гайдар — новые лидеры. Корней в «до-августовской эпохе» у этих «сыновей Ельцина» нет. Козырная карта «борьбы с коммунизмом» — не главная в их колоде. Не обремененные бронзовыми веригами героической биографии, они могут вести себя как совершенно нормальные политики, воспетые «Интернационалом» — «не Бог, не царь и не герой».

Гадать сегодня, у кого больше будет шансов... (когда? через сколько лет?), так же интересно, как, едва познакомившись с девушкой, обдумывать имя будущего сына. Сегодня они важны не персонально, а как «типичные представители». Типичные представители той страны, которая уже просто физически не может «вернуться в коммунизм»...

Забег (а может — заплыв?) без четкого старта и финиша начался. Но нам, мирно стоящим с краю, на берегу, не так важен результат. Смотреть на напряженные шеи бегунов (пловцов) куда поучительнее.

На пресс-конференции, состоявшейся сразу по возвращении делегации в Москву, парламентарии остановились на вопросах, по их словам, больше всего интересовавших российскую делегацию в Страсбурге. Это прежде всего проблемы членства России в Совете Европы и прав русскоязычного населения в Эстонии, ракетный удар Соединенных Штатов по Багдаду. По каждой из этих проблем российская делегация высказала на ассамблее свою точку зрения.

Однако, как показала пресс-конференция, самым большим вопросом явился вопрос о принятии, точнее о непринятии России в число постоянных членов Совета Европы, чему и была посвящена львиная доля времени общения с журналистами.

Известно, после того как Российской Федерации еще 5 мая 1992 года был придан статус «специально приглашенного государства» в Совете Европы, Россия официально направила свое заявление о приеме ее в качестве полноправного члена. Руководство Совета Европы заверило представителей России в благоприятной перспективе и не выдвигало никаких особых условий и требований для приема. Однако в последнее время, как отметил руководитель российской делегации Евгений Амбарцумов, стала ощущаться какая-то «заминка» со стороны руководителей Совета Европы. Теперь они выдвигают в качестве дополнительного условия для приема России новые требования, а именно: о принятии новой Конституции РФ и проведении новых парламентских выборов в России. В официальном Заявлении парламентской делегации России отмечается, что «подобные условия не выдвигались даже при обсуждении вопроса о принятии в Совет Европы Союза ССР, правопреемником которого является Россия»...

Наши народные избранники заверили Парламентскую ассамблею:

ВОКРУГ ДА ОКОЛО ПАРЛАМЕНТА

НАДОЕЛО ТОРЧАТЬ В ПРИХОЖЕЙ... Никак не хотят принимать Россию в Совет Европы

В состоявшемся в самом конце июня — начале июля очередном заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге приняла участие и делегация парламента России, хотя и по-прежнему в статусе «специально приглашенной»...

«Мы предусматриваем новые парламентские выборы. Но мы против того, чтобы эти нормальные для каждого демократического государства внутренние перемены превращались в неожиданное дополнительное условие для приема России в Совет Европы».

В Заявлении нашей делегации делается категорический вывод: «Вступление России в Совет Европы искусственно задерживается, а это в свою очередь создает препятствия ее демократическому развитию, усвоению ею соответствующего европейского опыта»... Иными словами: смотрите, а то не научимся у вас демократии — вам же, европейцам, потом хуже будет...

Отвечая на вопросы журналистов, Евгений Амбарцумов сказал: «именно внутренние перемены в России способствовали установлению новой власти в целом ряде республик, которые уже приняты в Совет Европы. И если Россия остается за бортом, «у нас возникает вопрос: а стоит ли в таком случае так уж рваться в этот Совет Европы?»

Другой член делегации, секретарь Комитета ВС РФ по охране здоровья Тереса Пекарская высказала предположение, что одной из истинных причин непринятия России, может быть, является то, что «Россию, как по-прежнему великую державу, просто опасаются»...

После пресс-конференции я подошел к Сергею

Бабурину и спросил, как он лично отнесся к непринятию России в Совет Европы:

— Я — с огорчением. Мне неприятно, что страна, имеющая огромный и политический, и экономический, и нравственный потенциал, подав заявление о приеме в международную организацию, не получает ни «да», ни «нет» и неизвестно когда получит вразумительный ответ. Этот переходный период стояния «в прихожей», я считаю, безусловно, наносит ущерб международному авторитету России.

— Чем вы объясняете причины такого отношения к России со стороны Совета Европы?

— В том числе и позициями ряда политиков в российском МИДе и российском руководстве в целом. Ибо дополнительные условия приема России в состав СЕ появились во многом из самой Москвы...

— Что вы имеете в виду?

— То, что мотивы принятия нами новой Конституции и проведения новых, досрочных выборов стали звучать среди европейских парламентариев лишь после того, как их убедили в этом некоторые политики в Москве... И в этом отношении вступление в Совет Европы оказывается рычагом в нашей внутривнутриполитической борьбе.

— Что же вы предлагаете в этой ситуации?

— Единственно правильной нашей позицией я бы считал такую: оставаясь в статусе «специально приглашенных», спокойно работать, наблюдать, не напрашиваясь никуда.

Значит так: будем держать фасон. Сами приползут...

Григорий КРОШИН

**Рекламный центр
еженедельника «Столица»
приглашает рекламных агентов
для работы по всем видам
рекламного обслуживания.
Вознаграждение от 5%.
Тел. 928-83-40.**

**Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактный телефон: 925-23-09,
928-27-69.**

**Редакция выдает разрешение
на распространение.**

ШТИРЛИЦ ПО-ЭСТОНСКИ

«Псковской республики не будет», — заявил губернатор Псковской области на пресс-конференции в Российско-Американском информационном пресс-центре. Да и вообще, похоже, администрацию области, ставшей пограничной, волнуют иные проблемы. Бичом Псковской области и всего Северо-Западного региона стала контрабанда.

Через этот тоннель стратегические российские материалы утекают за рубеж. А потом Эстония и Латвия вдруг занимают первые места в мире по экспорту... цветных металлов.

Кстати, именно на контрабанде и «погорел» в мае прошлого года предыдущий глава администрации области. Нынешний, юрист Владислав Туманов, вежливо назвал действия прежнего руководства «нарушениями в сфере внешнеэкономической деятельности».

Другой проблемой стали притязания Эстонии и Латвии на некоторые районы Псковщины. Скажем, эстонские соседи, ссылаясь на Тартуский мирный договор 1920 года, настаивают на том, что Печорский район является неотъемлемой частью их республики. Более того, они даже всех жителей этого района официально считают гражданами Эстонии. Выходит, что жителям Псковского района повезло гораздо больше, чем жителям эстонской Нарвы, гражданами Эстонии не считающимися. Парадокс еще и в том, что эстонского гражданства в Печоре никто не жаждет. Но разве это может смутить хладнокровных прибалтов? Вот они потихоньку и пристают ко всеобщей «па-

спортизации» «спорного» района — уже имеются случаи выдачи паспортов Эстонской Республики гражданам России!

Опутывать границы мотками колючей проволоки, возводя «железные занавесы» на новых рубежах, у областной администрации желания нет. Но 789 километров границы с Эстонией, Латвией и Беларусью без присмотра оставлять тоже нельзя, хотя на полное ее обустройство только в этом регионе требуются миллиарды и миллиарды рублей.

А ведь те же миллиарды требуются и на то, чтобы наладить жизнь переселенцев. Сегодня, по словам губернатора, в области создано уже 30 структур, занимающихся проблемами переселенцев.

Гвоздем же пресс-конференции стала информация о действиях... эстонской разведки. Есть, оказывается, и такая! Страны Прибалтики цивилизуются и обретают все атрибуты государственности семимильными шагами, начиная с самого важного, со спецслужб в первую очередь. Этому можно было бы только радоваться, если бы разведкадры они себе подбирали не слишком странные. Например, в области был задержан во время попытки вывоза контра-

банды некий эстонский гражданин Рясса. Во время допроса выяснилось, что он является... резидентом

эстонской разведслужбы, занимающимся сбором военной информации и вербовкой агентуры среди жителей Северо-Западного региона. Господин Рясса все же выпустили, выдворив за границу, — тогда его еще нельзя было привлечь по статье о контрабанде, так как Россия не имела закона о государственной границе. Что же касается шпионских дел, то, видимо, фактуры для суда было маловато. Но через некоторое время эстонский штирлиц всплыл вновь — его арестовала уже эстонская полиция по подозрению в совершении убийства четырех человек: двух россиян и двух жителей Эстонии. Было установлено, что убитые являлись агентами вышеназванного резидента. Но по каким-то своим соображениям «хозяин» поочередно ликвидировал их на границе, а трупы сначала «складировал»... на бабушкином хуторе, а потом топил их в болоте... Веселенькие, однако, эстонские разведчики — у своих коллег с Лубянки учились? Похоже, что Эстонию, как и иные постсоветские республики, затронул процесс бандитизации самих правоохранительных органов и подлинными хозяевами российских пограничных провинций становятся не господа-губернаторы, а гражданские начальники областных управлений министерства безопасности и приданные им «зеленые фуражки».

Владимир ВОРОНОВ

ПЕРО ХОРОШО, А ВИНТОВКА — ЛУЧШЕ

«Горячие точки», как известно, притягивают к себе любителей острых ощущений и любителей пострелять за деньги. Первые, обычно наши коллеги-журналисты, вторые — «дикие гуси», наемники. Но порой уставшему от скучной и безмятежной московской жизни, от серых будней «рыцарю пера» хочется чего-нибудь такого, этакого, остренького. Подумаешь, репортаж с абхазской войны! А вот если самому пострелять, да не в воздух («фи, как банально и пошло»), а в «живую мишень», за «двуногим зверем» поохотиться...

Некий журналист весьма известной московской газеты, побывавший на абхазско-грузинском фронте, бахвалился на пьянке: «Люблю оружие. Вижу, какой-то новый и незнакомый мне автомат. Прошу абхаза: «Дай стрельнуть!» А он: «Чего, мол, зря патроны переводить в воздух, стреляй тогда уж по грузинам...» Мне-то по фигу, взял автомат, смотрю — ползет, «мхедриони» какой-то. А я в десанте раньше служил, стреляю отлично. Прицелился, нажал курок — тут э тот

грузин и «сгруппировался». Навсегда...»

Пресс-«стрелок» другого издания «отличился» тем, что всласть позабавился, выпустив ленту патронов из крупнокалиберного пулемета по Сухуми. Так сказать, тоже к «штыку приравнял перо». Кстати, примерно тогда же другой газетчик, прибывший в Сухуми, чтобы взять интервью у находящегося там Эдуарда Шеварднадзе, получил тяжелейшее ранение — пуля крупнокалиберного пулемета прошила ему

тазобедренную кость. Может, от своего собрата по перу и получил?..

Такие вот представители «второй древнейшей профессии» пошли нынче. Не иначе как от кого-то заразились. Дурной пример, он, как сифилис, от пера к перу передается. Эдик Лимонов тоже палил из чего придется в Приднестровье и Боснии. Ему очень нравится разряжать крупнокалиберные пулеметы по населенным пунктам и нюхать ствол автомата после стрельбы по «живым мишеням».

Так у нас, в России, всегда: «властители дум», писатели да журналисты, сначала сами чешут руки о наган или винтовку, потом Русь к топору зовут. В конце же спектакля почему-то обижаются, когда радостно воспрянувшая Русь (Чечня, Абхазия, Югославия...) тем же топориком их хрястнет по макушке. Тогда они и о правах человека вспоминают. Если успевают, конечно...

А. КАЛАШНИКОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРЕДЛАГАЕТ:

ИМПОРТНЫЕ
АВТОМОБИЛИ
ВЫПУСКА 90—92 ГГ.

(BMW, Mercedes и т.д.)

Тел. 938-23-03.

ГРЕЧЕСКИЕ
КОНДИТЕРСКИЕ
ИЗДЕЛИЯ
В ВАКУУМНОЙ
УПАКОВКЕ

Тел. 930-08-87.

Факс. 938-23-03.

РЕКЛАМА

АО «ДАМФФ-
ИНТЕРНЭШНЛ-
МОСКОВУ»

- сигареты
- «Америкэн» (США)
- радиозлектроника
- одежда
- обувь
- игрушки

СО СКЛАДА

В МОСКВЕ!

Тел. 261-22-65

Факс: 267-83-93

Григорий КРОШИН

ЧОЙ-ТО ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?..

Друзья в последнее время вконец уже достали, знакомые, родственники со стороны жены: «Ты там якшаешься с этими... ну как их... депутатами. Сам-то ты хоть, честно скажи, понимаешь — чем они все-таки занимаются в рабочее время? За что мы им платим?» За что, в самом деле?.. Поглядим.

МИЛЛИОН ДО ПОЛУЧКИ

Это не гипербола, не шутка. Какие уж с миллионными шутки. А платим мы с вами, коллега-избиратель-налогоплательщик, нашим избранникам и вправду немало. Вот последний расклад: будем считать его слухом, имеющим хождение сегодня в «Белом доме». Итак, сегодня у рядового члена Верховного Совета (то есть не секретаря Комитета или Комиссии, не председателя подкомитета или подкомиссии, тем более — не председателя Комитета и не зама) месячный оклад — 171 тысяча рублей. Кроме того, в строгом соответствии с недавним — от 11 июня — приказом первого зама спикера Ю.Воронина каждому парламентарю должно быть выплачено еще 50 процентов оклада за каждый месяц начиная с 1 января 1993 года (то есть за полгода) в качестве компенсации за инфляцию... Это — за 6 месяцев — миллион. И еще один слух: как раз в эти дни народные наши заступники, отправляясь на каникулы, получают еще почти по миллиону рублей, которые складываются из оклада, отпускных (еще в размере оклада), лечебных (т.е. еще оклада), премий и проч., и проч. ...

Все это, повторяю, будем считать слухами. И не верьте всему этому, моим дилетантским подсчетам, все это может оказаться абсолютной неправдой, а точнее — абсолютным преуменьшением... И уж конечно правы будут те, кто скажет, что неплохо считать деньги в чужом кармане.

И мы бы не считали никогда, если бы эти деньги в чужом кармане не были деньгами из нашего с вами, читатель-налогоплательщик, кармана... А раз из нашего — извини. И будь любезен, покажи работу. Увижу работу — может, еще и доплатить захочу.

А теперь спросим себя: для какой работы мы их, депутатов, туда, в парламент, в свое время избирали? Не помните? Правильно. Не помните, потому что и не знали точно. Думали, что, если он громче всех кричит против коммунистов, — наш человек, демократ, форменный избранник народа. То есть, мол, туда ему и дорога. Причем самого его тоже не предупредили, для чего избирали. Ну не подсказали вовремя человеку, что парламент — это законодательная власть, а стало быть, основная его работа будет — законы для нас издавать, чтоб нам по ним потом лучше жить было.

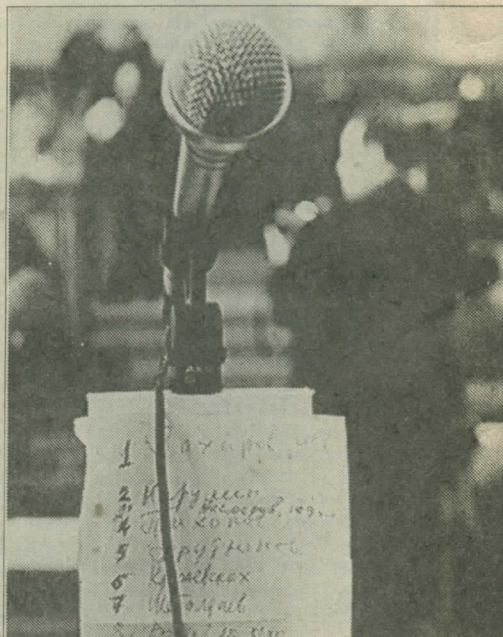
И он, бедолага-избранник, ни о чем таком не догадывался. Думал, что «демократ» — это уже и есть профессия. Надеялся и верил, что и дальше «сама пойдет»: Шай-бу! Шай-бу! До-ло-о-ой!... А это ведь как раз то самое, что у большинства депутатов лучше всего получается. Есть прямо круглые отличники движения, «Доло-о-ой!», бывшие смельчаки-демократы. Ну, например, господин Челноков, знаменитый метатель ваучеров в лицо министру...

...Любо-дорого наблюдать, как он скачет по утрам через весь зал к 3-му микрофону. Или к 1-му, или к 6-му... Между прочим, с утра пораньше, то есть прямо с самого начала сессии, впечатление такое, что у

всех микрофонов один сплошной депутат Челноков. С ночи очередь занимает, что ли?.. Оч-чень активный парламентарий! Тот самый, помните, который еще президента Горбачева свергал: «До-ло-о-о-ой!» (Аплодисменты.) А потом — гзачепистов. (Аплодисменты, переходящие в овацию.) А потом, естественно, — президента Ельцина: «До-ло-о-о-о-о-о-о-о-о-ой!!!» (Аплодисменты, перешедшие в черт-те что...) Следующий — Гайдар... Ну а сейчас — кого свергать? Правильно — зама спикера Рябова: «Доло-о-ой!»...

Так что же, спросит читатель-избиратель, которому ужас как жалко за такую «работку» денжат отстегнуть, — такова деятельность депутата?.. Нет-нет, избранник Михаил Борисович Челноков корпит, конечно, и над законами. В свободное от метания ваучеров в физиономию министру Чубайсу время. Как раз тут на днях и озарило парламентария: целый законопроект сочинил! Правда, не единолично, а с верным соратником своим — коллегой по микрофону Юрием Сидоренко, председателем депутатской комиссии по этике.

А закон такой. Поскольку, рассуждает Михаил Борисович (вместе с Юрием Сергеевичем), на сессии ВС РФ почти всегда пустой зал и во время голосований приходится в поте лица метаться меж столов, нажимая подряд все оставленные карточки за отсутствующих избранников (а недавно вслух сказал об этом в сотый раз депутат Микаилов, карточку которого «по ошибке» использовал скачущий по пустому залу Ю.С.Сидоренко), — не лучше ли прекратить все это разом, специальным законом? Чтобы раз и навсегда покончить с неудобством голосовать и за себя, и за тех, кого нет ни в зале, ни в стране...

Вот и предложил депутат Челноков на полном серьезе одним махом, прямо с утра, переделать Конституцию и установить следующее. Во-первых, чтоб для принятия всех законов было достаточно присутствия не двух третей членов Верховного Совета, как сейчас, а — половины: да и этих-то попробуй собрать... Во-вторых, считать закон принятым, если за него проголосуют 50 процентов от... числа присутствующих. Итого: из 252 членов ВС любой закон могут принять... 60 человек! И все дела.

Жаль, конечно, что даже в этом зале никто челноковскую законодательную инициативу всерьез не принял, подумали, видимо, что очередная смелая выходка... Обсуждать даже не стали. А зам спикера Николай Рябов (тот самый, которого «Долой!»...) вообще назвал предложенный законопроект абсурдом.

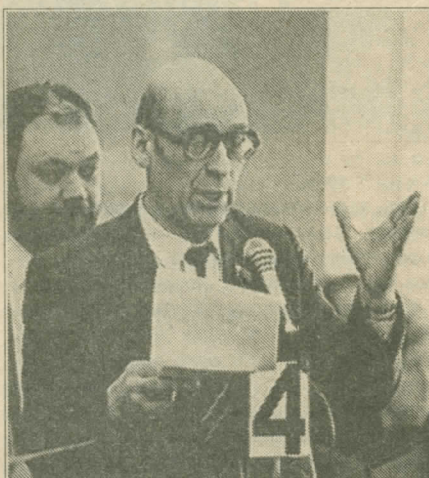
Похоже, законотворчество — не депутатское дело... Не для каждого, во всяком случае. Неэффективное, скучное, противное: сидеть в служебном кабинете, листать какие-то бумажки, сверять варианты, советоваться с экспертами и, главное, заставить себя кого-то слушать... И все это — вдали от телекамер и микрофонов, от ненавистной прессы. Не-ет, это не для настоящих избранников. То ли дело, когда в повестке дня появляется что-нибудь этакое, кадровое...

...ЖАРЕНОЕ!

Вот тут-то самый кайф депутатской деятельности за наши с вами денежки: «помыть кости»... Причем почти все равно кому — министрам, президенту и его команде, своему коллеге Виктору Миронову... Но особое, конечно, наслаждение —

Фото ИТАР — ТАСС

это когда есть возможность «на ковер» кого-нибудь из высших лиц вызвать. Помните, крылатое спикерское: «Позвоните президенту. Пусть явится!»

Пусть явится... А чего с президентом церемониться-то, верно? А уж с иными, рангом пониже, — и того проще. Подать сюда министра такого-то! В какой еще заграничной командировке? Отозвать, пусть к обеду прилетит...

...А на днях сам маршал Шапошников «на ковре» был. А за два дня до этого — исто-во «мыли кости» коррупционерам из правительства. Так увлеклись этой работой, что даже про обеденный перерыв нарочью забыли. Зал — битком. В воздухе резко запахло духом доброжелательства... И — пошло-поехало:

— ...банда коррупционеров! (припечатал депутат Морокин).

— ...воры в правительстве (сообщил новость депутат Маханов).

— ...наживаются отдельные прихлебатели! (депутат Каменев).

— ...семейно-мафиозная смышка (тоже, конечно, о правительстве — депутат Павлов).

— ...эта шайка-лейка, эта банда, лихимцы (все о тех же — депутат Уражцев)...

И так далее в течение не одного часа рабочего времени, которое — не забыли? — мы с вами исправно оплачиваем, да еще с учетом инфляции, с премиями, компенсациями и прочими доплатами... И создает стойкое впечатление, что за такую депутатскую «работу» не деньги надо платить, а... Вот, спасибо, один трезвый депутат, не выдержавший этого маразма, напомнил от микрофона:

— На Руси древней били морду за такие выступления и оскорбления!

Но он, этот депутат Травников, правда, напомнил не сразу, а лишь через пару дней, по другому, хотя и сходному, поводу, когда уже публично пинали другого — маршала Шапошникова. Официально это

Фото Б.Кремера

пинание называлось так: утверждение в должности секретаря Совета безопасности. Но удивительно: активничали те же самые парламентарии, что и по поводу коррупционеров накануне, — известные своей кристальной чистотой Н.Павлов, В.Уражцев, И.Андронов и, естественно, В.Севастьянов...

Знаменитый своими регулярными полетами Виталий Севастьянов отработывал депутатство особенно тщательно. Не успев приземлиться на трибуне, он грозно так вскрикнул, глядя в сторону бедного улыбающегося маршала (далее — по сценарии):

— Я взлетел, уже лечу! — предупредил дважды Герой Советского Союза и... полетел: — Вы не любите Россию, — сбросил он свою первую бомбу на маршала. — Вся ваша история, должности, начиная с Главкома ВВС... это история воспитания предательства, — вторая бомба брошена, — предательства интересов страны... — третья бомба... И наконец, мораль — Человек должен быть кристально чистым и патриотом. А вы не обладаете этими качествами, — пригвоздил бывший дважды смельчак-космонавт настоящего Маршала авиации, подразумевая, что сам-то он «эти качествами», естественно, обладает...

Фото РИА-Новости

ЗАЩИТИТЕ НАС СОЦИАЛЬНО!

Но что ни говорите, а самая-самая любимая тема наших работяг-избранников — это обеспечение всем необходимым себя, родимых. Несколько дней назад очередная попытка (пока, слава Богу, неудачная) была предпринята парламентариями в палатах. Бросили все дела и решили заняться всерьез... собственными гарантиями. Центральный социальный защитник обездоленных наших депутатов Михаил Захаров доложил слугам народа один из основных законопроектов, без которых уже просто дальше невмоготу существовать этому самому народу, — Закон о социальной защите народных депутатов... А вы думали — студентов? Или, может, пенсионеров? Или — инвалидов?.. Нет, давайте договоримся: самые незащищенные наши слои на сегодня — депутаты. А чтобы они, наши самые умные, справедливые и работящие, были спокойны и всем довольны, в закон надо, во-первых, заложить правило, чтоб служебную квартиру московскую они могли приватизировать (то есть навсегда — и после окончания депутатского срока — остаться в уютной столице, а новым депутатам пусть строят новое жилье...). Во-вторых, обеспечить их материально (в том числе позволить уходить на пенсию на два года раньше, чем все остальные российские смертные...). В-третьих, и это главное, — дать им пожизненный иммунитет и сохранить абсолютную неприкосновенность от всяческих правоохранительных органов (то есть позволить не обращать никакого внима-

ния на законы)...

Все это перечисленное хорошо бы оставить законно. Что и попытались было сделать избранники на днях. Причем все выступавшие начинали свои речи с того, что «депутаты — такие же граждане, как и все, и им тоже положена социальная защита»... От кого, интересно, защита? От нас с вами, читатель-избиратель? Похоже, что так. Ведь зачем, спрашивается, народному депутату, избранному на 5 лет, оставаться навсегда в Москве, в служебной квартире? Ну, конечно, она удобнее, теплее, просторнее, дешевле... Но главное, по-моему, другое: избраннику ох как неохота (или даже боязно) возвращаться к своим уважаемым избирателям! Глаза бы его их не видели...

...А тут-то, в Москве, светло, тепло и мухи не кусают. И ничто, и никто не грозит «таким же, как все, гражданам». Их сытно кормят и славно охраняют. А совсем уж на днях спикер даже специальную Комиссию учредил, 600 миллионов, говорят, на этот год выделил (кстати, опять же из наших денежек), чтоб жесткий был надзор за тем, как кормят в столовых «Белого дома» наших трудяг-парламентариев. Говорят, что, например, отравить народных избранников отныне становится совершенно невозможным делом. Но лично я что-то не верю этим слухам... Сам недавно ел. Ничего особенного. Все — то же...

ИТАК... ЗА ЧТО ЖЕ ПЛАТИМ?..

Еще не поняли? Я — тоже. И ведь опасное — только часть того, чем по горло заняты ежечасно наши с вами слуги, на-

родные заступники, высшие законодатели. То есть далеко не все, чем они вообще занимаются, пока мы с вами чуть-чуть зазевались.

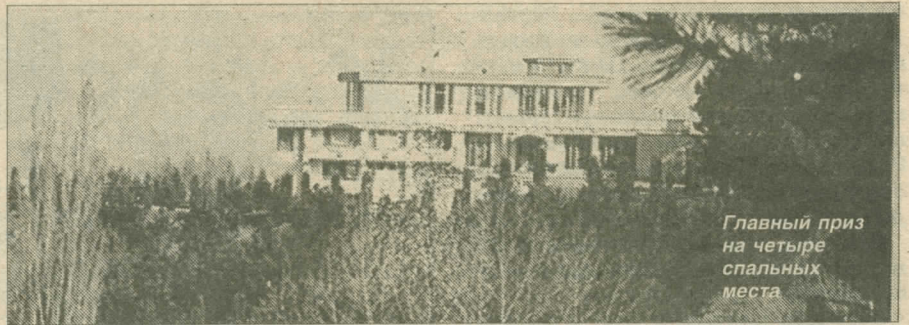
Единственное, чего они не делают, это того, для чего, собственно, туда нами посланы: не творят законов. То и дело, на всех буквально парламентских, президентских, правительственных, предпринимательских, общественных и прочих ту-совках слышится одно и то же: нет того закона, нет этого закона, а раз нет законодательной базы, значит, невозможно и ввести то или иное мероприятие в законные рамки, то есть следующая стадия — это правовой беспредел... Вот, кстати, о той же коррупции. С большим энтузиазмом депутаты готовы ее обличать, призывать всех и вся с ней, проклятой, бороться и выкорчевывать, ан... Закона-то о коррупции нет до сего дня... Закона-то о государственном служащем тоже нет до сего дня... Начальник Московского Управления безопасности Евгений Севастьянов говорил мне: «Требуют от нас борьбы с коррупцией, а сами не дают для этого соответствующих законов. Как же бороться-то цивилизованно? Пусть издадут Закон, в котором четко запишут: это — коррупция, а это — не коррупция. Но — законов нет»...

Итак: если законодательный орган не дает законов, то зачем он нужен? Какова тогда его продукция? Чой-то вы там делаете, ребята? За что ж мы вам платим, а?..

Есть над чем пораскинуть кое-чем.

Владимир ВОРОНОВ

Главный приз на четыре спальных места

МАТЧ ВЕКА:

«АСМАРАЛ» — «ДЕВЯТКА»

Разминка

Уважаемые болельщики, начинаем очередной репортаж с матча на первенство России по новой спортивной дисциплине — прикладной приватизации. Сейчас самый разгар сезона, команды ведут упорные баталии за переходящий приз. Наш увлекательный матч длится уже три года, участники его демонстрируют все новые и новые грани спортивного мастерства, но до финала еще далеко.

Пока играющие тренеры дают указания игрокам, напомним зрителям состав участников: «Асмарал» — совместное российско-британское предприятие. Играющий тренер, он же президент фирмы — иракский и британский гражданин Хусам Аль-Халиди.

Их конкурент: «Щит и меч» — Главное управление охраны Российской Федерации, бывшая «девятка» (9-е Главное управление КГБ). Возглавляют команду спортсмен-динамовцев генералы Барсуков и Коржаков.

Место проведения состязаний — Москва и Кисловодск. В подготовке и проведении матча активно участвуют власти Кисловодска, Госкомимущество, Кисловодский горсуд, экс-президент СССР и президент России. Но мы забыли сказать о главном призе! Он просто великолепен: Переходящая Дача Лично Дорогого Товарища Леонида Ильича Брежнева «Сосновый бор» (что близ Кисловодска) — мечта любого начинающего приватизатора!

Пока обе команды — мастера совместного получения прибавочной

стоимости и победители террористов и шпионов — разминаются перед началом очередного периода, напомним нашим зрителям основные и наиболее интересные моменты предыдущих встреч.

Оператор! Включите видеозапись!

Счет 0:0. Первый тайм

5 июля 1990 года. Главная спортивная арена страны — Кремль. Под многочисленные аплодисменты публики на поле выходит Михаил Горбачев, президент СССР. Именно ему было предоставлено почетное право «начать» матч века.

То, что он игрок хороший, — всем известно, таким его сделали комсомол и партия. Звучит свисток, и президент нерушимого Союза лично дунул в него. Удар! Процесс, простите, матч пошел! Впрочем, процесс тоже будет.

К лету 1990 года гневные обвинения партocrats в проедании народного добра стали уже дежурными. Факт наличия у номенклатуры привилегий стал для оппозиции (такими привилегиями пока не обладающей) основой тактических построений при ведении атак. Номенклатурным китам стало ясно, что общественному мнению надо было бросить кость, избавившись от кое-каких излишеств. Машины отдать нельзя. Паек тоже — в магазинах после «исторической» речи Рыжкова — ни фиги. А вот дачи — их ведь много, слишком много. Почему бы не применить универсальный принцип — «На тебе, боже, что мне неже?»

Вот 5 июля 1990 года и появляется

Указ президента СССР № 350 «О передаче высвобождающихся государственных дач». В нем инициатор перестройки, желая просто «упорядочить использование государственных дач и разместить в них учреждения социального профиля, культурно-бытового назначения и других нужд», постановил: «Передать находящиеся на балансе Службы охраны КГБ СССР государственные дачи... следующим ведомствам и организациям...» Перечень счастливых довольно длинен — секретариат Верховного Совета СССР получил дачу «Сосновка-1», Управление делами союзного Совмина — «Архангельское», МИД — «Калчуга-2», Минобороны — «Сареево» и крымские дачи «Маевка» и «Чаир». Ялтинскому горсовету достался Юсуповский дворец («Кореиз») и так далее. И, наконец, счастливым обладателем уже известного нам приза, «Соснового бора», стал Кисловодский горсовет.

Кстати, указ одновременно предусматривал и сокращение личного состава служб КГБ, обслуживавших все эти дачи. Тоже неглупый ход — можно было торжественно объявить на весь мир о грандиозных сокращениях в КГБ.

1:0 в пользу бедных

«1:0» в пользу Кисловодска? Как бы не так! По предварительной прикидке вышло, что прибыли дача не приносит, а на ее содержание уйдет аж три четверти городского бюджета. Но пока городские головы думали, исполнительные чекисты, взяв под козырек, быстренько выполнили Указ своего президента. Уже 10 июля 1990 года на основании приказа № 59 начальника Службы охраны КГБ была создана комиссия по передаче кисловодской советской власти б. номенклатурных богатств. А уже осенью состоялась и сама передача, что было официально утверждено актом, подписанным зампреда КГБ СССР генералом Денисовым и председателем Кисловодского горисполкома.

Городские власти долго пытались

пристроить свалившийся им с партийного неба дар. То одному в аренду предложили, то другому... И вот 3 марта 1991 года наконец порешили: сдать дачу в долговременную аренду совместному предприятию «Асмарал». Решено — сделано. Составлен, оформлен и подписан договор аренды на 49 лет.

Казалось, что матч завершен и тяжелый Кубок обрел свое временное пристанище.

«Асмарал» и его хозяин господин Аль-Халиди наивно вкладывали деньги в переоборудование дачи и строили грандиозные планы по осплодотворению жителей города колбасой и чистой одеждой — завезли в «Сосновый бор» на 220 тысяч долларов оборудования для изготовления первой и на 50 тысяч «зеленых» аппаратов для чистки второй. Ну и, конечно, арендную плату перечисляли в бюджет города вовремя. Буржуазные замашки, что скажешь!

На скамейке запасных, или Гол из-за угла

В воздухе запахло жареным — наступил август 1991-го, потом пришло время Беловежской пуши. Старая площадь наполнилась новыми людьми. Новое, правда, оказалось плохо еще забытым старым. Раньше всех это поняли «динамовцы» с Лубянки. Новые люди — старые люди, а есть пить и на машинах ездить всем одинаково хочется. И отдыхать на дачах тоже надо — демократия так выматывает! Желательно с бассейнами и саунами, как в «Сосновом бору», например. Все вокруг что-то делают, только перья летят. А куда податься бедному чекисту? — Да все туда же: делить поделенное и грабить награбленное. Какая революция без дележа и грабежа, особенно в России?!

Но зачем светиться, если имеешь «доступ к телу» президента России (в самом прямом смысле — телохранители ведь)? И в один прекрасный день, 7 июля 1992 года, тихо и незаметно выплывает распоряжение президента № 348-рп: «Передать безвозмездно на баланс Главного управления охраны Российской Федерации санаторно-курортный комплекс «Сосновый бор» (бывшая государственная дача на Северном Кавказе «Сосновый бор») с территорией...». Обратное, значит! Несколько позже на этом распоряжении появился гриф: «Не для печати».

Трудно утверждать, сыграл ли свою роль при издании этого распоряжения пресловутый «доступ к телу», но юридическая служба «Асмарала» утверждает, что оно не прошло утвержденного порядка визирования, а было

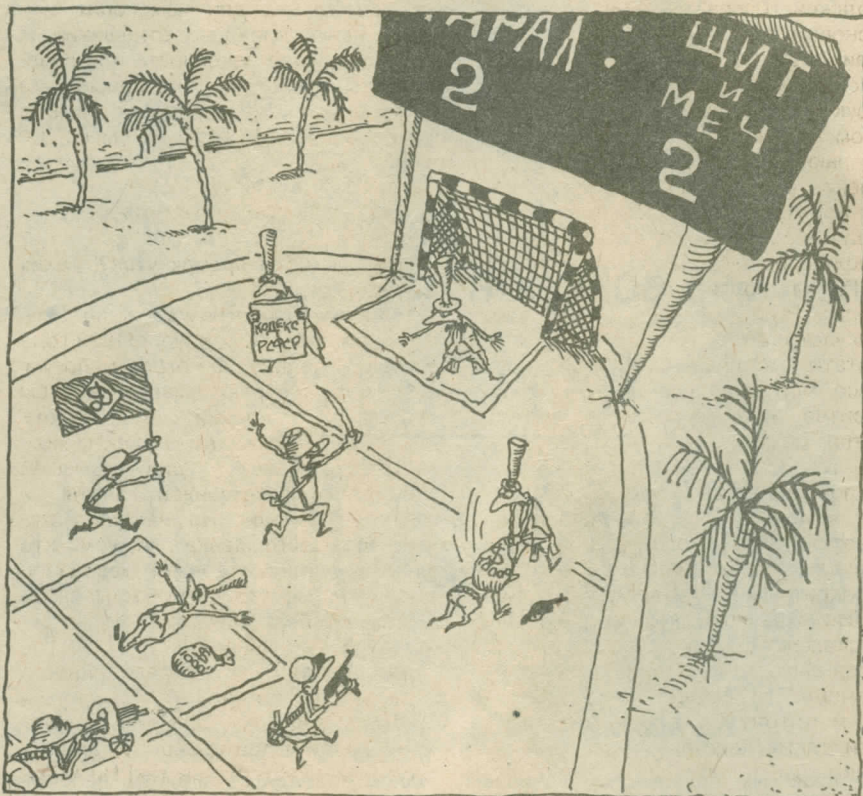

Рис. А. Зайца

подготовлено вездесущими охранниками и подсунуто на подпись президенту «из-за угла».

Распоряжение-то подписали, но Указ экс-президента СССР так и не отменили.

Лишившийся дармовой дачи и доходов от ее аренды, растерянный Кисловодский совет извещает «Асмарал» о расторжении аренды «в связи с обстоятельствами непреодолимой силы». А ударные подразделения ОМОНа с автоматами наперевес штурмом берут дачу. Итак, тайм завершен взятием ворот «Асмарала». «Девятка» сравнивает счет. Теперь 1:1.

Во время перерыва в раздевалке

Кроме главного приза в руки охранников попадает множество более мелких трофеев на сумму почти один миллион долларов! Улов действительно неплохой: хоть та же колбасная линия и химчистка, да еще оргтехника и телевизоры — почти на 300 тысяч «баксов»; ковры — еще на столько же; личные вещи президента фирмы — всякие пустяки: картины, там, коллекция серебра, какие-то бриллианты супруги бизнесмена, новенький, что-ли, «Мерседес»... А кто-то еще сомневался в том, что чекисты не взяли бы штурмом «Белый дом» в августе 91-го! Да одна «девятка» и без хваленной «Альфы» обо-

шлась бы — вон как дачи штурмует.

В перерыве матча и начинается самое интересное. Бизнесмены требуют восстановления статус-кво и решения проблем законным путем, в суде. Еще хотят возмещения убытков — а их уже на миллионы долларов, так как разорван ряд контрактов. Естественно, руководство СЛ направляет в городской суд иск к администрации Кисловодска и Главному управлению охраны: хозяева, мол, могут хоть каждый день меняться, но при чем тут арендаторы, которые действуют в полном соответствии с действующими законами?!

«Судью — на мыло!»

И в самом деле — в 1990 году никто в действиях главного рефери — президента СССР — и не сомневался. Сам он игрокам красных карточек не показывал, да и боковые судьи о положении «вне игры» не сигнализируют. А тут вдруг бывшие же хранители тела Михаила Сергеевича скандировать стали: «Судью — на мыло!»

Из переписки между руководством Управления охраны и различными ведомствами вырисовывается интересная картина: главным виновником оказался... Михаил Горбачев и сами фирмачи. Оказывается, своим указом от 5 июля 1990 года президент СССР нарушил законы СССР и...суверенитет РСФСР. В чем состояло это нарушение, неясно по сей день. Ведь Кис-

ловодский горсовет — не Япония, а «Сосновый бор» — не Шикотан и Хабомаи, как был российской террорией, так ею и остался. Но генералы Барсуков и Коржаков упорно стоят на том, что «сделка была совершена... с целью, противной интересам Российской Федерации». В числе основных аргументов незаконности указа Горбачева хотя бы то, что он не был ратифицирован Верховным Советом СССР, не подтвержден Верховным Советом РСФСР и ему был присвоен гриф «секретно».

Кстати, это очень веский аргумент — все, мол, делалось за спиной парламента, все секретилось от общества, поэтому незаконно! Но слышать такой аргумент от главных ревнителей тайн, право, смешно.

Да и передержка «маленькая» получается. Указ президента о передаче дач, упорно именуемый чекистами секретным, таким вовсе не является! Но охранники вполне сознательно искажают факты, настаивая на противозаконности действий Горбачева.

Почему же руководство КГБ в 1990-м то году не заявило о незаконности таких действий, а спешно выполнило президентский указ? И вплоть до иска «Асмарала» даже и не заикалось о незаконности и секретности.

А вот распоряжение российского президента № 348 от 7 июля 1992 года гриф «не для печати» имеет. Но тогда ведь и к этому распоряжению вполне применимо положение о невступлении его в силу до публикации. В аппарате президента подтвердили, что вышеназванное распоряжение № 348 не публиковалось... Значит, охрана президента выполнила незаконный приказ?

Во всяком случае, методы его выполнения к законным и цивилизованным трудно отнести — так ли уж был необходим штурм и захват личного имущества сотрудников «Асмарала»? Но генерал Коржаков в письме на имя руководителей парламентского комитета по делам молодежи и подкомитета по физкультуре и спорту утверждает, что при исполнении распоряжения президента России «Главным управлением охраны... не было допущено каких-либо противоправных действий».

Рекламная пауза: «У нас очень смешные законы, ну просто такие смешные!»

Российская же правовая академия, давшая правовую экспертизу писем охранников, считает, что указ Горбачева является вполне правомерным — он был вправе передать общесоюзную собственность местным Советам. Кроме того, смена собственника имущества вовсе не являе-

тся основанием для изменения или прекращения арендных отношений. И в любом случае законность или незаконность действий экс-президента СССР может быть признана лишь в судебном порядке. Чего не было сделано.

«Прорыв в штрафную!»

Разве чекисты промахнутся?! Таких не удержат...

И действительно не удержали. Поэтому в том же жарком июле 1992 года Главное управление охраны производит целую серию захватов как бы «пустующих» зданий в Москве. Строились-то все эти объекты как правительственные, для высшей партийно-государственной элиты и научного бомонда. Но наступил момент «большого хапка». А тем, кто денно и ночью стережет «основное тело» и множество других тел рангом поменьше, зевать не пристало — реакция у них отменная.

Так, может быть, «справедливость восторжествовала»? И охранники получили обратно и другие дачи, столь неосмотрительно отданные Горбачевым? Как бы не так! Ни министерство обороны, ни МИД, ни даже совхозы полученных спортивных трофеев не лишились! Выходит, во всем огромном Указе Горбачева суверенитет России был нарушен лишь в одном случае — при передаче «Соснового бора» Кисловодскому совету!

Юридическая служба «Асмарала» поведала и о другом парадоксе: представителям СП в суде приходится отстаивать уже не столько свой иск, сколько оправдываться «за Горбачева», Верховный Совет и Совет Министров СССР и советские законы...

— Но при чем здесь мы?! — так заявила нам исполнительный директор СП Светлана Бекова. — Не мы же устанавливали все эти законы, которые противоречат друг другу. И почему мы должны нести убытки и отвечать за то, что для всего государства «установленные порядки» самим же государством и нарушаются!

Рекламная пауза: «Парьтесь только в банях ВЧК!»

Интересно, а как распорядились многоопытные спортсмены в штатском столь ценным трофеем? Да никак. Хотя бы потому, что спальные мест на самой даче всего четыре. Имеется и гостиница, в которой раньше и обитали блюстителю тела лично дорогого Леонида Ильича. Сидят сейчас там, наверное, в засаде президентские бойцы с автоматами в руках. То ли самого президента поджидают, то ли готовятся к отражению

штурма «асмаральских» террористов... Баньку, говорят, топят ежедневно. Но парятся в ней сами же охранники.

По сегодняшней оценке для поддержания «Соснового бора» в рабочем состоянии требуются ежегодно сотни миллионов рублей. Щедрые, однако, у нас охранники. За наш счет.

Работники «Асмарала» утверждают, что инициатором всего дела является именно генерал Коржаков, выросший, по их словам, за считанные месяцы в звании от майора до генерал-майора. Трудно сказать, так ли это. Само охранное ведомство утверждает, что оно тут ни при чем — спор, мол, Госкомимущество ведет.

А пока Госкомимущество по просьбе чекистов «наезжает» на «Асмарал» в предгорьях Кавказа, в столице на СП «наехало» уже Москомимущество — прикрыли закусочные «Шаурма», под видом проверки изъяли учредительные документы фирмы и... «затеряли» их.

«Динамо» — чемпион?

Ну чем не настоящий, большой спорт, — все налицо: судьи и положение «вне игры», красные карточки и пенальти, договорные матчи и требования «судью на мыло!»... И переходящий приз. И главное, что здесь, как и в спорте, он тоже не всегда достается самому сильному и самому честному.

— Вот увидите, пройдет какое-то время, и эту кисловодскую дачу втихую приватизирует какой-нибудь гэбэшник — для этого весь сыр-бор и затеяли. Ведь то же самое творится со служебными дачами: сначала их из государственных делают ведомственными, а потом уже задарма передают генералам и маршалам — так завершила нашу беседу уже упомянутая Светлана Бекова.

Оператор! Камеру... Матч продолжается. Кто завоюет главный приз: Переходящую Дачу Лично Дорогого Товарища Леонида Ильича Брежнева и почетный титул — Прихвизатор эпохи?

Финал?

Только что стало известно: Кисловодский горсуд принял решение в пользу СП «Асмарал». Договор аренды судом признан восстановленным. «Матч века» завершён? Приз нашел своего владельца?

Интересы фирмы «Асмарал» защищал в суде адвокат, член Союза юристов России Владимир Иванович Сергеев. Редакция «Столицы» благодарит В.И.Сергеева за предоставленные материалы.

Николай МОРОЗОВ

«ЗАГАДКИ»

Летом 1990 года директор Румынской службы информации Вирджил Мэгуряну любезно согласился принять корреспондента ТАСС для интервью. Среди заданных вопросов был и такой: «21 декабря режим Чаушеску еще находился у власти, и ему было невыгодно, чтобы из Бухареста просочилась информация о вспыхнувших волнениях. Значит ли это, что в секретуре были люди, которые читали тассовские сообщения, но не стали нам мешать передавать их? Кто-то следил за тем, чтобы в те дни у корреспондентов ТАСС была устойчивая связь?» Ответ главы РСИ, которая является — по крайней мере, хронологически — преемницей секретуре, был более чем лаконичен: «Видимо, да».

Подобных вопросов в те дни возникало немало. Ответов же на них нет и сегодня. Именно это обстоятельство и заставляет многих румынских и зарубежных журналистов предусмотрительно избегать словосочетания «декабрьская революция», предпочитая нейтральное «декабрьские события». Волею судеб автор этих строк оказался очевидцем и в определенной степени участником тех событий. И несмотря на это, я даже самому себе не могу дать однозначный ответ на вопрос: что же произошло в Румынии в декабре 1989 года?

РУМЫНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сколько авторов было у «письма шести»?

Весной 1989 года в западной прессе взорвалась сенсация: невзирая на полицейские порядки, тотальную слежку и драконовские репрессии, шестеро когда-то высокопоставленных и хорошо известных лидеров румынской компартии решились бросить вызов Чаушеску и, рискуя свободой, а может быть, и жизнью, выступили с открытым протестом против проводимой им политики. Опубликованное одновременно в нескольких газетах «письмо шести» повсюду усилило ненависть к одиозному режиму и вызвало волну симпатии к престарелым борцам за справедливость. «Публичный протест политических лидеров подобного масштаба был беспрецедентен в Румынии», — писал позднее в мемуарах один из авторов письма, Силвиу Брукан. «Подписанты» были немедленно взяты секретуре под «плотную опеку», а приемный сын одного из них, дипломат Мирча Рэчану, арестован

по обвинению — конечно же ложному! — в шпионаже. Говорили, что именно он взял на себя опасную миссию — передать «письмо шести» сотрудникам посольства США в Бухаресте — и теперь расплачивался за это.

Но вот недавно в книжных магазинах Румынии появился томик со скромной обложкой, на которой значилось — «сознательный риск». Его автор — бывший заместитель начальника 4-го управления (контрразведка) секретуре полковник Филип Теодореску. 16 декабря 1989 года он был откомандирован в Тимишоару, где начались антиправительственные беспорядки, а 22 декабря — арестован новыми властями. Ф.Теодореску провел в тюрьме почти 2 года и был признан невиновным. Говорят, будто раньше внешность полковника составляла государственную тайну, а когда он находился в заключении, некая иностранная дер-

О пользе интуиции

В декабре 1989 года предчувствие неминуемого конца Чаушеску носилось в воздухе. Однако повседневная жизнь в столице текла с виду, как обычно: люди шли на работу, стояли в очередях, гуляли с детьми. Но при этом все были внутренне напряжены и сосредоточены. Привычные жесты казались неестественными, и каждый думал о чем-то своем — будто прислушивался к гулу некоей надвигающейся откуда-то издалека лавины. Так тогда ощущали атмосферу в Бухаресте и мы — иностранные корреспонденты, наблюдавшие лишь «верхний слой» происходящего.

Все тот же отставной контрразведчик открывает нам глаза на подоплеку событий, разъясняет причины наших смутных ощущений. В течение почти 15 лет Запад использовал Румынию с ее «особым курсом» и строптивым Чаушеску для подрыва СССР, пишет Ф.Теодореску. Смена советского лидера в 1985 году повлекла за собой не только прекращение западной поддержки

Бухаресту, но и начало широкомасштабной акции по дестабилизации и в конечном счете устранению коммунистического режима в Румынии. «Западники» объединили усилия со спецслужбами соседних «братских» стран, ибо отныне существовала общая цель — ликвидация клана Чаушеску. Шпионские службы делали все для обострения внутреннего социально-экономического кризиса в Румынии, и в 1989 году эти усилия достигли апогея. На XIV съезде РКП многие иностранные делегаты были убеждены, что Чаушеску воспользуется случаем, чтобы объявить о своем уходе из политической жизни страны. Главы некоторых делегаций даже пытались уговорить своих соплеменников из румынского руководства действовать, пока еще есть время. Они не скрывали, что им известно о готовящейся за пределами страны акции по устранению Чаушеску.

«Тимишоара! Тимишоара!»

Все информационные агентства мира сообщили, что в субботу 16 декабря в Тимишоаре начались волнения, вызванные решением властей выслать из города реформатского священника Ласло Текеша, проповеди которого носили критический по отношению к режиму характер.

«Как началось восстание в Тимишоаре, никто в точности не знает, — пишет в недавно вышедших мемуарах С.Брукан. — Взрывы народного возмущения никогда не имеют точного исходного пункта». Однако еще сам Чаушеску предупреждал, что этот исходный пункт надлежит искать за пределами страны. «К нам больше не должен попасть ни один иностранный турист, так как

жава предлагала за его свободу сумму, равную годовому бюджету Румынии. Итак, бывший контрразведчик утверждает, что единственным автором письма был С.Брукан, а остальные даже не видели текста до публикации на Западе. Более того, этот «политический протест» будто бы был задним числом организован американцами, чтобы выдать провалившегося шпиона М.Рэчану за политического оппонента Чаушеску. Разоблаченный агент и не думал скрывать, что работал на американские спецслужбы, и надеялся, что его обменяют на какого-нибудь провалившегося за океаном румынского разведчика. После декабрьских событий освобожденный из-под ареста М.Рэчану немедленно покинул Румынию и поселился в США. Так чем же было «письмо шести»: акцией протеста против диктатуры Чаушеску или ловкой акцией американских спецслужб?

все они превратились в шпионов, — говорил он на заседании Политисполкома ЦК РКП 14 декабря 1989 года. (...) — Все должны знать, что мы находимся в состоянии войны. Все, что сейчас происходит в Германии, Чехословакии и Болгарии и произошло в прошлом в Польше и Венгрии, организовано Советским Союзом при поддержке американцев и Запада».

Как это выглядело на практике? «В страну въехало более 65 тысяч советских граждан, чтобы отпраздновать вместе с нами Рождество, — рассказывает председатель парламентской комиссии по расследованию декабрьских событий кинорежиссер и сенатор Серджиу Николаеску. — В большинстве своем это были молодые люди, которые передвигались по двое-трое в автомашинах. У нас есть все доказательства, что готовилась вооруженная интервенция».

В апреле 1991 года «Румыния либерэ» опубликовала следующую заметку: «Офицер КГБ, находящийся во Франции, знает румынский язык и в декабре 1989 года был в Тимишоаре. Вот что он рассказал: — Существовал план вмешательства, который, однако, не был применен по неизвестным мне причинам. Я получил приказ проникнуть в Румынию 14 декабря 1989 года и направиться к Тимишоаре. Конечно, я и мои товарищи были вооружены. Те, кто поехал в Бухарест, выполняли ту же задачу. Имелись в виду несколько крупных городов. Мы должны были осуществить стрельбу, чтобы внести замешательство».

Ф.Теодореску сообщает, что осенью 1989 года венгерские и югославские пограничные власти вдруг стали возвращать в Румынию перебежчиков, причем было невозможно установить, перешли они границу несколько дней назад или отсутствовали в стране несколько месяцев. Некоторые из них рассказали, что в венгерских и австрийских лагерях для беженцев ведется вербовка наемников, в основном из числа румынских граждан венгерской и цыганской национальности. Они получают задание проникнуть в Румынию, провезти и разместить в тайниках оружие и боеприпасы, а затем спровоцировать неповиновение властям и разжигать конфликты. Для проверки этой информации в упомянутые страны были заброшены агенты секуритате, которые по возвращении подтвердили показания перебежчиков.

«Где наши террористы?»

...21 декабря среди толпы участников митинга, созванного Чаушеску, чтобы осудить «хулиганов Тимишоары», взорвалась неизвестно откуда взявшаяся петарда. Возникла паника, портреты вождя полетели на землю, раздались крики: «Долой диктатуру!», «Тимишоара!», «Свобода!». Официальный митинг был сорван, и вместо него на Университетской площади началась массовая манифестация протеста. Ночью здесь раздались выстрелы, пролилась кровь. А на следующий день вертолет унес Чаушеску с крыши осажденного демонстрантами здания ЦК, и — революция победила! Однако уже через несколько часов в Бухаресте вновь зазвучали выстрелы. Кто стрелял в революционеров? Зловещие «террористы», от рук которых тогда погибло около тысячи человек, — еще одна «загадка» румынской революции. Одни считают, что речь идет о завербованных в личную охрану Чаушеску иностранных наемниках, другие предполагают, что это заброшенные в страну зарубежные «коммандос», третьи убеждены, что ожесточенное сопротивление новой власти оказывали сотрудники спецподразделений секуритате. Ну а кое-кто утверждает, что никаких «террористов» не было и в помине, а просто «неуравновешенные секуристы», перепуганные военнослужащие и криминальные элементы в суматохе палили друг в друга.

Между тем вот что мы передавали в Москву 23 декабря: «Только что корреспонденты ТАСС побывали на Дворцовой площади, где ведется ожесточенная перестрелка. Обгоревшее здание Государственного совета продолжает дымиться, разрушено его правое крыло, значительный ущерб нанесен окружающим домам. Площадь окружена танками и бронетранспортерами повстанцев, которые, укрываясь за ними, ведут огонь по дворцу. Из пустых оконных проемов им отвечают выстрелами на-

ходящиеся внутри террористы. Простреливаются прилегающие к площади улицы, а также площадь перед зданием ЦК, где непрерывно циркулируют машины «скорой помощи», забирающие раненых». Так что если террористов и «не было», то пули вокруг нас летали настоящие, так же как настоящей была и пролившаяся в Бухаресте кровь. Да и эмоции тогда, надо сознаться, мы испытывали вполне нешуточные! А тут еще позвонили из посольства и раздраженным голосом спросили, не поспешили ли мы называть демонстрантов «революционерами», а президента — «диктатором»? «Вы понимаете, что с вами произойдет, если через несколько часов в стране восстановится прежняя власть?»

В дни революции многие были уверены, что террористы — это сотрудники секуритате, которая в течение многих лет служила опорой одиозному режиму. Поэтому именно на секуритате после революции обрушился весь народный гнев, именно с ней стремились расквитаться многие за годы лишений и унижений.

Между тем с течением времени все чаще можно было услышать, что секуритате просто временно превратили в «козла отпущения», чтобы отвлечь внимание от подлинных террористов. Ф.Теодореску считает, что разгром департамента государственной безопасности (секуритате) составной частью входил в масштабный план дестабилизации Румынии. «Развед-аппарат Румынии должен был быть разрушен самими румынами, — пишет он. — Это совпало и с желаниями некоторых румынских генералов, которые стремились утаить свою деятельность во время событий». С ним согласен и известный публицист И.Кристю. «Демонстранты брали штурмом штаб-квартиры спецслужб, и наверняка в их первых рядах находились иностранные агенты, — убежден он. — Исполнилась золотая мечта многих разведок — прибрать к рукам сверхсекретные досье правительств социалистического лагеря».

Ну а после того, как дым над полем сражения рассеялся, оказалось, что под арестом нет ни одного террориста! Судя по сообщениям печати, большинство арестованных было отпущено на свободу еще в декабре 1989 года. По делу других будто бы состоялись судебные процессы, о которых, однако, в прессу не просочилось информации. Мелькали неподтвержденные сообщения о том, что некие группы «секуристов» покинули страну, нелегально выехав в Швецию или Хорватию. Некоторые заходят в своих предположениях еще дальше. «Я думаю, что мы и сегодня встречаемся с террористами на улицах, пожимаем им руки», — считает сенатор-актер С.Николаеску. «Они продолжают функционировать в качестве вполне уважаемых менеджеров и бизнесменов, высших офицеров и даже министров», — вторит ему С.Брукан.

Румыния — полигон для нового оружия?

Прошлым летом в прессу неведомо как попал текст доклада парламентской комиссии по расследованию декабрьских событий, предназначенный для внутреннего пользования. Авторы этого документа утверждают, что существовал заблаговременно подготовленный и хорошо продуманный план «психологических и радиоэлектронных диверсий» в Румынии, осуществление которого началось 22 декабря. Целью этого плана было усложнить наземную и воздушную обстановку в стране, дезорганизовать управление вооруженными силами, вызвать расточительный расход ресурсов и спровоцировать столкновения между участниками событий.

При помощи технических средств, которые были неизвестны румынской армии и потому привели ее руководство в полное замешательство, проводилась так называемая «радиоэлектронная война». Вечером 22 декабря на экранах военных радиолокаторов появились многочисленные движущиеся импульсы, которые не удавалось идентифицировать.

В докладе делается вывод о том, что речь идет о радиоэлектронной диверсии, которая осуществлялась путем создания искусственных помех, имитирующих на экранах радиолокаторов воздушные цели. Чтобы затруднить анализ ситуации, «враждебные революции силы» одновременно атаковали

ряд воинских частей, применяя автоматическое оружие, а также аппаратуру, имитирующую звук перестрелки, с целью создать видимость большого числа нападающих и посеять панику.

Между тем под маской ложных целей в воздушном пространстве Румынии в этот период действовали и реальные самолеты-нарушители. Они прилетали со стороны Черного моря, через дельту Дуная и исчезали где-то в Бэрэганской степи. Эти самолеты-нарушители выполняли свои задачи — вели разведку, забрасывали группы людей, снабжали продовольствием и боеприпасами, передвигаясь на высоте ниже 200—300 метров, то есть будучи неуязвимыми для локаторов ПВО.

«Враждебные революции силы» имели возможность не только прослушивать оперативные переговоры, но и непосредственно вторгаться в эфир. Так, по этим каналам связи был передан ряд фальшивых сообщений, целью которых было столкнуть силы министерства национальной обороны, секуритате и революционеров.

Психологическую диверсию осуществляли средства массовой информации. Непрерывно поступали сообщения об атаках террористами различных объектов, сообщались раздутые цифры жертв секуритате, объявлялось о том, что отравлена вода в городском водопроводе, взорвался атомный реактор в Питешти и многое другое. «Нужные люди» на телевидении, иностранные журналисты, в том числе корреспонденты ТАСС, подчеркивалось в докладе, сеяли панику, тиражировали «алармистские» сообщения, распространяли абсурдные слухи.

Авторы доклада предполагают, что все это было должно создать впечатление вспыхнувшей в стране гражданской войны и мотивировать «оказание иностранной военной помощи».

КГБ или ЦРУ? Или вместе?

Не секрет, что опасность — реальная или воображаемая — для Румынии на протяжении столетий исходила с Востока. Вот почему среди части населения страны бытует опасливое и неприязненное отношение к России. Понятно поэтому, что политическая оппозиция в Румынии считает «антирусскую карту» козырным тузом и активно разыгрывает ее, без устали повторяя, что Чаушеску был свергнут КГБ.

Другой, порожденный своеобразной «осадной психологией» сценарий гласит, что за кулисами декабрьских событий в Румынии стояло ЦРУ. Такой точки зрения придерживается, например, Ф.Теодореску. Многие авторы тщатся доказать, что Запад не замешан в декабрьских событиях в Румынии, пишет он. Для этого и подобрана теория государственного переворота, подготовленного и осуществленного по указанию бывшего советского лидера Горбачева. На самом же деле сценаристом был именно Запад, а русские, венгры, югославы являлись простыми исполнителями.

Существует и третья — «геополитическая» — гипотеза нового передела мира, который якобы осуществили Дж.Бух и М.Горбачев во время переговоров на Мальте 2—3 декабря 1989 года. Ее адепты утверждают, что после того, как многолетняя «холодная война» завершилась победой США, встал вопрос о ликвидации «имперской» зоны влияния СССР. Учитывая влияние «правых» сил в Советском Союзе, в том числе армии, американцы будто бы согласились уступить СССР небольшую зону влияния, в которую вошли Румыния, Сербия, Черногория и Болгария. Прямых доказательств, понятно, нет, и поэтому серьезные же исследователи относятся к «теории Мальты» весьма скептически.

«Правду о румынской революции мы сможем узнать лишь тогда, когда нам станут известны все факты и источники, позволяющие строго восстановить декабрьские события». — «Когда же это произойдет?» — «Никогда!» Такой неутешительный диалог однажды состоялся у меня с одним из очевидцев революции. Мой собеседник был профессиональным историком, а значит, говорил со знанием дела. Впрочем, генерал В.Стэнкулеску — одно из главных действующих лиц в декабре — настроен чуть более оптимистично. Отвечая на этот же вопрос, он сказал: «Лет через десять, когда с политической сцены сойдут некоторые из сегодняшних персонажей».

ОСКОРБЛЕННЫЙ СПИКЕР И ДЕПУТАТЫ В РВАННЫХ ШТАНАХ

Наблюдал 5 июня демонстративный и оскорбленный уход Руслана Имрановича с президентского Конституционного совещания. Спикера захлопали! Истинно сказано, что история повторяется дважды: один раз как трагедия, второй — как фарс. Помните, как захопывали академика Сахарова. Это была трагедия. 5 июня был фарс.

Говорят, Хасбулатов оскорбился. Но у него права оскорбляться нет. Слишком часто, легко и походя, с шуточками он оскорбляет других. Сам Руслан Имранович, конечно, представляет себя государственным деятелем, а нам на экранах ТВ видна бледная копия обкомовского инструктора, исключившего себя из социальной реальности и окруженного соратниками-депутатами, у которых в мыслях и на языке одно: распни его! В этом смысле «вынос тела», говоря языком О.Бендера, депутата Слободкина как финал весьма символичен.

Максимум претензий на формальное, не обеспеченное реальным авторитетом, главенство плюс простодушное хамство и лицемерие — вот стиль и методы работы спикера. Чего стоит только это одно утверждение: депутаты, эти «великие трудяги» (!), ходят... «в рваных (!!!) штанах». Это не бред, не выдумка. Я цитирую самого Руслана Имрановича, его интервью в «Огоньке» № 28 за 1991 год. Ах, бедняги, бесребреники! Даже живут впроголодь, лишены «нормального питания» (там же). Теперь понятно, почему они лезли в драку за бесплатными Библиями: приникнуть, так сказать, к живительному источнику хочется бедолагам, а за деньги приобрести — средств не хватает. Откуда, если даже штаны рваные. Как тут не приватизировать квартиры и дачи — жить-то надо...

Надеюсь, что эпизод с «выносом тела» Слободкина и Хасбулатовым самого себя из зала — начало конца карьеры спикера. Хочется ведь, чтобы парламентом руководил достойный человек, которого можно уважать.

Р.БЫЗОВ

Республика Коми, пос. Жешарт

НЕ РЕНЕГАТ, НЕ ДЕМОКРАТ, НО КОММУНИЗМ ЕМУ НЕ НУЖЕН

Письма читателей, которые журнал печатает в рамках кампании «травля Руцкого», невольно играют на повышение его рейтинга. Конечно, для тех, кто может думать. Такое впечатление, что авторы писем в «Столице» № 21 Л.Павлова и Г.Решетин — люди глубоко

сталинского воспитания, тех времен, когда не надо было мыслить, рассуждать, сравнивать.

Например, Л.Павлова пишет: «...летчика, побывавшего в пакистанском плену, нельзя было и близко подпускать к власти». Правильно, надо, как при Сталине — в лагерь на 15 лет. Побывал в плену — изменник. Главный упрек Руцкому — отсутствие личной преданности президенту, ренегатство, как пишет Л.Павлова. Но называть человека ренегатом можно только в случае его предательства, а как, интересно, «коммунист» Руцкой мог предать «демократа» Ельцина? Предать могут друзья, единомышленники.

Письмо Г.Решетина тоже негодующее. Руцкой посмел сказать, что раньше были низкие цены на продукты питания. Клевета и ложь! И Решетин тут же приводит список продуктов, которые кто-то просил его привезти в Калинин. Но цены были действительно низкие, в этом вице-президент не соврал. Только избави меня Боже утверждать, что сытно жилось в России. Хуже, чем жила российская глубинка, трудно придумать. Я и сама помню, как мама возила хлеб и баранки в деревню под Воронеж. Но помню и то, что не голодали в городах Украины и Армении, Молдавии и Грузии, на морском юге страны, в Закарпатье, в Прибалтике...

Кстати, я думаю, что даже господин Решетин согласится со мной в том, что раньше и в Калинин не все плохо жили. Партийные, номенклатурные, торговые работники могли себе позволить и колбасу, и апельсин, и многое другое. Таких было процентов десять. Самое интересное, что их столько же и сейчас, а все остальное — на грани выживания. Мало что изменилось для большинства, согласны?

И еще. С чего Г.Решетин взял, что Руцкой призывает к возврату в коммунизм? Опять штучки сталинских времен: «Мы Пастернака не читали, но о-о-чень осуждаем...» Господин Решетин, не считите за труд прочитайте хоть что-нибудь из того, что говорит сам вице-президент, а не о нем говорят, тогда поймете: коммунизм ему нужен столько же, сколько и вам.

М.СУРАЕВА

Москва

КАКАЯ ХВОРЬ ТОЧИТ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ?

Этот вопрос задает в статье «Нервно-паралитический съезд» («Столица», № 14) популярный и плодовитый Л.Радзиховский.

Попытаемся на него ответить. Собственно, автор сам на него отвечает в своих эссе, статьях и размышлениях. Правда, отвечает невольно, ибо сам заражен этой хворью под названием «фашизм-коммунизм».

В упомянутой статье Л.Радзиховский пишет о депутатах IX съезда «с микрфоном в руке и без всякого Ленина в башке». Хотя уже многим понятно, что именно «Ленин в башке» руководит действиями и ведет к «вершинам» не

только Бабурина и компанию, но и Руцкого, и Хасбулатова, и Зорькина. Тот же «Ленин в башке» мешает незурядному интеллектуалу Л.Радзиховскому это увидеть, как и увидеть в нашей безумной действительности слабые ростки разумного, доброго, вечного. А если он не видит этих ростков, то зачем с умным видом писать о «кретинах, импотентах и ничтожествах»?

Это еще раз доказывает, как трудно разобраться отравленному ядом фашизма-ленинизма сознанию в необыкновенно сложной посттоталитарной действительности. Но есть у Л.Радзиховского «доказательства» и пострашнее. Например, эссе с чересчур остроумным названием «Тиран моего детства» («Столица», № 9). О чем он только не пишет! И о «производстве себя после смерти Папы», и о своей матери, которая «так и останется греться у костра своей живой ненависти к холодному трупу». В общем, в полном соответствии с пословицей «Ради красного словца не пожалео ни матери, ни отца» (к сожалению, это стало, кажется, принципом современных «золотых перьев»).

Л.Радзиховский просит оставить в покое «холодный труп» Сталина и повторяет подлую коммунистическую ложь о том, что Система была рождена именно Сталиным. При этом «смазывается» роль «организатора КПСС и основателя Советского государства», и потому возврат к «ленинским нормам» жизни становится вполне логичным. Тем более, что Ленин и Сталин еще «живее всех живых». Ибо созданная ими Система не убита, она лишь ранена, а раненый зверь, как известно, опасен вдвойне. И этому «зверю» вольно (или невольно) помогают «золотые перья» Радзиховского и других, которые вообще-то из двух зол выбирают меньшее, но в своем выборе далеко не уверены...

Именно этим можно объяснить, почему красное слово в их устах иногда превращается в краснофашистское. Они антикоммунисты, но... к антикоммунизму относятся отрицательно (почти по Ильфу). Поэтому они мало чувствительны к боли, и к своей и к чужой, и, главное, к боли за великую, но разворованную страну. А иначе как понять недавний пассаж Л.Радзиховского: «Я сам, грешным делом, не великий патриот, но все же...» («Столица», № 14). Или еще одно его же откровение: «...сегодня мое отношение к Сталину вполне равнодушное, тихое, никакое... «госдеятель» как «госдеятель», каких были в истории сотни...» И это о человеке, который «по заветам Ленина» уничтожил больше людей, чем все остальные деятели, упомянутые автором эссе, вместе взятые, о человеке, который превратил великую страну в концлагерь, а великий народ — в низких рабов.

Хочется пожелать Л.Радзиховскому, а также себе и всем остальным поскорее излечиться от «коммунистической болезни», чтобы иметь моральное право бороться с ней во всех проявлениях — во имя здоровья народа вообще и каждого человека в отдельности.

Л.КОЗОРЕЗ

Луганская область, г. Рубежное

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«**СТОЛИЦА**»
продолжает подписку с рассылкой за границу

Вы можете подписаться на журнал,
обратившись непосредственно в редакцию по адресу:
101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.
Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: \$ 2,68 (обычной почтой), \$ 2,98 (авиапочтой);
США, Канада, Израиль, Япония: \$ 2,98 (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.

NAME _____

ADDRESS _____

_____ TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks   26 weeks   52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to account 1137 CED of NGSbank, Moscow, Russia with **Banca Agricola Mantovana, Mantova, Italy** — favour «Stolitsa weekly».

I will pay to account 49233002 of NGSbank, Moscow, Russia with **Moscow Narodny Bank Ltd., London, England** — favour «Stolitsa weekly».

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек (или копию платежных документов)
по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

БЕСПЛАТНО О ПРИЗРАКАХ, КОТОРЫЕ УЖЕ НЕ БРОДЯТ

Всем известно: дармовой сыр бывает только в мышеловках. А где найти сами мышеловки, чтоб — бесплатно? В Сургуте, оказывается, в этом нефтяном Эльдorado. Там на прилавках книжных магазинов пылятся произведения бородатых основоположников. Приходи, бери за так «Капитал» и читай про абсолютное обнищание пролетариата в странах, где неплохо проводили время два друга родом из Германии...

Этот сообщение РИА о нынешней — «нулевой» — потребительской ценности литературных мышеловок, в которые угодил в свое время чуть ли не половина человечества, напомнило мне эпизод той поры, когда бочковое «Жигулевское» стоило в Доме журналиста 28 копеек кружка. Однажды там я столкнулся с преподавателем политэкономии журфака МГУ. После пятой мой визави, хрустя солеными сухарями из ржаного хлеба, сделал горестное признание: «Понимаешь, как только прочту вам про капитализм и подступаю к социализму — тут у меня запой». Тогда я не понимал, как тяжело рассказывать аудитории о том, чего нет и никогда не было в природе. Зато нынешнее поколение, которое торжественно заявило, что в коммунизм его калачом не заманишь, Маркса и Энгельса не читает. Новоязовское слово «политэкономия» они расчленили, выборосили первую ущербную половину, а вторую назвали просто «экономикой». При этом они не загибают, а делают деньги — придумывая порою то, чего действительно до них в природе не было...

К примеру — преобразился Московский вокзал Санкт-Петербурга. Не в смысле замены Ильича на Петра Первого в знакомом полстранике. Сообразив, что пассажир нуждается не только в мокрых простынях и дистрофическом чае, вокзальное начальство купило несколько автомобилей и микроавтобусов, взяло в аренду речной катер. Устали с дороги и хотите в гостиницу? Карета подана. Есть желание поплавать по Неве и каналам? Гондола уже запущена дизтопливом.

Ищем дополнительные источники прибыли, — объяснял корреспонденту РИА начальник вокзала Борис Лощинин. — Около 50 миллионов рублей получаем, сдавая в аренду территории коммерческим структурам, да и сами хотим прикупить несколько зданий по Лиговскому проспекту. Разместим там пригородный павильон, бизнес-центр и гостиницу...

Деловой рынок пополнил вокзальную скудную мочу и позволил обзавестись собственной службой безопасности, которая в меру сил помогает пассажиру почувствовать, что он в бывшей столице империи, а не в диких джунглях.

Перевозить людей из пункта «А» в пункт «Б» — дело весьма выгодное. Задачу из учебника арифметики переложили на современный лад во Владивостоке и Петрозаводске. Ледокол «Капитан Хлебников» Дальневосточного морского пароходства взял курс не на Крайний Север, куда все вроде бы уже завезли, а махнул поближе к айсбергам. Оказывається, не перевелись еще желающие за деньги посмотреть на живых пингвинов. А поскольку для плавания у берегов Антарктиды ледокол подходит лучше, чем «Титаник», турист косяками идет в южных портах на борт «Капитана Хлебникова», переполняя себя впечатлениями, а сейфы пароходства — «зелеными» доходами.

В Петрозаводске же построили плавсредство для транспортировки людей туда, где вместо пингвинов разгуливают верблюды. 12-метровый парусно-моторный бот «Пилигрим» — детище петрозаводской фирмы «Карелия-ТАМП» — заказало просветительское православное общество «Радонеж». Хотят провести пробный рейс из Таганрога к святыням христианской религии в Турции, Греции и Израиле. Если эксперимент удастся — доставку российских паломников в Иерусалим на эк-

зотическом судне поставят на поток, сообщает «Постфактум».

Паломников надо любить. К примеру, собираются они провести отпуск в святых, в смысле красоты, местах — в бухтах Коктебеля, а на путевку не хватает ни купонов, ни карбованцев. Тогда энтузиасты возьми да и предложи построить в Тихой и Лисьей бухтах палаточные городки. Проживание там, уверяет координатор проекта комплекса «Дар» Александр Устинов, будет десятидневное, а таксы за пребывание в парусиновом раю не будет — каждый заплатит сколько сможет. Но не прогорят ребята, ей-богу, не прогорят.

Желание заработать деньги всеильно, потому что верно. Тульские металлурги, к примеру, решили нас обуть. Нет, не подсунуть бракованную сталь. Просто организовали в одном из цехов акционерного общества «Полема-Тулачермет» производство кроссовок и полуботинок по технологии австралийского концерна «Кей-Си». Года полтора будут возить с шестого континента в свой город-герой иноземное сырье, а потом... потом перейдут на собственное. Цены умеренные — 17—22 тысячи за пару, а качество гарантирует международная сертификация, сообщает ИТАР—ТАСС.

Говорят, если зайца бить, он спички зажигать научится. Ударяет сейчас по нас, в основном, жизнь. А поскольку спички зажигать мы давно умеем, творческая энергия расходуется на другое. Донечки шахтеры, отбастовав, открыли в степи первую авто-

заправочную шахтную скважину. Берут из недр рудничный газ, заправляют им специальные емкости. Сжатый до 200 атмосфер шахтный метан везут в родное объединение «Донецкуголь», где и перекачивают в автомобильные баллоны. Выгода двойная — и машины ездят, и выработки под землей дегазируются.

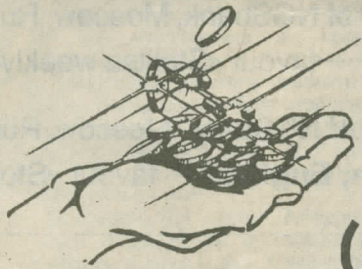
А вот в нашей послевоенной коммуналке вершиной технического прогресса был телефон. И когда незнакомый голос в трубке ошибся номером и поинтересовался: «Это прачечная?» — коммунальщица с дореволюционным стажем интеллигентно так отвечала: «Нет, это частная квартира». Народонаселение же квартиры вздрагивало от запретного слова, ибо проклятая собственность существовала тогда только на растленном Западе. Знали бы любители закладывать ближних, что ненавидимое ими прилагательное станет наиболее употребительным в девяностые годы! Перебираю ленты с сообщениями агентств. Видела бы их не дожившая до второго пришествия капитализма коммунальная бабушка! Администрация Приморья решила сдавать в аренду охотничьи угодья Уссурийской тайги. На Северной Двине впервые разрешен частный лов семги. Голова кругом идет. Но чувства обуревают совсем не те, что терзали старого преподавателя политэкономии. Пейте и радуйтесь переменам. Тем более что есть конфиденциальная информация: РИА уверяет — на рынки бывшего СССР возвращается «Пльзенский Праздрой».

Александр АГОПОВ

СОЛИДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАСТ

НАЛИЧНЫЕ ДОЛЛАРЫ ЗА БЕЗНАЛИЧНЫЕ РУБЛИ

ПО БИРЖЕВОМУ КУРСУ ПЛЮС 10%.

(095) 111-31-57

Чистейшая правда, могу я сказать. Подтверждаю, как всякая коренная минчанка. И городом своим горжусь, и милиционерами добрыми, и пешеходами, которые никогда не переходят улицу на красный свет. Вот только с хлебом-солью... И тем, что к этому прилагается...

Впрочем, нужно иметь мужество говорить правду. Даже и печальную. Слушайте же: из Минска исчезла еда.

Никто не смог зафиксировать этот момент в своем сознании. Никто не проснулся однажды утром голодным и не обнаружил, что есть-то больше и нечего. Нас лишили еды постепенно, растянуто, утешая парламентскими дебатами и осторожно переводя наше внимание на конституцию и закон о въезде и выезде.

А мы им верили. Боже, как бездарно и восторженно мы верили, что впереди — только хорошее, красивое, в пастельных тонах. И ничего не замечали. Р-раз — и у нас отобрали колбасу. Еще немного — и вслед за ней отправился сыр в компании с майонезом. (Где они сейчас?.. Может, мыкаются, горемычные, по свету и никто их не ест, никому они не нужны...) Но мы и от этого отмахнулись: какой, к черту, майонез, когда нужно успеть до конца недели доставить в загранпаспорт штамп «гражданин Республики Беларусь», иначе он станет недействительным. А потом как понеслось — сосиски, пельмени, картофельные вареники, рыба, птица... Впрочем, птицу иногда, по слухам, кто-то где-то видит. Но только ту, которая, судя по внешнему виду, умерла своей смертью.

А незадолго до того моя мама вышла

УКРАЛИ ЕДУ

Москвичи всегда считали минчан кем-то вроде братьев меньших. «Хорошо у вас, люди душевные, с войны, поди, еще. Солдатиков жалеют, гостей хлебом-солью потчуют. И милиционеры добрые».

на пенсию. Была счастлива безумно, помолодела лет на двадцать сразу же. «Я почувствовала себя человеком, наконец, а не лошадию-тяжеловозом, — сказала она. — Я буду теперь заниматься только собой. Видеть ничего не хочу, кроме парикмахерской и косметического кабинета». И ошиблась.

Она чувствовала себя человеком несколько недель. А потом стала жалеть нас с отцом — работающих и вечно голодных. И теперь ее жизнь приобрела новый и очень жесткий режим: в девять утра она выходит из дома и отправляется на охоту. Тяжкую и занудную, лишнюю азарта и острых ощущений охоту за едой. Потому что кто-то где-то все же иногда находит следы почти забытых продуктов. К нам после короткой передышки вернулся дивный социалистический термин «выбросили»: «Слыхали, в гастрономе на площади Победы выбросили полукопченую колбасу? Я заняла вам очередь, уважаемая, через часок можно туда подойти».

Выбросили. Очередь. Вас здесь не стояло. Куда прешь, ты, с авоськой!

О нас можно вытирать ноги. Мы выдержим все. Сглотнем комок в горле,

который растет как снежный ком, с каждым днем, вместе с пугающим осознанием нашей беспомощности, но надеждой на то, что все-таки выкарабкаемся. Берите нас, плывите в лицо — мы утремся и дальше пойдем. Нам очередь заняли...

А часа в два мама возвращается домой и садится за письменный стол. Ей нужно порнолитературу переводить для коммерческого издательства. За это платят. И есть с чем стоять в очереди.

А все равно хорошо нам в Минске живется! Отняли жратву — зато сделали бесплатными телефоны-автоматы. Звони куда хочешь, болтай хоть часами. И мы снова счастливы — о нас забываются. Вот только подростки недовольны — раньше они с девочками знакомились у автоматов: «У вас душки не найдется?» — и пошла беседа, которая чаще всего приводила к походу в кино. Но ничего страшного, подростки — народ гибкий, легко приспособивающийся, новую первую фразу придумают быстро.

Вот только одно меня, отвыкшую удивляться, всё-таки потрясает: из Москвы в Минск невозможно уехать! Билетов нет и не бывает. Только у спекулянтов, конечно: пятнадцать тысяч — и ты в поезде (это при стоимости билета тысяча семьсот рублей). Зачем туда едут? Кто? Кому это нужно? Разве тому, у кого нет пятнадцатикопеечных монет, позвонить здесь, в Москве. В Минске — бесплатно.

...А когда я все-таки вернулась в Минск, позвонила приятельница. В слезах. Ограбили ее квартиру. Унесли обручальное кольцо, шубу и две банки сайры. И я до сих пор не знаю, о чем она плакала больше.

Ирина ХАЛИП

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

У КАПИТАЛИСТОВ И НОЧНОЙ ГОРШОК ОТ РАДОСТИ СВЕТИТСЯ

Сделать ходовым товаром на рынке ночной горшок — это надо уметь! Такая задача оказалась по силам изобретателю из Теннесси Фреду Робертсу. Он учел конъюнктуру рынка, детскую психологию и вкусы родителей. Вот и появился электронный ночной горшок для детей. Инфракрасные датчики на дне горшка определяют, какую нужду справил чадо, а потом раздаются: «Так, молодец!» или «Ну, дружище!». И в каждом случае обязательно звучит музыка. Когда все дела сделаны, горшок подсвечивается изнутри и раздается ода «К радости» Бетховена. Заказы к Робертсу поступают быстрее, чем он может их выполнять.

НЕ ШОКИРУЕШЬ — НЕ ПРОДАШЬ

Западные производители автомобилей, поднатеревшие на рекламе своей продукции, пришли к выводу, что просто красивый снимок новой машины все меньше привлекает внимание потенциальных покупателей. Запоминается реклама, шокирующая зрителя или ставящая его в тупик. Событием стала недавняя рекламная кампания автомобиля «Мерседес-бенц», сообщает РИА. Фирма опубликовала серию рекламных снимков, в которых присутствует лишь намек на автомобильную тему — свет фар на втором плане, тень от капота. Главное в рекламе — текст. Например, фотография маленькой девочки, стоящей по пояс в траве и прижимающей к лицу руки в восторженном изумлении (у автомобиля видно лишь колесо), подписана так: «Ты помнишь день, когда увидела, как лягушки занимаются любовью?»

СДАТЬ КРОВЬ ДЛЯ САМОГО СЕБЯ

Новую услугу оказывает клиентам Институт пренативной медицины и экологии человека и Онкологический научный центр Российской академии меднаук. Теперь москвичи могут за определенную плату сдать свою кровь, которая будет храниться в специальных лабораторных условиях. Когда вам, не дай Бог, понадобится срочно перелить кровь, она, родная, будет ждать в нужном месте. Как сообщил «Интерфаксу» один из создателей лаборатории, Деймур Мхеидзе, услуги по переливанию крови и ее хранению могут предоставляться любым гражданам, желающим застраховаться от несчастных случаев. Доставка крови осуществляется в любую точку Москвы в течение двух часов с момента поступления заявки.

СКОСИЛ ПОЛЕ — ЕЗЖАЙ ЗА «ТОЁТой»

От испытанных форм материального стимулирования сенокосных бригад не отказалась администрация Хабаровского края. В краевое печатно опубликованы условия соревнования трудовых коллективов на заготовке сена. Победителей ожидают не вымпелы и знамена, как прежде, а поистине царские подарки. Самые работающие бригады, которые скосят все растущее к 1 августа, будут награждены туристическими путевками в Японию с правом вывоза оттуда легковых автомобилей. В целом же краевое руководство выделяет на поощрение кормозаготовителей 10 миллионов рублей, сообщает ИТАР-ТАСС. Конечно, всякое новое — это хорошо забытое старое. Но хочется, наконец, вспомнить и более давние времена, когда соревнования как такового не было вообще, земля была частной, а в Японию можно было съездить и так.

Еще год назад в ходу было выражение: «бизнес в коротких штанишках». Сегодня оно явно устарело: даже так называемый «малый» бизнес (не говоря уже о среднем) повзрослел и избавился от младенческой наивности. Хочет теперь из своей «детской» выйти в люди, да только не всегда пока может...

Читатель вправе спросить: «Какое мне дело: малый он или большой, хочет или может? Спекулянт — он и есть спекулянт...»

Практически — так. Но теоретически именно он, малый бизнес рассчитан на нас, т.е. на массового

потребителя. Почему бы не поинтересоваться проблемами этого бизнеса, не узнать причины, по которым теория расходится с практикой...

В качестве экскурсии в бизнес предлагаю записи своих бесед с участниками второго международного конгресса «Малое и среднее предпринимательство России». Мероприятие это почтили своим присутствием члены российского правительства В.Черномырдин, В.Шумейко, А.Козырев — их речи цитировались по телевидению. Меня же на этом конгрессе интересовали фигуры рядовые.

МАЛЫЙ БИЗНЕС НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Министр Козырев в своем выступлении сказал, что отныне внешнеторговая политика России будет опираться на тех российских граждан, которые живут за границей. Поэтому первое слово — зарубежному гостю, представителю эквадорской фирмы «Интермексо» Вере МОШКИНОЙ.

Третьи должны дружить с третьими, а не протягивать руку к первым...

На конгрессе я ищу малые и средние предприятия, которые хотят наладить бизнес со странами Андского пакта: Колумбией, Эквадором, Боливией, Венесуэлой и Перу. Мое убеждение, что именно средний бизнес — тот кит, на котором должна держаться российская экономика. У него есть главное преимущество перед крупным бизнесом — мобильность. Небольшая компания с лимитированным числом акционеров быстрее может принять решение, взяться за новый проект, внедрить новую технологию.

В странах Латинской Америки практически нет таких крупных концернов, как в США или Европе. Весь бизнес построен на компаниях численностью от 50 до 500 человек максимум. Я считаю, России надо развивать сотрудничество именно с Латинской Америкой — ведь российскую экономику также

можно отнести к странам третьего мира. Это станет партнерством равных, никто не будет на голову выше другого: и там и там — одинаковые производственные мощности, примерно один и тот же уровень жизни, соизмеримые зарплаты — а не то, к примеру, суперсовременное оборудование из Германии, на котором никто в России не сможет работать из-за отсутствия квалификации.

Найти друг друга предпринимателям нелегко не только по разные стороны границы, но даже здесь, на конгрессе. Мероприятие это платное — каждому иностранному частнику оно обошлось в 650 долларов (не считая проживания в гостинице «Россия»), каждому москвичу в 45 тысяч, иногороднему — в 67. Но организация... Я, например, не могла заранее получить информацию о том, где какие секции будут рабо-

тать — разбросаны они по разным адресам, а транспортом обеспечены далеко не все... Словом, налаживание деловых отношений происходило чаще всего путем хватания за руку первого встречного и выяснения его личности и его бизнеса.

В чужой стране бизнесмену всегда нужна помощь. Фирма, которую я представляю, оказывает услуги всем российским предпринимателям, входящим на наш рынок. Мы их встречаем, размещаем в гостиницах по специальным заниженным ценам — приблизительно 15—20 долларов с человека в день (для сравнения: обычно сутки проживания в гостинице Эквадора обходятся любому иностранцу минимум в 80 долларов)... Мы их консультируем, как составлять контракты, поскольку все они юридически неграмотны в наших законах, их легко обмануть, а по законодательству многих стран можно судиться чуть ли не 20 лет и в конце концов ничего не отсудить.

Нашим же предпринимателям на российском рынке никто не помогает, зато многое мешает. Среди помех — и так называемая чехарда с законами, когда неизвестно, какие права имеет иностранный предприниматель... И неразбериха в сфере банковских расчетов, когда многие российские банки не попадают под категорию первостепенных — т.е. не могут открывать определенные

аккредитивы. При миллионных валютных сделках по сахару или какао закупки идут через третьи банки, а с числом банков увеличиваются и тарифные ставки (как если бы росло количество посредников) — расходы возрастают... Мешает нестабильность таможенных пошлин, которые постоянно меняются: сегодня мы заключаем годичный или двухгодичный контракт и не знаем, какие пошлины по нему будут через шесть месяцев — будет ли это вообще выгодно... Отпугивает дороговизна внутренних перевозок по стране, темпы разгрузки и то, что могут задержать контейнеры, необходимость гонять товар из Санкт-Петербургского порта в Москву по железной дороге — все это может сделать бессмысленной поставку сюда дешевого товара...

Но самое худшее, от чего порой опускаются руки, — ненадежность российских партнеров. Они не держат слова! Был случай, когда колумбийские предприниматели заключили контракт с коллегами из России, отправили им партию товара стоимостью три миллиона долларов — и по сей день не могут получить этих денег. А вот мы, например, работаем с эквадорскими, колумбийскими фирмами и часто вообще не заключаем ни одного контракта. Все строится на доверии. С россиянами же, как выяснилось, надо все время быть начеку...

Да, иностранцу и с русским именем в России нелегко — оказывается, даже третий мир живет уже по цивилизованным законам, когда в ходу честное купеческое слово...

Нужного человека на конгрессе вычислить с первого взгляда было невозможно: поди отличи — кто из «двубортных» участников «крутой» только по форме, а кто — по содержанию. Зато ни с кем нельзя было спутать человека с лентой с надписью: «Генеральный секретарь ООН» через плечо, лучшего друга малых и средних предпринимателей, председателя антибюрократической партии, главного редактора газеты «Укротитель бюрократов» Рудольфа КАГРАМАНОВА. Ему, в порядке экзотики, — незапланированное слово.

Главный защитник бизнесменов

На конгрессе я представляю свою партию. Все, даже сильные и богатые, нуждаются в защите от бюрократов. Я написал пособие, где изложил методику борьбы с ними — более 500 рычагов воздействия на психику бюрократов. Очень эффективные приемы...

Конкретно? Я помог СП «Совинтервиста» решить спорный вопрос по поводу офиса, который у предпринимателей пыталась отнять контора «Мосметрострой». Руководство СП обращалось и в прокуратуру, и

в Москомимущество, и к народным депутатам. Наконец, додумались позвонить мне. К начальнику «Мосметростроя» меня не допустили, но я общел всех его семерых заместителей, везде наскандалил, добился правды и... поощрения от предпринимателей...

У меня ведь есть целая наука жалобология — я написал 30 175 жалоб. Не верите — вот вещественное доказательство — мозоль на пальце правой руки...

А предприниматели еще говорят, будто им не на кого опереться... Впрочем, на что жалуются отечественные «малые бизнесмены», лучше расскажет один из них, генеральный директор научно-производственного объединения «Каталог» А.АЛЕКСАНДРОВ.

«Клан» клану рознь

Мы — полиграфисты, в нашей типографии собрана огромная коллекция шрифтов, сотни гарнитур, станки современные и старинные, но... наше правительство как будто нарочно сделало так, чтобы невыгодно было производить. Налог на некоторые виды продукции составляет 72 процента! Деньги заработать можно лишь на посредничестве или, выражаясь модным языком, — на маркетинге. По-русски говорят: на спекуляции. Мы попытались найти пусть не золотую, но все же середину: занялись сборкой, упаковкой, выпуском канцтоваров на основе импортной продукции...

Я не знаю, кто мы — малый или средний бизнес? Никто ведь не сказал: какой меркой мерить... А проблема у всех предпринимателей одна: слишком много надутых щек и пустых разговоров. Мы подсчитали статистику: из десяти партнеров «срабатывает» только один. Типичный представитель нашего, не могу сказать какого

по разряду, бизнеса: шикарный костюм, нахмуренные брови, обязательная секретарша в короткой юбочке. Но как только дело доходит до «расплаты», звучат мягкие фразы типа «вы знаете, мы сейчас решили вложить деньги в другую программу»...

Единственный возможный механизм работы: родственные и дружественные связи. Я звоню другу и брату, или другу брата, или друзьям друзей: есть товар, получайте, платите, а накладную потом выпишем. Зачем тратить время на подписание договоров, на сочинение формальных обстоятельств — сидеть и ломать голову над тем, как тебя могут обмануть? Возможно, это и называется кланом. Что тут плохого, если «кусок» клана, мой старый друг и партнер из Питера, звонит и спрашивает: «Как здоровье жены, как дети, когда будет новая партия товара?» Такая клановость, скажу вам, весьма приятна...

Мысль не нова: в малом бизнесе каждый выживает если не в одиночку, то кланом. А как же все эти разговоры на конгрессе о всеобщем объединении, о собственном лоббизме, о правительственной поддержке? Пора об этом прямо спросить у организатора конгресса Владимира НИКИШИНА.

«Государство должно знать в лицо своих бизнесменов»

— Ради чего все здесь собрались?

— Можно ответный вопрос? На сегодняшний день какие организации объединяют малое и среднее предпринимательство?

— Не знаю...

— И я не знаю таких. Чьи голоса мы слышим? Банкиров и биржевиков. Посредников — тех, кто работает по схеме «деньги—товар—деньги». Называют численность этого «громкого» предпринимательского класса — от 80 до 97 процентов. Все сегодня сходится в одном: заниматься производством невыгодно. Значит, оставшиеся 20 (или три процента) занимаются «в том числе и торговлей». Но основное — производство. И эта маленькая часть разбросана по большой России. Кто сегодня может взять на себя задачу собрать всю эту Россию? Наш фонд — не коммерческая, а чисто общественная организация, причем не имеющая ни коммерческих структур, ни льгот, ни квот...

— На какие же средства существуете?

— Вопрос и простой и сложный. Мы — очень компактная организация, посвященная одной цели: создать единую структуру, которая через региональные некоммерческие отделения будет помогать тому предпринимательству, в котором нуждается народ. Вы лично сегодня нуждаетесь в биржевиках?

— По крайней мере, я этого не замечаю...

— И я — нет. А потребность у нас с вами — в товарах и услугах для населения...

— А в чем нужна самого производителя товаров и услуг?

— В прошлом году мы провели первый «пробный» конгресс.

На участие в бизнес-клубе поступило 70 заявок, мы, как люди предусмотрительные, подготовили 170 мест. Пришло 800 человек! При наличии на тот момент 694 бирж выяснилось, что предприниматели не имеют самого главного — возможности продать свой товар, свои 100—200 штук произведенной продукции. Биржи чем торгуют? Вагонами, составами, фурами. А с малыми партиями куда податься? Вот мы и предлагаем президенту: давайте создадим на территории России горизонтальную общественную организацию, которая, условно говоря, будет называться «Палатой частных предпринимателей»... Или по-другому: Торговая, Ремесленной палатой... Главное — она должна быть при главе администрации. Как сказал В.Черномырдин: «Мы должны рассчитывать на предпринимателей, предприниматели — на нас...» Но государство должно знать в лицо тех, кому помогает. Известно ведь: зарегистрированы у нас тысячи фирм, но работают — единицы...

— А в чем будет выражаться эта помощь — в деньгах, в кредитах?

— Это самое примитивное понимание «помощи»! Смотрите: сегодня к нам пришла бумага от французской фирмы, которая ищет в России партнеров для создания булочных, предлагает оборудование для хлебопечек. Ну кто в России, особенно в глубинке, может узнать об этом предложении французов? А про нас знают 44 наших региональных отделения, куда мы и разошлем этот проект...

— Это ваш «малый бизнес»?

— Ни в коем случае. Ни одно наше отделение не перечислило нам ни копейки. Сами себя прокормить можем...

Что ж, дай-то Бог, чтобы идея воплотилась и не стала удобной крышей, теплым местечком исключительно для ее авторов, чтобы и тем, ради кого огород городился, хватило места под крышей... Горький опыт создания всевозможных центров и фондов приучил нас к нигилизму. Но должно же какое-то новое объединение положить начало и «сладкому опыту»?..

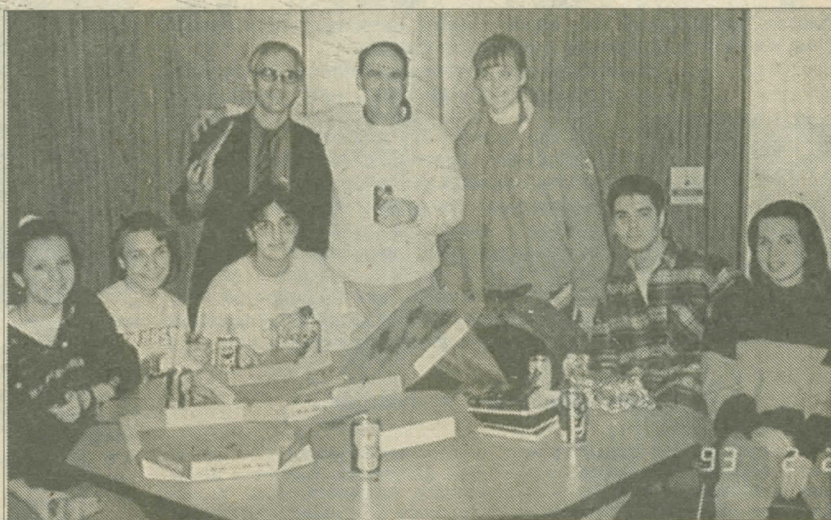
Азлита ЕФИМОВА

Фото Э.Кудрявицкого

Игорь КОКАРЕВ,
президент ЭЛЛО Фонда

УРОКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Члены Фонда
и их
добровольные
американские
помощники

Я пишу эти заметки, чтобы ответить тем, кто: а) видит в благотворительности лишь моду или вид скрытой коммерции, б) считает унизительным принимать помощь как нищий с протянутой рукой. Эти гордые россияне должны знать, что, во-первых, нам помогают, чтобы избежать опасностей, которыми угрожает миру кризис в нашей великой державе. Во-вторых, эта помощь необходима в переходный период для нормальной интеграции в мировую систему равноправных государств для взаимовыгодного сотрудничества.

Те, кто на Западе оказывают России поддержку, хорошо это понимают. Понимаем ли мы? Знаем ли, кто, как и почему оказывает нам гуманитарную помощь? Признаюсь, у меня не было ответов на эти вопросы, когда я летел в США в штаб-квартиру небольшого американского Фонда народной дипломатии, расположенную в городке Сикокус, штат Нью-Джерси.

Предстояло от имени Фонда, основанного Владимиром Познером, мной и президентом одной американской компании, давшей начальные средства для развертывания благотворительной деятельности и новых форм гражданского самоуправления на местах, средства эти умножить, добившись поддержки наших программ в различных кругах американского общества; получить нечто реальное и завязать живые связи.

Казалось, я был хорошо вооружен для того, чтобы убедить любого отдать хотя бы толику из нескончаемого и повседневного американского потока продовольствия, лекарств, одежды и долларов. Я вез с собой письма трех десятков российских больниц и роддомов с описанием их бедственного состояния, списки инвалидов, нуждающихся пенсионеров и детей-сирот своего родного Ленинского района, фотографии прекрасных детских работ изостудии «Кроха», концепцию строительства поселений нового типа для русских беженцев в средней полосе России, план производства слуховых аппаратов для слабослышащих на базе российских конверсионных предприятий, программы «Семья — семье», «Помощь детям», «Гражданская инициатива» и многое другое. Что еще надо, чтобы доказать нашу добросовестность, знание российских проблем, надежность наших прямых связей на «уровне травы» — без всяких бюрократических инстанций и разного рода усусек и утрусок?

Прежде всего сразу понадобились связи и солидные рекомендации, например... письмо от Шохина. Оказывается, это просьба российского правительства, не желающего выпускать из своих рук монополию на гуманитарную помощь. Вот-те на!

И это называется плюрализм и демократия? Уважаемые американцы оказались хуже «товарищей». Может быть, здесь сыграло свою роль опасение, вызванное слухами о гигантских масштабах коррупции и воровства в новой демократической России? Может быть. Но вскоре мне рассказали, что в Америке обращаться с просьбами к кому бы то ни было просто так — действительно бесполезно и, главное, непрофессионально. Сбором денег под различные общественно значимые цели — будь то деньги на фильм, или на больницу — занимаются сотни и тысячи специальных контор — фандрайзеров. У американцев есть даже выражение такое для непрофессионала — приходить «холодным», то есть с улицы, без связей и рекомендаций. Результат будет отрицательным.

За рекомендацией я обратился в российское посольство в Вашингтоне. Посол, выслушав наши планы и проблемы, написал рекомендательное письмо, которое выглядело очень авторитетно.

Мы разослали письма по адресам основных фармацевтических фирм. С предварительными телефонными звонками, разумеется. И стали ждать. Надо отдать должное американцам. Ответили все. Быстро. Письменно. Доброжелательно. Но все без исключения отрицательно. Извините, мы уже оказываем гуманитарную помощь России. Через одну и ту же организацию — «Проект Надежда».

Тогда я позвонил в одну из фирм, приславших самый категорический отказ, и сообщил, что хочу опубликовать их ответ в российской прессе, чтобы люди знали, почему я не привез обещанных лекарств и чего стоят эти хлопоты. Вот тут-то и произошло нечто непредвиденное. Очень

взволновался мой собеседник. Попросил подумать и обещал перезвонить. Перезвонил. Страстно стал объяснять, что этот шаг нежелателен, так как фирма в самом деле делает очень много для общества и для России. В настоящий момент у нее нет резервов, но на будущее... Этот трюк я повторил еще несколько раз и с тем же эффектом. Таким образом появилась надежда. Но лекарств по-прежнему не было.

Это было особенно обидно и потому, что вашингтонский Фонд за демократию и развитие, специализирующийся на доставке гуманитарных грузов, дал свое согласие на бесплатную доставку в любое место России нашего контейнера. Упустить такой шанс? Ни в коем случае! И мы заказали контейнер, как полагается, за полтора месяца вперед в расчете на то, что обязательно чем-то его загрузим. Но чем? Продовольствие бесплатно никто не давал, деньги на его закупку получить еще труднее. Оставалась одежда.

Одежду решили брать в церквях. Идея обратиться в русские церкви лежала на поверхности. И потому не сработала: в церквях было то же, что и в фондах: все давно сотрудничали со своими конфессиями в разных городах нашей необъятной родины. Тогда и появился мой друг Гари Сиротак, бывший морской пехотинец, родившийся в этих местах и знавший тут всех — от главного пожарника до директора местной школы. Гари и надумил позвонить Питеру Макмэну, директору Кларидан Скул. Тот нас принял не «холодными», это сразу почувствовалось, и сказал кратко: сделаем, дети соберут целый контейнер за неделю.

И собрали! Для русских ребят из 59-й московской школы они несли лучшее, что носили сами и их братья и сестры. Вечером мы вместе сортировали по полу, возрасту и размерам, отбирали только после химчистки и новое. Была пресса, были песни, фотографии на память, разговоры о России, предложения о переписке с русскими сверстниками. Все ликовали. Какое же было мое огорчение, когда в назначенный день и час пришел на школьный двор контейнер и оказалось, что он такой огромный — еще полвагона надо было чем-то заполнять. А чем? И когда, если завтра утром контейнер отправляется в Норфолк, в порт для отправки? Уговорил «Матрикс Интернэшнл» задержать машину на три дня. Дал объявление в местной газете. Наутро телефон звонил не переставая. Более сорока семей предложили заполнить контейнер вещами. Уже некуда было класть, а люди несли и несли прямо в офис. Снова обратился с письмом в газету: спасибо, граждане Америки, мы приедем еще раз, не несите больше.

К этому времени у Фонда уже появился партнер по одной из программ — Университет Рутгерса в Нью-Брансуике. При этом университете работал известный в США Центр развития общин, или, по-русски,

Центр местного самоуправления, с которым мы совместно решили попробовать поработать в Москве по программе «Гражданская инициатива». Помог этому сотрудничеству, как ни странно, сам президент Клинтон. Только что он выступил в Университете Рутгерса с речью, в которой дал новую концепцию помощи России путем поддержки и развития всевозможных демократических институтов напрямую через механизмы низовой демократии и самоуправления. Это так совпадало с нашими идеями и планами, что, услышав наши предложения по «Гражданской инициативе», молодой директор Центра профессор Дэвид Чавис не мог сдержать своего восторга.

Быстро очертились контуры сотрудничества. На базе Высшей школы приватизации и бизнеса, созданной в Москве год назад профессором Виталием Кошкиным, Университет Рутгерса открывает курсы подготовки организаторов работы с населением. На курсах читают не только американские специалисты, но и научные кадры МГУ. Далее, выпускники этих курсов не просто работают по месту жительства в микрорайонах с трудными подростками, в приватизированных жилтовариществах, с нуждающимися семьями и безработными, но и налаживают параллельные связи с родственными первичными ячейками здесь, в США. В Москве эту сеть низовых связей курирует наш фондовый Центр гражданских инициатив, в Америке — Центр при Университете Рутгерса.

Теперь определился и более точный адрес нашей гуманитарной помощи: вещи детей из школ Сикокуса пойдут в клуб многодетных матерей, в наш совет пенсионеров, подпитывая реальной материальной поддержкой высокие идеи побратимских связей. Так и возникнут мостики дружбы между людьми: семья — семье, школа — школе, больница — больнице... То, что наши идеи не беспочвенны, подтверждали рядовые американцы. В российском посольстве в Вашингтоне мне показывали десятки писем от американских семей с просьбой помочь им завязать переписку с пожилыми русскими людьми, с многодетными семьями, чтобы поддержать их в трудный час. Посол сказал: бери, действуй через свой Фонд. Постепенно усилил и устремления многих складывались в некую систему.

Сюрприз ждал в последний день. Пришел факс из фармацевтической фирмы «Зенит лаборатория»: приезжайте за лекарствами, срочно. Вот это да! Мы, конечно, сели в «рафик» и помчались в город Нортвил за сорок миль от Сикокуса. Успеть бы до приезда шофера. Когда Барбара Кормье, директор фирмы по поставкам, увидела наш «рафик», она расхохоталась: пять огромных ящиков весом в добрую тонну могли войти разве только в контейнер, ожидающий нас на школьном дворе. Тонна лекарств — тетрациклин, эритромицин, хинин сульфат... Наконец-то!

Некогда было думать, откуда, почему на нас свалился такой подарок. Надо было гнать сюда контейнер, перекладывать плотной ящичи с одеждой и заталкивать лекарства. Строгая Барбара Кормье ждала нас с рабочими, несмотря на то, что наш груз вклинился в коммерческие операции и срывал график загрузки сорокафутовых гигантов, выстроившихся в длинную очередь за нашим. Мощные подъемники сдвинули одежду, изящно внесли аккуратно запакованный груз на десятки тысяч долларов — и в путь.

На прощанье госпожа Кормье сказала странную фразу: мы решили так потому, что вы доказали честность и надежность ваших намерений лично. Приезжайте еще, мы найдем для вас лекарства. И заговорица подмигнула. Фантастика какая-то. Вот тебе и неприступная бюрократическая Америка. Четыре месяца головой об стенку — и вдруг... По дороге в Норфолк вспомнился порыв профессора Чависа, решительно взявшегося за создание демократических институтов гражданского общества в Москве, по программе нашего Фонда, Гари Сиротак, отдавший два мешка своей одежды, свою библиотеку истории США и триста долларов на упаковку всей одежды, мои друзья в этом маленьком городке Сикокусе, писавшие за меня письма-прошения, г-н Том Гаспар из губернаторского Совета по торговле штата, давший Фонду личную рекомендацию в меу-учреждения Нью-Джерси, Робин Уайтли, специалист по связи с общественностью, взявшаяся бесплатно работать в Фонде и давшая столько бесценных советов, — Господи, сколько доброты и сочувствия, сколько человеческого соучастия!

Контейнер пришел в срок. Лекарства уже получают жители Центрального округа в своих поликлиниках, за две недели мы раздали вещи более тысячи нуждающимся — но это уже другая история с бесконечным продолжением. Бесконечным, потому что мы только начинаем этот путь к нормальной жизни с нормальными людьми в нормальном мировом сообществе. И дай нам Бог!..

Москва—Нью-Йорк—Москва

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО СПИКЕРА

Российская политическая элита после августа 1991 года предпочитает летать на военных самолетах, с военных аэродромов. Трудно объяснить эту странную и внезапно вспыхнувшую любовь штатских к военным. Но остается фактом: раньше центральными аэродромами были Внуково и Шереметьево, теперь — Чкаловский. Базирующаяся там военнотранспортная авиадивизия даже льстиво переименовали в дивизию «имени Верховного Совета Российской Федерации».

По словам аэродромных работников Чкаловского, наибольшие хлопоты им доставляет спикер российского парламента. Его визиты стали настолько частыми, что полетные службы перестали относиться к ним с должным почтением, разбаловались и совершенно утратили бдительность. За что и были наказаны.

Не так давно диспетчеры, судя по всему, забыли предупредить наземные службы об ожидаемой посадке самолета с Хасбулатовым на борту, возвращавшимся из очередного турне. Уже зайдя на финишную прямую, пилот с ужасом увидел, что прямо на его само-

лет по той же полосе несется аэродромная санитарная машина. Чудом избежав столкновения, командир корабля сумел увести его на второй круг, выложив при этом в эфир все, что он думает о водителе «санитарки», аэродромных службах, комдиве и даже спикере. Для Чкаловского ЧП просто невиданное.

Посему на аэродром был спешно выброшен габэшный десант, попытавшийся выявить и арестовать «банду заговорщиков», которые хотели угробить «друга всех пилотов» и «самого большого демократа». Реплики военных, утверждавших, что, мол, ну какому ослу он нужен, этот спикер, если Советам и так кранты, на чекистов никакого впечатления не произвели. Переарестовав сгоряча и допросив чуть ли не весь персонал военной базы, особы, к своему сожалению, убедились, что повинно в инциденте обычное армейское разгильдяйство.

Тем не менее в армии теперь очень многим офицерам Чкаловского уже не служить — разгон на аэродроме устроили капитальный. Как ни странно, легче всего отделяется сам непосредственный виновник происшествия (водитель «санитарки»), которого по высочайшему повелению также попут из доместных рядов. Рядовому-то что терять!

Г.Б.

НЕ ХОДИТЕ, ДЕВКИ...

Альметьевская милиция приглашает для работы охранниками мужчин в возрасте от двадцати до пятидесяти пяти лет и женщин от тридцати до пятидесяти. На вопрос, чем объясняется дискриминация молодых девушек, официальными лицами был дан ответ: «Нам нужны серьезные люди». При этом не уточнили, во сколько раз двадцатидевятилетняя дама «серьезней», чем двадцатилетняя.

Георгий КУЗНЕЦОВ

АМЕРИКАНЦЫ «ЗАМЕЛИ» «МЕТЕЛИЦУ»

Кафе «Метелица» на Новом Арбате стало для нескольких поколений москвичей синонимом пьяного разгула гостей столицы и представителей всякого рода местной шпаны. В последнее время ряд западных фирм, учуяв, что выгодное территориальное положение «Метелицы» способно приносить неплохие барыши, совершенно преобразили это заведение. Сначала на первом этаже

иномарки со знаменитостями. Всех удивили исполнительница народных песен Екатерина Шаврина, подкатившая за рулем собственной новенькой «Тойоты», и продюсер Юрий Айзеншпис, которого привезла заурядная «девятка» с подмосковными номерами. Айзеншпису пришлось объяснять присутствующим, что его «Вольво» на днях был сожжен злоумышленниками. Осталось загадкой, кого привез бронированный «Зил» из президентского гаража.

За вход в ночной клуб на Новом Арбате надо платить по 50 долларов.

Семен ПЕТРОВ

Фото В. Шишова

открылось казино, а недавно на втором этаже состоялась презентация ночного клуба.

Клуб называется «Сноусторм» (что, в переводе с английского, очевидно, и означает «Метелица»). Суперсовременный дизайн, вышоченный обслуживающий персонал, выписанный из Нью-Йорка диск-жокей, шоу-программы с участием звезд и т.д. и т.п. На презентации лихо отплясывал экс-министр Петр Авен с очаровательной спутницей в черных шортах. Публика являла собой гремячую смесь из воротил бизнеса, проституток, руководителей города, иностранцев, депутатов и музыкантов. Корреспондент «Столицы» заметил в зале депутата Александра Починка, управляющего делами мэрии В.С.Шахновского, вице-преьера правительства Москвы В.И.Малышкова. Однако большинство высокопоставленных гостей предпочитали почему-то «не светиться», спрятавшись в полутемных кабинетах-альковах.

Толпа зевак перед входом наблюдала, как к подъезду одна за другой подъезжали

СПИД ДОБРАЛСЯ ДО ПАСТБИЩ

Еще два ВИЧ-инфицированных человека — муж и жена — выявлены в Волгоградской области. Глава семьи лежал в больнице с хроническим бронхитом, поэтому положительные результаты анализов на СПИД оказались и для него, и для врачей полной неожиданностью. Немедленно проверили и супругу — оказалось, что она также больна. Парадоксально: оба инфицированных работают чабанами на отдаленной от города «точке», так что заразиться от какого-нибудь представителя «группы риска» вряд ли могли.

Медикам удалось выявить: несколько лет назад обоим супругам была сделана операция, им переливали чужую плазму. Только поди разберись, «чистая» была та плазма или нет! Теперь проверяют тех людей, кто контактировал с чабанами. СПИДа пока больше ни у кого не обнаружено.

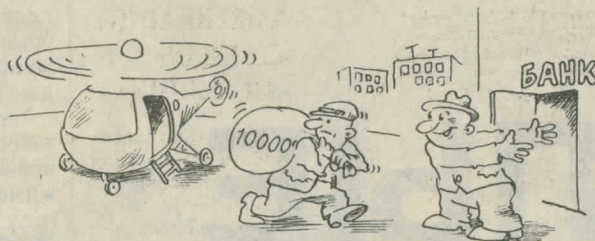
Валерий ЦЫГАНКОВ

ДИПЛОМ. О ВЫСШЕМ...

Сразу пятьсот «дипломированных специалистов» пополнят в ближайшее время ряды российских мошенников. Именно такое количество чистых бланков дипломов о высшем образовании похищено из сейфа Красноярского института цветных металлов. Поскольку лучшим украшением любого диплома, включая фальшивый, считается гербовая печать, изготовители «корочек» попытались прихватить и ее. Однако решить проблему в комплексе не удалось. Дипломовладельцы-оптовики сейчас находятся в розыске. Ректорат старательно вспоминает номера похищенных бланков, чтобы опубликовать их. А на охрану корпусов института заступили подразделения Енисейского казачьего войска — восемнадцать человек несут круглосуточный караул. За эту скромную услугу институт перечислил в казачью казну шесть миллионов рублей. Говорят, за эту сумму выкупить все похищенные дипломы невозможно.

Борис ЯРОВ

«НАЛИЧКА» НЕБЕСНАЯ

Жители Бугульмы недавно были свидетелями необычного зрелища: винтокрылая машина зависла над центральной площадью города и на глазах у удивленных прохожих приземлилась возле трибуны, построенной специально для торжественных случаев. Зевак, ринувшихся к вертолету, пришлось оттеснить с помощью милиции. Вскоре вертолет взмыл в небо, породив в толпе немало слухов. Однако все оказалось весьма прозаичнее. «МИ» никого не эвакуировал и не отрабатывал никаких действий на случай ЧП или путча, а просто привез деньги бугульминскому банку. Подсобил, так сказать, с на-

личкой. А что на площади приземлился... Так ведь здание этого солидного учреждения находится как раз в двух шагах.

Элла РЫЛОВА

РАЗГОВОРЧИКИ!

Применение в разговоре «живого великорусского языка» раньше наказывалось двухнедельным подметанием тротуаров. А вот связисты города Корсакова на Дальнем Востоке имеют свой метод борьбы с «лингвистами» — они отключают им телефоны. Чтобы вернуть радость общения, надо заплатить штраф и письменно пообещать исправиться.

Впрочем, в наше время, чтобы подвергнуть себя штрафу, необязательно ма-

териться.

На Камчатке расстаться с деньгами рискуют люди, которые кроме «дебет-кредит» и «сальдо» знают и еще кое-что? Дело в том, что одно тамошнее предприятие издало приказ «О коммерческой тайне», согласно которому сотрудник, проболтавшийся о засекреченных финансовых операциях фирмы, должен будет оплатить упущенную выгоду. Приказ открывает широкие возможности для толкования, поэтому камчатские предприниматели осваивают язык жестов.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

Рисунки В.Чумачева, В.Сысоева

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Поколенческие разборки резко помолодели. Счеты со стариками мы, двадцатипятилетние, сводим уже лениво — хотя, казалось бы, самое время сбрасывать кого-то с корабля современности. Нет, напротив, мы начинаем брюзжать, что на смену нам идет воинствующая бестолочь, только вчера получившая паспорт. Книжек не читает, лобик маленький, всех забот — сладко поесть да пьяно попить. Рано вроде оглядываться. К чему?

Ну, во-первых, резко помолодела молодость, плюющая тебе на ботинки. Только в смутное время смены формаций младшеклассники могут командовать полком, иметь доходы выше, чем у девятности процентов пап, и тратить за вечер три минимальные зарплаты. Отсюда апломб и три тона писклявого фальцета, которых мы никогда в жизни не слышали и, даст Бог, не услышим впрямь, стоит России «возродиться». А до той поры приходится

Денис ГОРЕЛОВ

«СЫНОК, В ТВОЕМ ВОЗРАСТЕ Я СОБИРАЛ МАРКИ!» — СКАЗАЛИ ЦЫПЛЯТА ЯЙЦАМ

признать, что две трети наездов на молодость страны спровоцированы сценой у киоска, рядом с которым картинно притормаживает свой «Ниссан» человек октябрюляского возраста — купить зажигалку по дороге в страну «Мальборо». Книжек он, кстати, и в самом деле не читает, что нас, привыкших ко всеобщему среднему, раздражает.

С другой стороны, мы первое поколение, которое начало в двадцать пять кормить семью. Мы слишком много приняли на себя, рано повесили на стенку гитару и до срока начали вглядываться в

путающуюся под ногами поросль: что это еще там вякает? Наверно, послевоенная безотцовщина, содержащая надорвавшихся мам, тоже хмуро поглядывала на беспечную коктейль-холльную молодежь с ее шальными фарцовыми деньгами.

Все это скоро кончится. Можете мне поверить. Просто идет смена профессиональных и зарабатывательных приоритетов.

Для наших сорокалетних «стариков» главным вопросом было «куда пойти учиться». Все профессии были одинаково неинтересны, соответственно и зарп-

лата. Накануне пенсии почти все они — бюджетники, а значит, едва сводят концы. Мы профессию «выбирали на вкус»: все они оплачивались одинаково никак, и индивидуал с Черемушкинского рынка имел всего на какой-нибудь четвертак больше школьного учителя. Получаем, соответственно, больше, чем папа с мамой, но на жизнь не больно хватает. Старикам переучиваться поздно, нам — неохота по любви.

Малолетки сегодня выбирают профессию, за которую больше платят. На них и закончится поколенческая война, а противоречия вернутся к унылым шекспировским формам: «Па, дай тыщу на бензин, не жмотись» — «Сынок, я больше не хочу видеть эту девочку в нашем доме. И не забудь купить дедушке леденцов, старик совсем из ума выжил».

Роль дедушки в этой и без того пошлой компании, между прочим, отведена нам.

Елена САЛИНА

СЛЕПЫЕ КОТЯТА

В ЛУЧАХ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Она лежала на гостиничной койке в Токио и плакала. Силы кончились. Они ушли в чужую землю, растворились в магическом каменном саду вместе с остатками иен и осколками надежд. Болела нога. Страшно болела нога, распухая после суровой процедуры, которую не каждый перенесет, — да был бы хоть какой толк!

Но недели шли, одна за другой, нелепо, бездарно, вхолостую — она уже все поняла, жалко, что не сразу, и отчаянная злость, вырвавшись из разболевшегося тела, вытащила ее из постели и поволокла знакомой дорогой в проклятую клинику.

— Дайте счет, — прошипела, сжав зубы, чтобы не расплескать спасительную злость и достойно выйти из игры.

— Таких русских я еще не видел, — заверещал обалдевший доктор.

— Теперь пойдут только такие, — отрезала она.

По аллеям Центральной клинической больницы, «кремлевки», что на Рублевском шоссе, наверно, хорошо кататься на велосипеде. Чисто, гладко, прохладно даже в жаркий день. Но велосипедов здесь нет. Только черные «Волги» время от времени мягко шелестят шинами, развозя сановитых пациентов.

Тамара Анатольевна Сабирова лежит здесь не по должности и не по благу. Она лежит за деньги, потому что у ЦКБ тоже не лучшие времена и больница вынуждена торговать своими престижными койко-днями. Сабирова — предприниматель, в Казани у нее собственное предприятие «Товары и услуги детям», которое, что удивительно, занимается не примитивной спекуляцией, а производством, в частности, красивой детской одежды. Предприятие приносит доход, значит, продукция его не чета китайско-гонконговской штамповке, и деньги Сабирова хотела пустить на расширение, купить новое оборудование. Но все вышло по-другому.

Год назад врачи обнаружили у нее злокачественную опухоль, третью стадию, запущенную, почти безнадежную. Привезли в «кремлевку» прямо с конгресса малого и среднего бизнеса. С первого конгресса, безумно важного в смысле контактов и перспектив. Да-а...

Сначала надеялись на лучевую терапию. И действительно, опухоль спала, состояние улучшилось, Тамара поехала домой. Работать. Но спустя несколько месяцев стало понятно, что поражена лимфа и что избежать метастазов не удалось.

Врачи сказали: можно попробовать химиотерапию, но лекарства, целенаправленно действующего именно на ее больные клетки, нет. А где есть?

Да конечно же там, на чертовом Западе (или Востоке), где есть все, что угодно, потому что у них рай, а у нас вечная революция, короче, были бы деньги...

Теперь-то она знает, что лекарства такого в природе не существует. Но врачи отпустили ей всего полгода жизни, а Тамаре нужно было три. Три года, чтобы как следует окрепло ее ДЕЛО, сброшенное на слабые плечи дочери-студентки.

На объявление в газете особо не рассчитывала. Сколько их, таких объявлений: требуются деньги для лечения за рубежом. Просто хотела посмотреть, как реагируют люди.

Люди среагировали. Даже дети слали то, что на жвачку отложено — у нее слезы выступили, — надо же! Дети, которых она мечтала одеть-обуть как маленьких принцев, засыпали ее сторублевками.

Мало, конечно, набралось, даже с собственными накоплениями, теми, что на развитие производства, не хватало. Но узнали друзья-предприниматели, уже крепко стоявшие на ногах. Обещали переслать валюту, только поезжай. Куда?

Все решила телеграмма из Находки (там у нее филиал): есть вызов в Японию. Вызов организовал некий Валерий Вул, руководитель российско-японского СП «Якокка». Визу, билеты — все за месяц провернула.

В Японию так в Японию, почему бы и нет? К доктору Аксенову, выступающему гарантом спокойствия, качественного лечения, преодоления языкового барьера. Какое счастье! ВЕДЬ РУССКИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ ТОЧНО СЛЕПЫЕ КОТЯТА.

Сабирова-сан? — услышала она за спиной, и от сердца сразу отлегло: теперь все будет хорошо. Водитель жестом пригласил в машину и повез из аэропорта в Токио. В частную «International Clinic» доктора Аксенова Евгения Николаевича, 68 лет, выходца из России времен американско-японской войны.

Клиника и впрямь оказалась интернациональной: один русский врач, два старичка-американца и старшая медсестра-японка. Да и не клиника вовсе — так, крошечная поликлиника, куда иногда заглядывают посетители, но никто не задерживается.

— Сейчас мы сделаем анализ крови, — сказал Аксенов, — и я отправлю тебя в гостиницу. Там русские.

Так Тамара узнала, что из России она — не одна, что Аксенов — не благодетель, а занимается каким-то особым рода бизнесом, и, что самое странное, на простой анализ крови в Японии с ее ультрасовременной аппаратурой требуется почему-то целая неделя.

Фото Э.Кудрявицкого

— Все анализы у меня есть, мне нужен узкий специалист, радиолог-онколог, — твердила женщина, а русский доктор снисходительно успокаивал: «Отдыхай. Все будет хорошо».

Но за «отдых» в гостинице каждый день «накручивались» иены — она кожей чувствовала этот безостановочный счетчик. За других русских расплачивались спонсоры, в основном Дальневосточное морское пароходство. Сабирова платила из собственного кармана и прекрасно представляла себе его глубину. Она сразу начала выяснять: «Какие вы берете посреднические? Три, пять, десять процентов? Сколько от общей суммы за пребывание и лечение? Скажите, я заплачу!» Аксенов отмахивался: «Да ладно тебе». Но ей было не ладно.

Впрочем, оказалось, что игра стоит свеч. Да еще каких!

— Рака нет, — радостно сообщил Евгений Николаевич через неделю. — В Москве ошиблись. Но я покажу тебя японскому доктору.

И японский доктор тоже ничего не нашел. Как описать ее состояние?

Ей очень хотелось верить. Но как только душа ее принималась петь, откуда-то изнутри выползал холодный, противный разум и одергивал не в меру расшалившуюся душу: рака-то, может, и нет, его убили лучами, и на снимках все в норме, но метастазы разглядеть не так-то просто обыкновенному гинекологу, каковым казался японский доктор. И отчего же адская слабость, и пухнут ноги, и «плывет» голова... «Ты приехала лечиться в специализированной клинике», — твердил беспощадный разум.

Страдая от избытка свободного времени, Тамара поближе познакомилась с другими русскими. В гостинице их жило восемь, а всего за два с половиной месяца ее пребывания в Токио прошло через Аксенова восемнадцать пациентов. И кипу просительных писем она видела у предприимчивого доктора на столе. Выходило, что дело поставлено на поток. Нормальный посреднический бизнес. Но что-то во всем этом ей активно не нравилось, а что — непонятно.

Люда Егорова, с которой Тамара сошлась теснее всех, уезжала на родину совсем больной. Во Владивостоке (как потом узнала Сабирова) ее на руках выносили из самолета.

— Почему, Люда? — выпрашивала Тамара. — Почему уезжаешь? Ведь улучшения нет?

— Хватит, — недобро усмехнулась Людмила, — на 35 тысяч долларов наелась. Думаю, достаточно.

Люда Егорова вскоре умерла. Дома 12-летнего мальчика с раком легких Аксенов поместил в частный го-

спиталь (где больные как раз находятся постоянно). Мальчик приехал с мамой, а через пару недель Тамара поразилась — женщину было не узнать. Она почернела от горя — дома сын ходил своими ногами и дышал свободно, а в госпитале его легкие совсем отказали, ему вставили трубки, и это был уже не ребенок, а живой труп.

7-летняя девочка сразу по возвращении умерла от лейкоза. Через две недели после ее смерти из Японии пришел счет... ТАМ НЕ БЫЛО ВЫЗДОРОВЕВШИХ.

А время шло, и «счетчик» крутился. Наконец Аксенов соблаговолил поместить Сабирова в настоящий госпиталь, маленький и вполне провинциальный. Началось подробное обследование, и опять она чувствовала: не то. Стандартный набор анализов и снимков, через который она уже прошла не раз. Как в навязчивом сне: знаешь, что топтался на этом месте, знаешь, что будет дальше, и нет сил выбраться из заколдованного

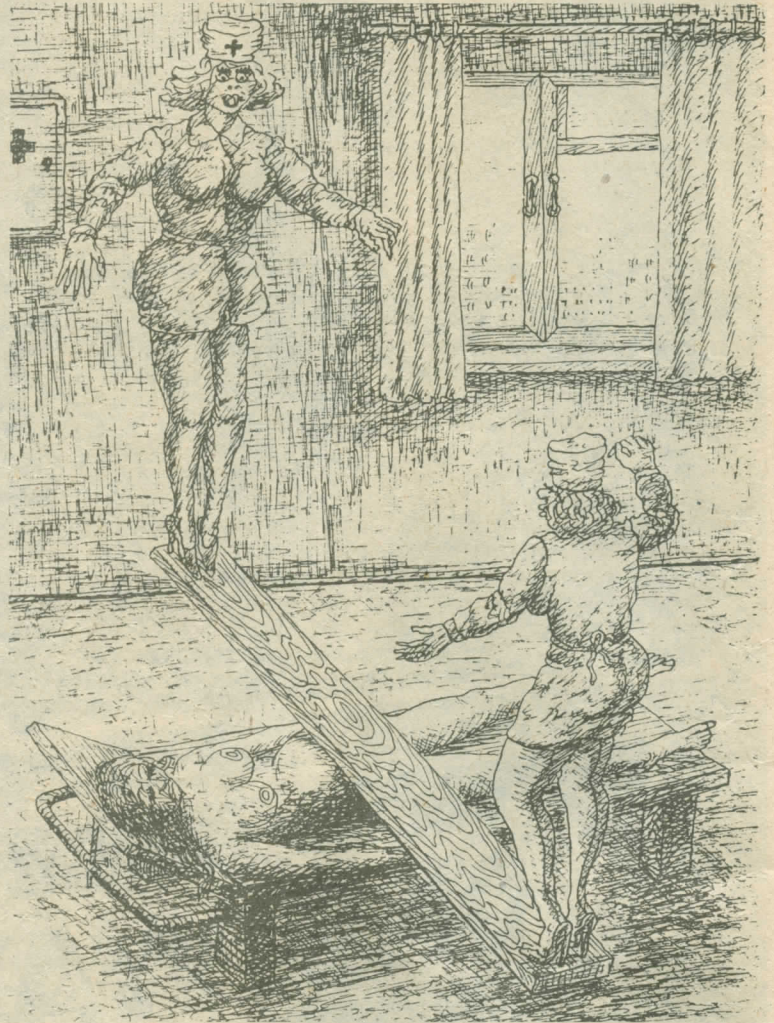

Рис. В. Сысоева

круга.

Да плюс еще проклятый языковой барьер — она ни о чем не могла договориться с врачами, а спросить хотелось так много. Переводчица, представленная к ней Аксеновым, чешка по национальности, то ли путалась в терминах, то ли сознательно переводила НЕПРАВИЛЬНО.

— У вас все замечательно, можете ехать домой, профессор даст вам с собой лекарств, а через полгода приезжайте опять, он будет вас ждать, — тараторила переводчица, и важный профессор расплывался лучезарной улыбкой.

— Какие лекарства? — вскинулся Аксенов. — Те, что профессор передал? А-а-а... Вот тебе, — и кинул на стол ЧТО-ТО без рецептов и рекомендаций. Как принимать? А как обычно, маленькая, что ли?

Вот тут и пришла спасительная злость.

Ее новые знакомые из русско-японской паровой компании сразу согласились помочь. Они помогали и

раньше — открыли в банке особый счет «фонд Сабировой», куда из России пришли деньги на лечение от друзей-предпринимателей. И теперь — без лишних слов выделили своего переводчика, с которым Тамара опять помчалась в госпиталь к улыбочивому профессору.

И профессор сказал то, в чем она и не сомневалась, но каково было услышать ей это, формальное, подтверждение, знает один Бог.

— Вы не туда обратились, — сказал профессор. — Вам нужен специализированный госпиталь, а мы вряд ли сможем вам помочь.

Японское чудо не состоялось.

Об оплате договаривались так. Деньги, которые пришли на счет пароходной компании, Сабирова сразу же отдала Аксенову — тот обещал за все расплатиться с японцами. Себе оставила только на карманные расходы. Аксенов и расплачивался через переводчицу, после каждой процедуры — так заведено в Японии. А Тамара (мудрая женщина!) аккуратно заносила в блокнотик все цифирки, чтобы потом их суммировать. И в гостинице так же: стоимость одного дня, умноженная на количество дней.

Получилось: госпиталь (9 дней) — 432 тыс. иен, гостиница — 760 тыс. иен. На глазок прикинула все мелочи, как-то: оплата водителя, переводчицы, пресловутый анализ крови, лекарства и, конечно, посреднические Аксенову. По самым щедрым расценкам общая сумма укладывалась в 1 млн. 300 тыс. иен.

И когда услышала «приговор» — 2,5 миллиона, — обомлела. Таких сверхприбылей — почти в 100 процентов — за откровенно халтурную деятельность она никогда не встречала.

— Дайте счет, — задыхаясь от ярости, едва проговорила Сабирова. — Если у вас такой бизнес, то я как предприниматель предпринимателя прошу вас представить мне элементарную бухгалтерию.

Аксенов зашелся в истерике:

— Убирайся домой! — визжал он. — Кому вы, русские, здесь нужны?

— Счет! — как заведенная повторяла женщина. — Счет на каждую предоставленную услугу. И все рекомендации профессора в письменном виде.

Вечером общая сумма «похудела» до 1 млн. 800 тыс. иен. Но больничных счетов в общем конверте все равно не оказалось.

Сабирова пошла в генконсульство России.

Генеральный консул принял Сабирову лично. Сказал, что Аксенов — человек без гражданства, с которым

консульство уже не первый год судится по поводу помещения, где тот открыл свой офис, что и не доктор он вовсе, а в лучшем случае прозектор, а о новой его врачебно-посреднической деятельности в консульстве до сих пор и не слышали. Спасибо, так сказать, за предоставленную информацию.

По требованию консула от Аксенова пришли наконец копии больничных счетов, почему-то без штампов об оплате, хотя все расчеты Тамара видела собственными глазами и в оригиналах штампы стояли. Опять с «недостачей», теперь уже, правда, на 120 тыс. иен. Но самое странное — ни в одной бумажке не упоминалась «International Clinic». Таинственный доктор исчез из бухгалтерии, испарился, развеялся по ветру, унесся в беспросветную даль мифическим демоном, оставив на пепелище, как водится, лишь тоску да печаль.

«Встречающих Сабирову Тамару Анатольевну просим зайти в медпункт», — раз за разом повторяла трансляция во владивостокском аэропорту, и растерянные встречающие ужаснулись той перемене, что случилась с жизнелюбивой, энергичной женщиной, но так давно отправленной ими на лечение.

Как долетела, Тамара не помнит. Зато, едва придя в себя, сразу потребовала позвать кого-нибудь от местных властей. Чтобы рассказать о том жутком конвейере смерти, через который прошла сама. Картинка, постепенно вырисовывавшаяся в ее голове, теперь обрела законченную форму.

Русский делец от медицины, волею судьбы занесенный в Японию, поста-

вил на поток страдания своих отчаявшихся соотечественников. С помощью Валерия Вула и СП «Якокка» он наладил бесперебойное поступление живого товара из России и при полном отсутствии конкуренции практически монополизировал этот «рынок». Точный психологический расчет показал, что самым «благодатным» контингентом являются безнадежные больные. Им уже нечего терять, они схватятся за соломинку, поверят любым сказкам, продадут с себя все, чтобы наскрести ту валюту, которую у них можно потом без труда отобрать путем приписок и намеренного затягивания их пребывания за границей. Главное, не передержать, успеть вышвырнуть обратно еще цепляющийся за жизнь полутруп.

Причем честный бизнес, когда людям действительно предоставляется помощь лучших клиник Японии, по видимому, просто невыгоден. Пациентам без страхового полиса сами японцы «накручивают» 50-процентную надбавку к стоимости лечения, и нашим неимущим больным просто не собрать требуемой суммы.

И никому, как водится, нет до этого дела. Самое нерасторопное в мире государство, давно расписавшись в собственном медицинском бессилии, теперь спокойно отдает своих граждан на растерзание частникам-трупоедам.

— У вас есть «крыша»? — первое, что спросил Тамару владивостокский депутат Игорь Крутых, выслушав ее подробный «отчет». — Когда крутятся такие деньги, все становится очень серьезно.

— Я хочу, чтобы люди знали, — ответила Сабирова.

Из запроса в ВС России

«...В ряд частных клиник Японии по официальным приглашениям приезжают российские граждане, в основном из дальневосточных регионов страны, в большинстве своем безнадежно больные. Прибыв в Японию, они не регистрируются в Российском консульстве, и никто, кроме узкого круга заинтересованных лиц, о них не знает...

В данных клиниках не проводится надлежащего медицинского обследования и тем более лечения. Не выдается никаких счетов об оплате, аннотаций, рецептов...

Деньги за лечение больными вносятся наличными без получения каких-либо финансовых документов взамен...

Данные клиники имеют своих посредников... занимающихся поиском именно безнадежно больных российских граждан.

Считаем, что все поездки за рубеж на излечение российских граждан должны регламентироваться соответствующими официальными соглашениями и договорами с обязательным перечнем взаимных обязательств-гарантий сторон...

Просим поручить Российскому консульству в Токио провести проверку деятельности клиники Аксенова Е.Н. с привлечением соответствующих специалистов...

Председатель комитета депутатского контроля Владивостокского городского совета И.В.Крутых».

Елена АВЕРИНА

Одна, но пламенная страсть

Муми-тролль и фрекен Снорк немного поотстали от Хемуля — из уважения к его горю. А Хемуль продолжал брести дальше. Они терпеливо выжидали, когда он поведает им свою печаль.

И вот немного погодя Хемуль воскликнул:

— К чему все, все? Можете использовать мою коллекцию вместо туалетной бумаги!

— Да что с тобой, Хемуль! — взволнованно воскликнула фрекен Снорк. — Ты прямо-таки кощунствуешь. У тебя самая лучшая на свете коллекция марок!

— В том-то и дело! — в отчаянии сказал Хемуль. — Она закончена. На свете нет ни одной марки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни единешенькой. Чем же мне теперь заняться?

— Я, кажется, начинаю понимать, — медленно произнес Муми-тролль. — Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

Тове Янссон. Сказки про Муми-тролля

Каждый человек в той или иной степени безумен. И этим интересен. Особенно это касается коллекционеров. Они не просто безумны, они — маньяки. Более-менее нормальному человеку никогда не понять коллекционера: как можно тратить драгоценное время и огромные деньги ради того, чтобы добыть побольше каких-нибудь штучек, поставить их в сервант, а потом разглядывать их и радоваться как дитя. И ладно если человек собирает монеты, картины, мар-

ки (имеются в виду, конечно, серьезные коллекции) или еще что-нибудь дорогое. Это, конечно, достойное вложение капитала. Такие коллекции можно, не стыдясь, оставлять в наследство благодарным потомкам. Или вдруг продать и много лет купаться в роскоши.

Но люди коллекционируют не только такие способствующие развитию эрудиции и в то же время ценные вещи, как марки или там геральдику. С неменьшим удовольствием люди собирают хлам и рухлядь (с

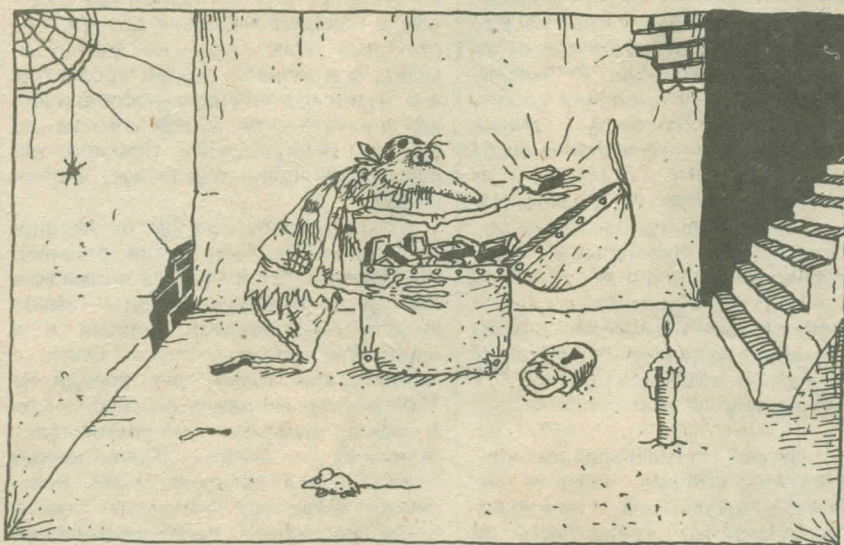

Рис. А. Зайца

точки зрения неколлекционера). Все это барахло обычно занимает огромное пространство, почти всю квартиру коллекционера. Он же сам и его домочадцы ютятся в единственном свободном углу и передвигаются с величайшими предосторожностями — чтобы не задеть или не наступить на какую-нибудь драгоценную старую игрушку или спичечный коробок.

Гости — особенно с детьми — в такие дома ходить боятся. По квартире их будет неотступно сопровождать причитающий хозяин: «Ой, не трогайте, они не любят чужих рук. А к этому можно прикоснуться. Нет, поиграть нельзя. Какой невозможный ребенок!» А потом, такие визиты — скучные: довольно скоро разговор непременно зайдет о злосчастной коллекции — и вечер, считай, потерян.

И ведь что стоило вовремя остановиться, обратить, так сказать, все в шутку и отнестись к своей коллекции как к легкому увлечению, а не как к роковому изнуряющему роману?! Страсть к коллекционированию может быть очень серьезной. И опасной. Она может сделать человека мизантропом, а в этом, согласитесь, ничего хорошего нет. Собиратель начинает ревновать предмет своей любви к тем, кто завидует, к тем, кто просто любопытствует, к возможным «соперникам». Гобсек, Скупой рыцарь и бедняга Плюшкин тоже были своего рода коллекционерами.

Нередко случается самое ужасное: эта самая страсть заменяет коллекционеру семью, друзей и вообще личную жизнь.

Коллекционер не может жить в вакууме. Ему надо где-то покупать вещи, с кем-то меняться. «Толкучки», клубы, коллеги по увлечению — всего этого рано или поздно начинает не хватать. Поэтому давным-давно специально для собирателей начали издавать сборник — адресную книгу коллекционеров. В России до революции такие справочники выходили весьма часто. После революции — на редкость нерегулярно: за годы советской

власти адресные книги издавались в 1925, 1929, 1930 и в 1965 годах. Все эти издания сразу стали библиографической редкостью, и сейчас хранятся на почетном месте в чьих-нибудь коллекциях.

А в прошлом году был выпущен очередной справочник! Это увлекательнейшее и познавательное чтение. Потому что люди иногда собирают такое, что не пригрезится в самых изощренных фантазиях...

Если коллекционеров классифицировать, то можно разделить их, во-первых, на тех, кто начал что-то собирать просто так, от нечего делать, и относится к этому занятию как к развлечению. Нельзя не одобрить такой здоровый подход к коллекционированию! Вторые, наоборот, относятся к собирательству чересчур серьезно: наводят исторические справки, достают каталоги, часами сидят в библиотеках, консультируются у специалистов. Ну а третьи собирают беспорядочно, но очень энергично. Они просто не могут остановиться.

Разумеется, самый важный момент для коллекционера — выбор предмета страсти. От этого очень многое зависит.

Можно собирать вещи полезные. Вот я, например, в детстве собирала туалетное мыло, а семья это всячески поощряла. Правильно: потому что, когда страна переживала мыльные дефициты, мы горя не знали. Вообще, такие коллекции — мыла, шампуней, стиральных порошков, зубной пасты — очень советские и могли стать популярными только у нас... Или вот одна моя соседка собирала французские духи (когда они еще недорого стоили). Она всем говорила, что откроет их в день своей свадьбы. Но свадьба никак не наступала, и духи даже частично испортились.

Всяческого уважения достойны и такие объявления (почерпнуты из вышеупомянутого справочника): «Коллекционирую автомобили», «Интересуюсь всевозможными кулонами и подвесками из серебра и золота. Хочу наладить контакт с коллекционерами холодного оружия», «Собираю произведения искусства». Или: «Коллекционирую живопись западноевропейских художников XIX века, русскую живопись XIX века» (дама, сочинившая последнее объявление, кстати, проживает в г.Кимры-3. Вот в какой глубинке у нас Ренуары с Гогенами украшают гостинице!)

В некотором диссонансе с этим благолепием звучит следующее отчаянное объявление: «Меняю-сбываю в обмен на предметы первой необходимости: периодику, ключи, пуговицы, моду, кулинарию, открытки, календари, советы по дому, саду, огороду, приметы, афоризмы и др. Коваленко Анатолий Андреевич». Адрес почему-то не указан.

И уж только снисходительной усмешки заслуживает коллекционирование этикеток от жвачки, чайных упаковок («пакетики, коробочки, баночки. Имею обменный фонд»), оберток от конфет и шоколадок (отголоски детства), пивных пробок,

винных бутылок (отголоски мятежной юности). «Собираю этикетки от всего, что мы пьем».

Иногда собирательство может не требовать никаких затрат, но приносить грандиозные результаты: «Более 10 лет назад начал записывать мудрые слова, теперь уверен — стало увлечением на всю жизнь».

Вообще-то коллекционирование требует самопожертвования. То есть сам коллекционер как бы отступает на второй план, а скажем, обожаемые им фотографии с изображением актера Тихонова — на первый. Все ради них. Но бывают собиратели с налетом нарциссизма. Некий Михаил, например, собирает все о знаменитых людях по имени Михаил (Мишель, Майкл...).

Многие коллекционеры любят животных. Но только одного, милого их сердцу, вида. Люди собирают картинки и фигурки собак, кошек, зайчиков, слонов, коров. Очень неравнодушны к лягушкам. Но самый популярный зверь — это еж. Бывает и очень широкий диапазон интересов: «Собираю игрушки, модели, художественные изображения крокодилов и божьих коровок».

Нуднейшие собиратели, на мой взгляд, — это коллекционеры юмора. Их объявления сдобрены тяжеловесными шутками. Судя по всему, эти люди считают себя душой компании и постоянно рассказывают на вечеринках хорошо отрететированные «новые» анекдоты.

Среди коллекционеров, увы, попадаются и лукавые хитрецы. Вот например, один детский клуб пишет: «Для общественных и личных детских коллекций безвозмездно или за умеренную плату приобретаем всевозможный филоматериал дореволюционной России и советского периода...» А иная дореволюционная марка может стоить столько, что на весь педагогический коллектив хватит. И еще останется.

Не надо, наверное, повторять, что все люди, в принципе, одинаковы. И коллекционеры — не исключение. Раздел «Персоналии». Коллекционеры «собирают все» о Пушкине, Алле Пугачевой, Есенине, Высоцком, Наполеоне. И вдруг — «собираю все о Бажове». Какая-то белая ворона.

Самый интересный раздел справочника — «Предметное коллекционирование». Читается как записки сумасшедшего. «Коллекционирую русские товарные пломбы до 1917 года». «Собираю воздух до 1900 г., сохранившийся в виде пузырей объемом не менее 5 куб. мм, в битом стекле: бутылках и прочих сосудах, целых и битых». (Ох, фантазер!) «Собираю бельевые прищепки» (собирает, замечу, коллекционер «очешки» (косточка коленного сустава барана, употребляемая в среднеазиатской национальной игре). И обращается со своим объявлением почему-то на весь «союз». «Собираю мате-

риалы по этимологии и использованию слова «Саран» и фонетически близких к нему в языках мира, топонимике и ономастике».

А это объявление еще недавно наверняка заинтересовало бы соответствующие «органы»: «Собираю фотографии крышек люков разных назначений разных городов и изготовителей, выпущенные в разные времена. Проявляю интерес к крышкам зарубежных люков». А это — из области саркопалогии: «Собираю первые рисунки Бабы-Яги детей 2—4 лет».

Некоторые, как выяснилось, держат дома вещи прямо-таки фантастические. «Коллекционирую, обменяю мамонтовую фауну — костные остатки шерстистых носорогов, мамонтов, бизонов; зубы, рога вымерших мастодонтов». Впрочем, собиратель этот живет в якутском поселке Кулар: мало ли какая «мамонтовая фауна» примерзла там к ближайшей сопке. Или: «Коллекционирую нестандартные метеориты, вызывающие затруднения при профессиональном определении. Неожиданное, неведомое, непознанное. Поиск коллекционного материала проводится по методике биолокационного эффекта. Имеется обменный фонд». Вот так, кому-то, судя по всему, нестандартные метеориты каждый день под ноги падают. Или на голову.

Иные коллекции бывают очень странными. Очень. «Собираю строительные кирпичи производства Нор-Нахичеванской колонии армян на Дону». Или: «Собираю с 1980 года гравитационные двигатели экологической энергии вращения ротора (альтернативной атомной) и с экстрасенсорным лечебным статором». А Ольга Кононова из Энергодара коллекционирует «объемные модели гномов из металла, стекла, стеарина, резины, пластмассы; предметы с графическим изображением гномиков — книги, открытки, марки, переводные картинки, значки, брелоки, пакеты, платки, шкатулки с подобными изображениями». Ну почему, почему именно гномы?!

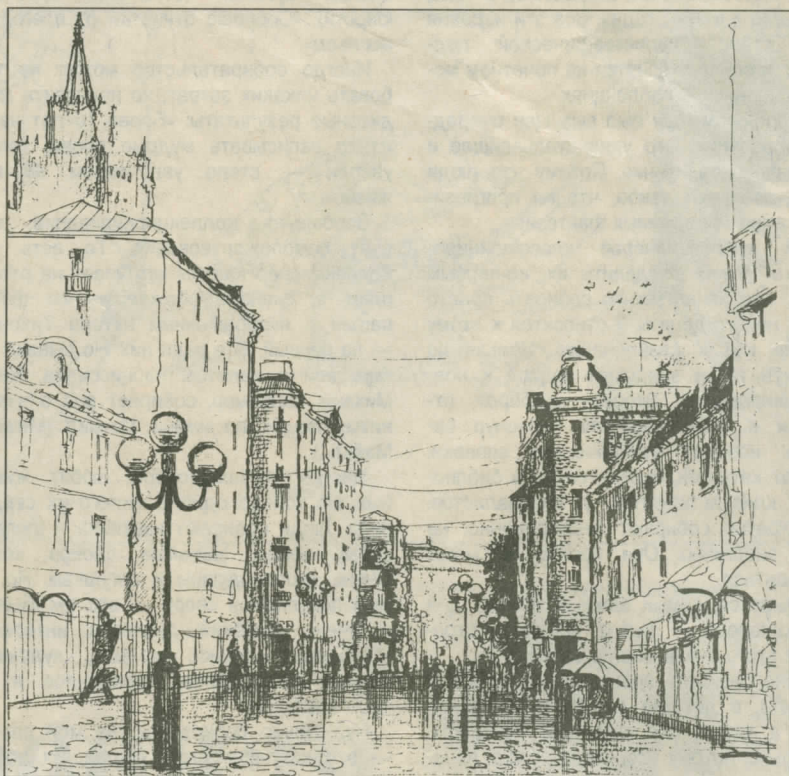
Попадают среди коллекционеров и настоящие кулибины с левшами. Один строит кораблики в бутылках, другой пишет тексты на конском волосе. И принимает заказы. Третий сообщает: «Подковываю куриные яйца. Продам, обменяю собственную технологию. Приму заказы». Представляю, какая у него обширная почта с советами — как и что еще можно подковывать. И это верно. Яйца подковывать — блажь и излишество.

И все-таки, коллекционерам жить хорошо. Они легко и охотно уходят в своей мирок — к своим фантикам и метеоритам, часами разглядывают консервные открытки и играют микроскопическими автомобильчиками. А вокруг бушуют события, и по большей части неприятные. Но в такие минуты коллекционеров это совершенно не касается.

Алексей

МИТРОФАНОВ

АРБАТСКИЙ
ОГОНЬ

Очарование истории — в ее неразрешимых загадках. Прекрасны вечные вопросы — в каком доме родился Пушкин, где именно похоронена Цветаева, откуда пошло слово Москва и что значит — Арбат.

Есть только версии. Якобы Арбат — потому что горбат. Но он же прям, а вовсе не горбат. А ежели и крив — опять-таки не более других московских улиц.

Говорили, что Арбат — от персидского слова «робать» — богадельня. Только не было тут никаких богаделен.

Полагали, Арбат — от латинского «arbutum» — вишня. Но чего ради москвичам переименовывать родную вишню? Просто чепуха, а не гипотеза.

Производят Арбат от арабского слова «рабад», то есть пригород. Но опять-таки кто ж его знает?

И в этом — мистика Арбата.

Улицы Бунина, улицы Белого, улицы Зайцева.

Каждое время имеет тот Арбат, который заслуживает. Значит, время поменялось к лучшему. Не так давно с Арбата выгнали торговцев бляхами да портупейями. И он местами стал похож на улицу. Курс же рубля на валютных торгах сразу начал расти.

Арбат давно зашкаливало. В революцию пятого года по

здешним баррикадам прыгал Константин Бальмонт, поэт, а возглавлял дружинников Сергей Коненков, скульптор. Когда же после революции семнадцатого года «буржуйам» запретили пользоваться для очистки снега лошадьми, арбатские «буржуи» завели себе верблюда.

Перед войною появлялись тут таинственные знаки — в виде разноцветных слайдов, их проецировали прямо на снег. И люди ходили по изобращению. Ходили также по цветным прозрачным кирпичам, подсвеченным снизу огнями подвалов.

И улица казалась неземной.

А в начале 1980-х Арбат сделали пешеходным. А в 1986-м академик Лихачев писал: «Я... предлагаю превратить пешеходный Арбат в Москве в улицу Культуры». А в 1987-м здесь пытались создать первую безалкогольную зону столицы. А на заре перестройки один корреспондент из «Социндустрини» жаловался, что не нашел на улице ни одного работающего кафе и ушел домой голодный — вот трагедия! Якобы государственные закрыты, а кооперативных — нет. Ратовал за кооперативный общепит. И подпись у него была прощеская — В.Прохватиллов.

Затем пешеходный Арбат

О традиции на этом месте говорится об истории названия. Традиции придется изменить — значение слова «Арбат» никому не известно.

Рис. Ю.Николаевой

пережил состояние кризиса и, похоже, пошел на поправку. Не прекращая составлять таинственную летопись Москвы.

Сразу за «Прагой» (где сталкивались два символика — Блок и Белый — из-за любимой женщины, Любочки Менделеевой) стоит дом 4. В нем были меблированные номера гостиницы «Столица», в них останавливался Бунин, в них же к одному из бунинских расплывчатых героев вдруг пришла консерваторка Муза Граф. И так же вдруг ушла — оставив в жизни этого героя странный след.

А напротив, в доме 9, — иные «номера». Здесь останавливался Лев Толстой, в кафе гуляли антиподы Маяковский и Есенин. Сейчас же здание заброшено и в нем живут глухонемые бомжи. И попирают все законы общезжития — зимою, для согреву, жгут внутри костры.

Чуть подальше — главная загадка старого Арбата, сквер на месте дома 14, величаемого не иначе как «дом с привидениями». В прошлом веке здесь жил архивист Михаил Оболенский, известный тем, что неожиданно нашел у антиквара знаменитый портрет Пушкина — тропининский, десятилетия назад таинственно пропавший.

Но главное, что после Оболенского дом не задерживался у одних хозяев — по ночам люди слышали стук, завывание, пение, крики, видели и белые привидения и, конечно же, старались побыстрее избавиться от дьявольской недвижимости.

И говорили по Москве, что сдал князь Оболенский дом в аренду князю Хилкову. Хилков же был сатанист, все учился по Брюсовой книге. А лакей его, заинтригованный, в отсутствие хозяина похитил книгу, стал ее читать, конечно, ничего не понял. Но неожиданно вернулся Хилков, и напуганный лакей засунул дьявольский учебник под плиту.

Учебник истлел. Все искал его князь, все искал — не нашел да повесился с горя. С тех пор и поселилась в доме нечисть. Лакей же по миру пошел.

А еще говаривали — целая семья, семь душ, повесилась. Якобы отец того семейства печатал фальшивые деньги, а маленькие дети — пятеро их было — проболтались по наивности. Пришли полицейс-

кие брать супостата — а все уж висят.

И ходил третий слух: будто жил тут полковник, человек весьма добропорядочный, да только вот жена его, красавица, сбежала с низшим офицерским чином. Тогда ослрамленный хозяин собрал своих товарищей, устроил славный пир — и в полночь застрелился. А дело-то не божеское.

Многое трепали — и пришла в конце концов полиция, оцепила дом и обнаружила в нем банду уголовников. И решили: бандиты обматывались простынями и ломали комедию с нечистью, чтобы дом всегда стоял пустым.

А потом, вспоминал Андрей Белый, здесь «много годов торговали различными средствами против клопов, когда после, в двадцатом году развалили тот домик, открылось изображение дьявола: прямо в стене; и болтали: мол, здесь сатанисты года, под шумок, алтарь дьяволу строили, голую женщину еженедельно кладя на алтарь».

Славянофил Паламарчук конечно же связал это с масонами.

А сквер на месте страшного строения принадлежит сейчас военному госпиталю имени Мандрыка, и удивляются арбатцы — как созвучно его имя с именем злодея Эдуарда фон Мандро, что из романа Белого «Москва».

А в доме 33 до революции был магазин, куда адресовала Муза Граф расплывчатого бунинского страдальца:

— И прикажите, если у вас есть деньги, купить у Белова яблок ранет, — тут, на Арбате.

А несколько подальше, в доме 43, — другой известный магазин того же времени, писчебумажный, под названием «Надежда»:

*Зарозовеет тихий свет
С зеленой вывески*

«Надежда»

Над далью дней и далью лет... —

писал Андрей Белый, певец Арбата и его ценнейший экспонат. Во времена давно забытые, когда еще (а не уже) там не ходил трамвай.

Другой же певец, Борис Зайцев, жил в доме 38. Без Белого опять-таки не обошлось, и величайший символист писал в своих воспоминаниях: «дом угловой, двухэтажный, кирпичный... тут сживал я, разговаривая с Леонидом Андреевым, с Борисом Зайцевым: даже не знали, что можем на воздух взлететь, бомбы делали под полом. Это открылось позднее уже».

У Зайцева поэт Ходасевич познакомился с Анной Чулковой, впоследствии ушедшей к нему от поэта Брюсова.

Беспокойная улица, смутная.

Чуть позднее, в доме № 44, другой поэт, Глазков, писал автобиографические строфы:

*Живу в своей квартире
Тем, что пилю дрова.
Арбат, 44,
Квартира 22.*

И добавлял в защиту своего жилища:

*Его ломать не надо при
Реконструкции столицы.
Хоть этажей в нем только три, —
Но шесть, когда в глазах
двоится.*

А в это время в том же доме, но в другой квартире, засекреченной, готовился к заброске в тыл врага разведчик Д. Медведев, командир партизанского отряда «Победители» и автор книги «Это было под Ровно».

А на другой стороне улицы, в доме 55, родился Андрей Белый. Здесь он произнес свое первое слово: «Поднесли годовалым к окошку; в колониальном магазине Выгодчикова зажигали огонь; я затрясся; и первое слово, «огонь», — произнес...»

И заканчивается Арбат — огнем. Пожаром в торгсине, что был в конце улицы, там, где сейчас гастроном № 2. После того как загорелось на Садовой, у дверей того торгсина «появился длинный гражданин в клетчатом костюме и с ним черный крупный кот...»

Видать, не родился еще человек, способный потушить дьявольский огонь дьявольской московской улицы.

Театр Вахтангова до перестройки 1935 г.

Фото из собрания М.Струкова

Ксения КЛИМОВА

ЧИСТО ЭСТОНСКИЕ СТРАННОСТИ

Нацелившись штампом в паспорт, пограничник двухметрового роста в детском зеленом берете вдруг замер и сурово спросил: «Как вы здесь очутились?»

Ладно бы это было по дороге туда. Но ведь мы-то ехали обратно, в Москву, которая пока еще не отгородилась от бывших «родственников» собственными визами.

Вопрос, конечно, интересный, поверг в хохот команду московского спортклуба инвалидов. Пограничник просто открыл не ту страницу в паспорте. Бывает...

В Москве потом выяснилось, что зря смеялись. «Украли» мы эту поездку в Таллинн, причем вторично. В прошлом году эстонцы ввели визы и свою валюту, но мы успели проскочить как раз накануне. А теперь визы уже ставят не в советский, а только в загранпаспорт. И опять нам с нашими «серпастыми» повезло. И долларов мы не платили.

...И все же странные люди живут в Таллинне. Вместо того чтобы в праздничные дни, будь то Дни Старого города или Ганзейские праздники, спрятать увечных подалее от глаз долой и не портить настроения гуляющей публике, таллинцы вот уже семь лет кряду зазывают к себе людей в инвалидных колясках со всех республик и из-за настоящей границы — Дании, Швеции, Норвегии — и устраивают большие гонки вокруг старых городских стен.

Гонки проходят при большом, как принято говорить, скоплении народа и под неуспешным контролем прессы. В этот день убирают транспорт с нескольких центральных улиц, закрывают большой проем ворот Виру — главных ворот Старого города, обеспечивают охрану, «скорую», обслуживание участников и призы. И инвалиды вдохновенно мчат свои традиционные 4,02 километра и финишируют под аплодисменты и букеты самых красивых дам.

Так и в этом году, с 3 по

6 июня, едва мы выгрузились со своими колясками, запасными колесами, костылями и баулами из скорого 68-го поезда, сразу увидели обалденно приветливых встречающих и спецавтобус с подъемником. Инвалидов ждали в Ратуше. Наверх, в исторические залы их втащили на руках могучие, как дубы, пограничники, чтобы всех могли поприветствовать мэр города и пара министров.

После приема, устроенного в очень старой харчевне этнографического парка, нас отвезли в отель. Пусть не «Виру» — там мы обрелись в прошлом году, — но все же достаточно высокого класса, бывший цэковский, названный теперь почему-то «Эми». И жили мы в этом отеле с утренним «шведским столом» и хирургически чистой кухней, где можно самостоятельно сварить кофе, вплоть до самого отъезда, до заключительного торжественного банкета в отличном ресторане. Сказка!

Конечно, так было не всегда. Хотя Эстония, без сомнения, первой из числа советских республик оказалась замеченной в необычном интересе к инвалидам. Поскольку укрыться тогда энтузиастам всяких инвалидных проблем было негде, именно в Таллине Валентин Дикунь провозгласил создание первого спортивного объединения для людей с физическими недостатками. Федерация та тихо померла — не было ни денег, ни сил для поддержания в ней жизни. Но в самой Эстонии дело не заглохло. И изменить здесь отношение к инвалидам удалось, что удивительно, всего двум людям: одному физики и одному журналисту.

Еще в Москве мне сказали: ты обязательно должна поговорить с Хаги Шейном и Тыну Кару, именно с них все и началось. Это повторяли в редакциях, министерствах и институтах, хоть как-то связанных с проблемами инвалидов, до тех пор, пока сами собой не

запомнились непривычные имена. Когда таллинская журналистка начала: «Тебе надо поговорить...» — я уже знала с кем.

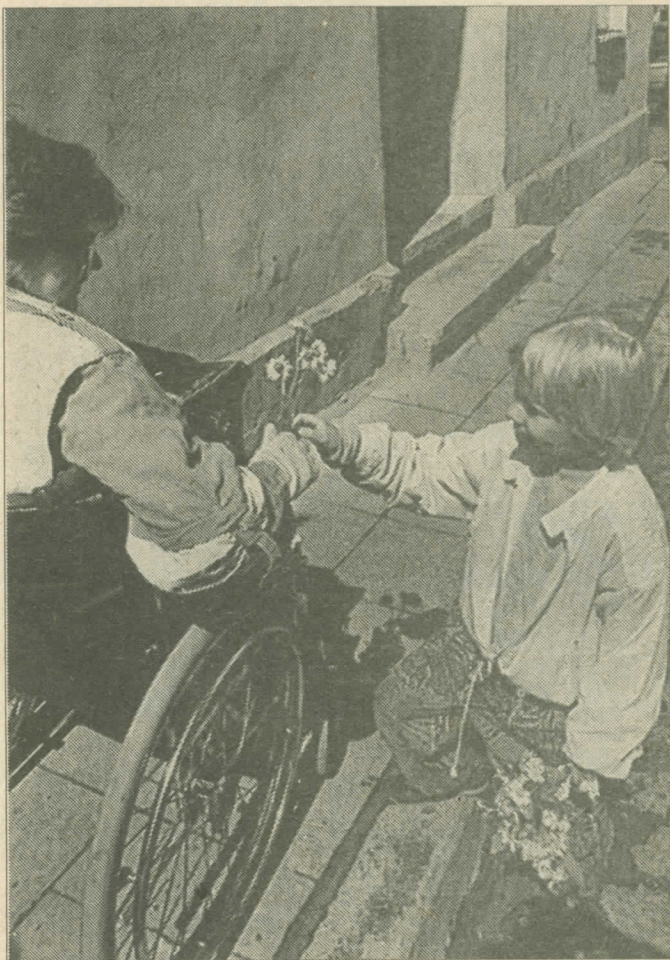
Хаги Шейн, генеральный директор эстонского телевидения, стоял с улыбкой «черного принца» в тени ворот Виру и нарушил свое спокойствие только один раз. Когда финиширующий спортсмен угодил колесом коляски в ямку мостовой и вылетел из седла. Просто радостно стало за все эстонское телевидение — с такой юной ловкостью бросился поднимать упавшего телешефа. На все вопросы Шейн лишь улыбался и склонял долу глаза за дымчатыми стеклами очков.

Тыну Кару с виду оказалась типичным бородатым физиком, но теперь он занимает должность советника мэра по проблемам инвалидов. В объяснение своих задач советник уселся на бровку тротуара, захватил мой блокнот и принялся рисовать в нем график роста творческих способностей человека.

Почти десять лет подряд эти двое странных устраивали соревнования инвалидов и методично протаскивали информацию о них

Странные бывают королевы. Среди современных монарших особ попадаются медики. Почти все королевы занимаются благотворительностью. Но чтобы сочетать и то и другое, чтобы стать специалистом в такой узкой области, как спорт для инвалидов! Шведской королеве Сильвии это удалось. Ее величество написала книгу на 200 страниц с фотографиями о спорте людей, перенесших тяжелую травму или болезнь. Название книги переводится как «Давайте все вместе!». И в ней ни разу не употребляется слово «инвалид» — найдены щадящие эквиваленты.

Перевод книги хранится у Кару в письменном столе и ждет своего издателя. А сам энтузиаст встречался с королевой и был удостоен приватной беседы в ее личном кабинете. Не каждому деятелю такое выпадает.

Усилиями ли телевидения, спортсменов, при поддержке ли королевы, но спорт для инвалидов стал частью культурной жизни Эстонии. А эстонцы не склонны отказываться от традиций даже из-за безденежья. Приятно вспомнить, как все участники

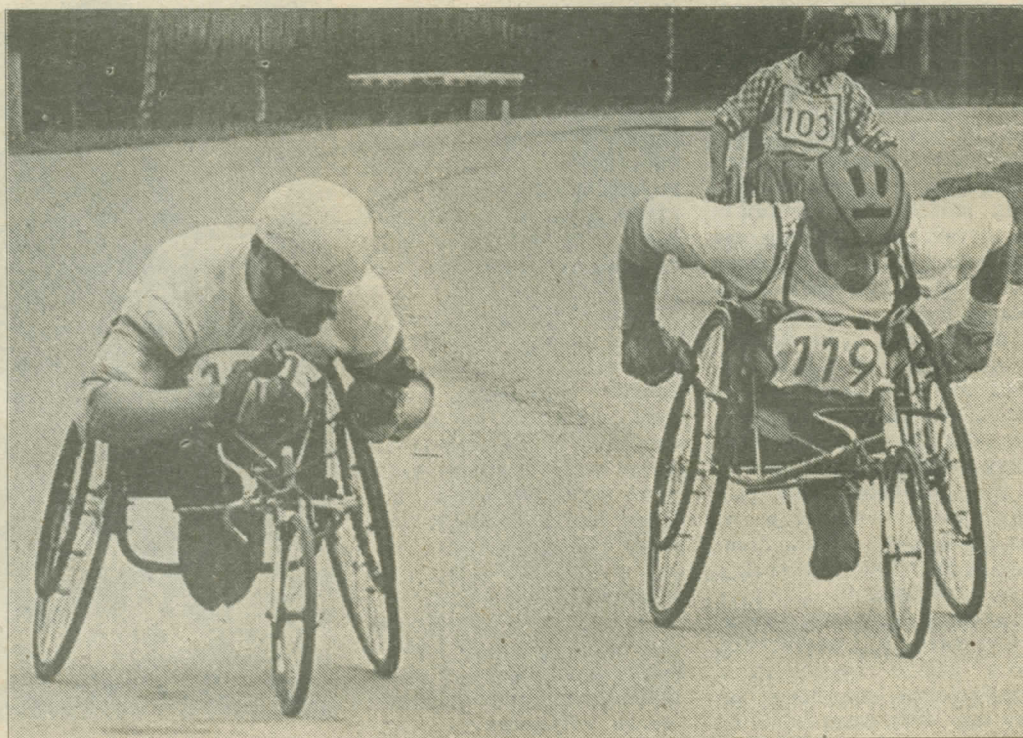
гонок пировали в прошлом году в отеле «Виру», когда Эстония находилась еще в рублевом пространстве. Теперь, в «крановом», все было, конечно, гораздо скромнее, но не менее четко организовано. На качестве организации, как выяснилось, не экономят.

В Эстонии нет ни одной фирменной гоночной коляски, способной развить большую скорость. И все-таки кроме массовых гонок вокруг Старого города здесь устраиваются состязания именно в скорости. На дистанции полумарафона длиной 21 км 344 м разыгрывается Большой приз. Пока спортсмены мощно работают руками, посылая вперед коляски, счет секундам ведут электронный секундомер и компьютер, расположенные в микроавтобусе у линии финиша. После гонок каждому участнику вручается протокол, обстоятельность которого сделала бы честь любым международным соревнованиям. Глядя в колонки цифр, специалист может узнать все о гонщике и тактике его поведения на трассе.

Можно поразиться и энтузиазму, с каким эстонцы

на телевидение. Им самим чуть хребет не переломала советская действительность за экстравагантные выдумки типа состязаний по бегу для слепых с провожатыми, игры в мяч, издающих звук (тоже для незрячих), волейбол, в который играют сидя, катание на велосипедах-тандемах. Но они были упорны, а все, что ни делали, делали не только милосердно, но и талантливо. Фильм «Танец в инвалидной коляске» длится всего 38 минут, а смотрится как потрясение. Кстати, плясать в коляске может научиться теперь каждый желающий — появилась милая женщина, специально этому делу обучающая.

Как нашли друг друга Тынну Кару и Хаги Шейн — загадка. Но еще большая тайна — как к ним примкнула королева.

осваивают все для себя новое и необычное. В этом году, выйдя на старт, участники соревнований из России буквально оторопели. Их местные соперники построились тоже в колясках, но с лыжными палками в руках. И прошли все 20 километров, толкаясь палками об асфальт. Оказалось, готовятся таким образом к зимнему сезону. Зимой, в санях, всех обгонят.

А пока всех обошли гонщики из России. И телефон «Панасоник» — Большой приз — увез Сергей Окулов в Санкт-Петербург. Среди женщин оказались самыми сильными москвички из «Ахиллес трек клуба».

Похоже, политика пока не проникла в область спорта для инвалидов, и все были этому только рады. И все же, если чемпионом Эстонии станет человек, обладающий такой ценностью, как гражданство? Что тогда? Это тем более вероятно, что в Нарве, где много русских, очень сильный спортклуб, и в прошлом году чемпионом был как раз парень из Нарвы, Яак Котельников.

Все же последнее, чему пришлось поразиться в Эстонии, были кроны,

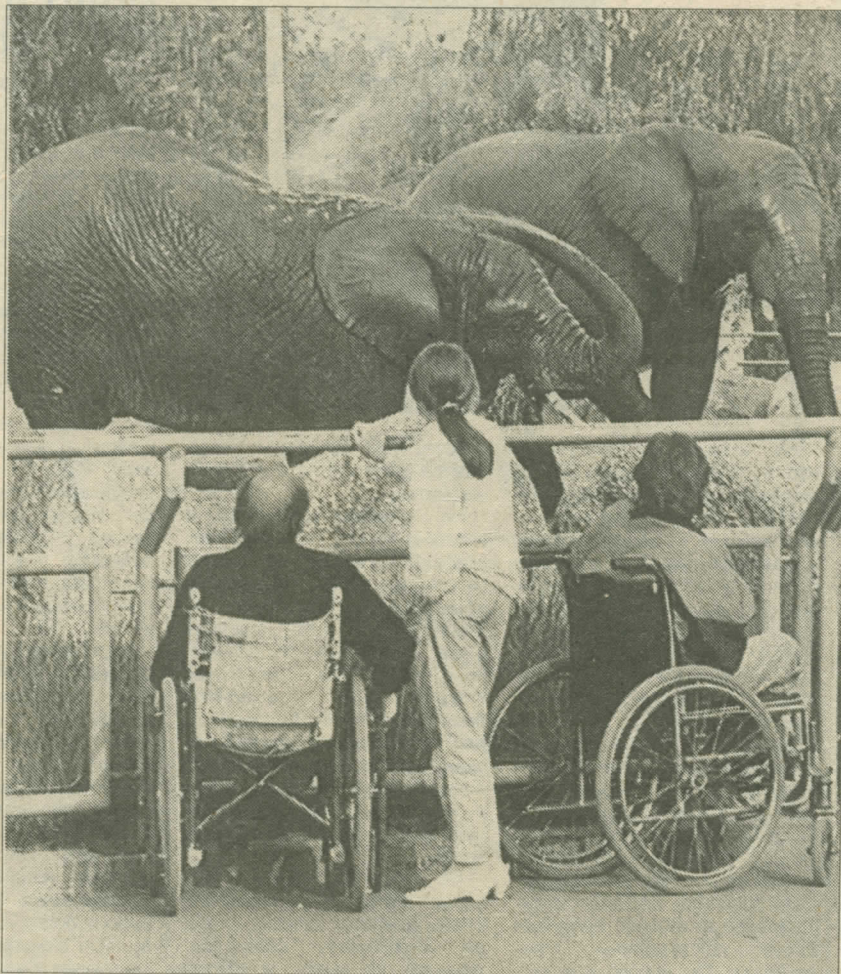
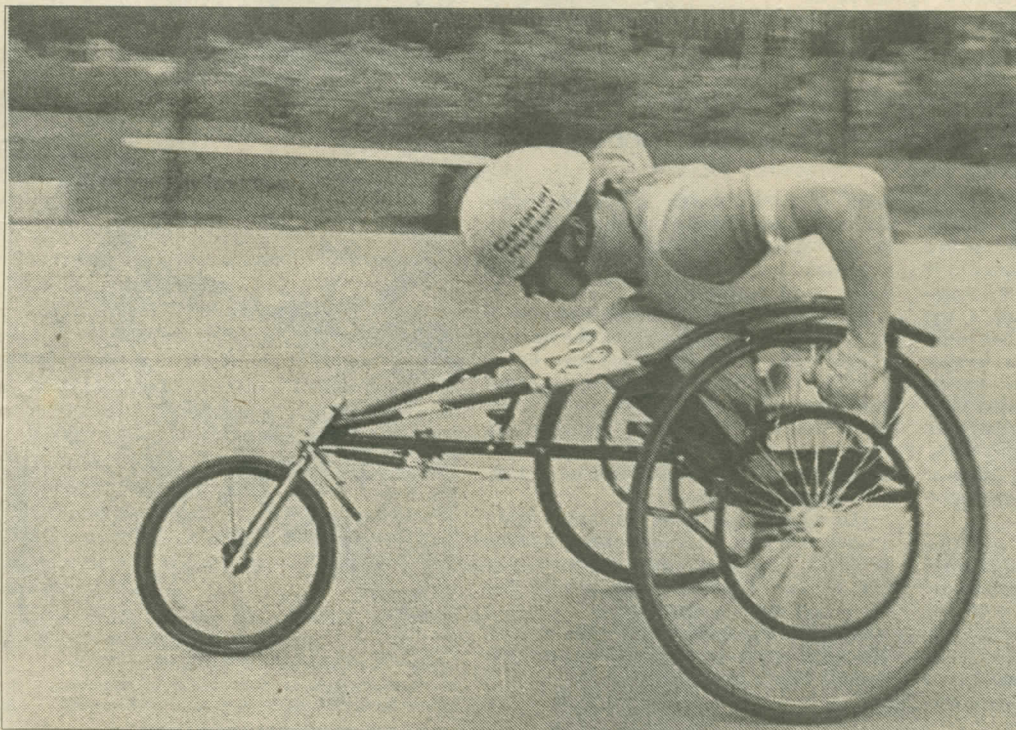

Фото В.Кантора

скромные бумажки с портретами писателей и просветителей. Фамилия одной из поэтесс, на кроне переводится буквально «ведьма». И кроны сыграли чисто ведьминскую штучку. Собрав их со всей московской компании, мы почувствовали себя ужасно богатыми и отправились к ресторанной стойке покупать коньяк. Нам хватило на 157 граммов, которые бармен накапал в рюмку. В рублях стоимость этой рюмки равнялась пяти с половиной тысячам.

КОШКИ-МЫШКИ

Ну кто-бы мог подумать, что у грозного лидера Организации освобождения Палестины Ясира Арафата такое нежное любящее сердце и веселый нрав? В австрийском еженедельнике «Ньюс» недавно было опубликовано интервью с молодой супругой Арафата — Шухой, христианкой, которая из любви к этому незаурядному человеку приняла ислам.

Шуха делится с читателями еженедельника некоторыми подробностями своей семейной жизни. «Больше всего на свете Арафат любит меня, — рассказывает Шуха. — Но у него есть и другие пристрастия. Мой муж обожает мультфильмы и отдает предпочтение похождениям Микки-Мауса. Он всегда хочет, когда видит, как маленькая хитрая мышка обманывает большого глупого кота. Кроме того, Ясир — поклонник

спорта, сам регулярно занимается джоггингом и играет в шахматы».

Но, оказывается, игра в кошки-мышки увлекает арабского лидера не только на экране. «Мы не совсем обычная семейная пара, — продолжает свой рассказ Шуха. — Все было бы хорошо, но в целях безопасности нам каждый день приходится переезжать из одного дома в другой. Утром я никогда не знаю, где проведу следующую ночь. Только поздним вечером я узнаю, где находится мой муж, и присоединяюсь к нему».

Не слишком удобно для жены. Зато муж, наверное, очень доволен: ложась спать, он воображает себя маленькой, но умной и хитрой мышкой, которой в очередной раз удалось надуть большого и глупого кота.

СОЛО ДЛЯ «ГОЛОСА» И СЕНАТА

«А сейчас для Гиви из Гори мы передаем его любимую песню «Сулико», исполнявшуюся недавно на концерте в Вашингтоне» — примерно такое объявление прозвучало на волнах радиостанции «Голос Америки» в 1985 году. Но зачем, спрашивается, грузину заказывать свою любимую «Сулико» «Голосу Америки», когда она и так часто передается по его родному радио, да и концерта такого в Вашингтоне не было. «Все это походило на сцену из дешевого боевика», — рассказал корреспонденту Эй-би-си бывший редактор «Голоса» Нодар Джин. Когда он заявил руководству, что подобное объявление — явная фабрикация, то получил приказ молчать, а потом был уволен.

За три года до этого другой сотрудник «Голоса Америки», Алан Силверман, тоже стал невольным участником похожей операции. Начальство приказало ему в строго определенное время передать по радио определенную песню Рода Стюарта. Алан решил выяснить, от кого именно исходит подобное указание, и обратился с вопросом к своему боссу — Юджину Пеллу. «Он ответил мне, — рассказывает Силверман, — что не стоит этим интересоваться. Достаточно знать, что распоряжение исходит из весьма высоких сфер».

Как явствует из расследования, проведенного телекомпанией Эй-би-си, правительственная радиостанция Соединенных Штатов по меньшей мере пять раз вела на границу передачи «с подтекстом» в 80-е годы. Есть свидетельства того, что приказы о передаче шифровок исходили от Чарльза Уика, бывшего в администрации Рейгана директором Информационного агентства США (ЮСИА), в ведении которого находился «Голос Америки». Что означали тайные сигналы «Голоса», уже вряд ли возможно выяснить. Юджин Пелл, который теперь возглавляет радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», отказался дать интервью Эй-би-си, а Чарльз Уик настаивал на законности использования «Голоса Америки» для передачи тайных сообщений, если это соответствует национальным интересам США. С ним, однако, не согласились американские сенаторы. На слушаниях, состоявшихся недавно в сенате конгресса США, которые, по словам телекомпании, напоминали сцену из шпионского фильма, сенаторы добивались от нынешнего директора ЮСИА Джозефа Даффи обещания, что «Голос Америки» впредь не будет передавать тайных сигналов. Даффи обещал подумать.

ДАЖЕ КРАБЫ, ДАЖЕ КРАБЫ УБЕГАЮТ ОТ МЕНЯ

И деятели культуры от нас эмигрируют. И ученые. И евреи. Впрочем, я повторяюсь. Но теперь появились и кое-что новенькое. На сей раз в мире животных. Открыли поток зоологической эмиграции осетры. Уверовав, видимо, в мусульманского Аллаха, они паломническими косяками потянулись к чужим берегам Каспийского моря, и теперь мечут нашу исконную российскую икру в Иране. И правильно. Эмигрируют, чаще всего, именно ради детей.

За осетрами устремились крабы. Они, правда, выбрали берега норвежские.

«Русские идут!», «Красные наступают!» — такими прежде ледяными душу заголовками запестрели норвежские газеты. Но теперь они вызывают у обывателя не страх, а блаженную улыбку гурмана. Дело в том, что норвежское побережье атакуют не советские подводные лодки, а гигантские крабы «российс-

кого происхождения». В сетях рыбаков, ведущих прибрежный промысел, порой оказываются настоящие монстры с размахом клешней до двух метров и весом до 15 килограммов.

Камчатские крабы были завезены и выпущены близ побережья Кольского полуострова в исследовательских целях в 1961 году. В прошлом году, однако, они тысячами начали мигрировать к западу, обогнули северную оконечность Норвегии и продолжают распространяться вдоль побережья страны в южном направлении.

«Поначалу мы даже боялись приближаться к ним, — вспоминает о первых встречах с камчатскими крабами рыбак Бьярне Хансен. — Но сейчас уже научились иметь с ними дело».

По отзыву норвежцев, сочное и вкусное мясо «русских агрессоров» прекрасно идет под белое вино.

Аркадий АВЕРЧЕНКО

РУСЬ ПРОСНУЛАСЬ

— Если у спички головка отломана — может человек попасть в Буэнос-Айрес?

— Может.

— А если у спички головка целая, на месте — может человек попасть в Прагу?

— Тоже может. Иностраный человек не может, а русский может.

Кафе «Ландграф». Подходит ко мне знакомая певица, в глазах отчаяние:

— Прямо не знаю, что мне делать: один антрепренер зовет с ним в Южную Америку, другой — в Прагу. Посоветуйте — куда лучше ехать?

— По-моему, лучше в Прагу.

— Но там жизнь бешено дорога.

— Тогда — в Южную Америку.

— А там счет на какие-то пезеты и еще на что-то. Антрепренер объяснил мне, что одна пезета равняется чему-то пяти... или нет... это «что-то», кажется, заключает в себе пять пезет... Очень путаная история.

— Да, в Праге валюта легче.

— Так вы советуете в Прагу?

— А с другой стороны, в Буэнос-Айресе жизнь любопытнее... Этакая экзотическая.

— Значит, лучше в Южную Америку?

Сидевший около меня актер не вытерпел.

— Послушайте, сударыня, вот две спички: с отломанным концом — Буэнос-Айрес, целая — Прага. Вот я их прячу в кулак. Выбирайте.

Никто не усмехнулся даже. Все понимали, что вопрос серьезный. Дама сделала благоговейное лицо и хлопнула актера по левому кулаку.

Тихо, бесшумно разогнула ладонь.

— Отломанная головка — Южная Америка.

В этот момент к даме подошел пражский антрепренер и лихо радочно спросил:

— Ну, что, как решили?

— Вычеркивайте меня, еду в Буэнос-Айрес.

И никто с ней не спорил. Потому что, действительно, чорт его знает, где лучше русскому человеку — в Праге, Буэнос-Айресе или Мельбурне?

Во всяком случае, мы с вами, читатель, знаем об этом не больше, чем бесголовая спичка.

На русской границе встречаются двое русских.

— Аркашка, ты куда?

— Из Берлина в Москву. А вы куда, Геннадий Демьянович?

— А я из Москвы в Берлин. Благородному человеку жить невозможно сделалось!..

— Да, ведь, в Берлине русскому человеку тоже жить невозможно. Голодаем-с.

— Да-с. Бежал я от Нэпа.

— А я от репараций, Геннадий Демьяныч.

— Гм. Так ты в Москву?

— В Москву-с, Геннадий Демьяныч.

— Не советую. Нэп...

— Да и я вам в Берлин не советую. Репарации-с.

— Так как же быть? Паспорта ведь уже выправлены для движения вперед. Назад никак нельзя. Не пустят.

— А мы, Геннадий Демьянович, сделаем так-с: вы мне дадите свой паспорт, я вам свой-с. Вы с моей московской визой двинетесь обратно в Москву-с, я с вашей берлинской — обратно в Берлин-с.

— Аркашка! Это что за комбинация?

— Так легче оно будет. Все равно, всюду плохо, но в Москве мне еще нужно приспособиться к московской жизни, а вам в Берлине к берлинской...

— Гм. Глуп ты, Аркашка, но в данном случае, пожалуй, прав...

Меняются паспортами. Расходятся в те стороны, откуда приехали.

— Извините меня, господин, что не будучи знакомы... Нет ли у вас карточек?

— Простите, не играю.

— Мне не игральные. Мне географические.

— Зачем это вам?

— Никак не могу добиться, где находится остров Тристан д'Акунья... Принадлежит ли он к группе Моллукских островов или Бермудских.

— Охота вам такой ерундой интересоваться...

— Помилуйте-с. Какая ерунда, когда на острове Тристан д'Акунья моя тетушка находится, Анна Евграфовна. Очень меня на этот остров приглашала. Жизнь, говорит, очень не плохая.

— Да ведь там дикари, кажется, живут, людоеды.

— Касательно дикарей, господин, нас этим не удивить. А что касается людоедов, то все под богом ходим. Племянник моего тестя так-то вот под богом ходил, ходил, пока моему тестю на лодный глаз не попался.

— Ну, и что же?

— А то самое. На Тристане этом самом съедят меня еще или не съедят — это вопрос, а тестя моего я очень хорошо знаю. Не такой он человек, чтобы мимо родственничка зря пройти.

— Да... На Тристан д'Акунью дорогу я вам никак не могу указать, а вот, если хотите, у меня по поводу островов св. Пасхи есть некоторые связи — завтра же визу вам выправлю.

— Будьте такой благодетель. Оно хотя на Пасхе тетки и не наблюдается, но надо же куда-нибудь ехать...

Из сборника «Русь проснулась», 1991 г.

Публикация Р.СОКОЛОВСКОГО

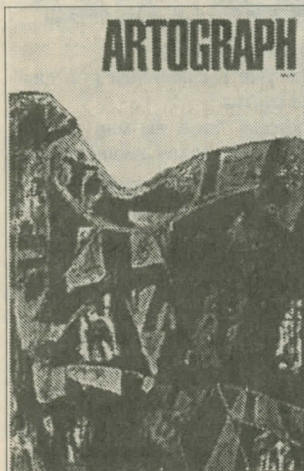
Рис. Е. Дворецковой

ВСПОМИНАЯ ЧЕМОДАНЧИК...

Журнал
«ARTOGRAPH» № 1, 1993

Как-то так получается, что большинство новых журналов, посвященных современному искусству, более похожи на альманахи: вследствие многолетних попыток редакций обогнать инфляцию тексты отсеиваются, а оставшиеся в процессе шлифовки приобретают характер эссе на вечную тему, несмотря на

то, что остались привязки к конкретным событиям и датам. Собственно, для «Артографа» эта дата одна, но протяженная — 80-е годы нашего столетия. Фактически первый номер журнала подводит предварительные итоги прошедшего десятилетия, причем не только и даже не столько в смысле искусства этого времени, сколько в том, что называется «новая критика». Эта итоговость, помимо прочего, заставляет надеяться, что следующие номера столь же изысканно, умно и компетентно отразят и нечто более свежее. Однако не надо думать, что последнее слово имеет негативный оттенок по отношению к содержанию номера. Рассматривая дома чемоданчик, набитый молодежными выпусками «Театральной жизни», «Декоративного искусства» и просто «Искусства», я часто из-за тесноты хотела с ним расстаться, но рука не поднималась — мое поколение

шептало, пицало, манерничало, врало и говорило под их обложками. Конечно, одним роскошным альбомом-томиком «Артографа» тот чемоданчик не заменишь. Но обещанные четыре номера в год эту задачу выполнить могут. В общем, что бы ни писали об «Артографе», создавался он вроде бы «для своих», а на деле с каждым годом будет становиться пособием для всех, кого интересует работа критика.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

СУДЬБА БАРАБАНЩИКА

«Барабаниада»
«Ленфильм», реж.
С.Овчаров

Прервав долгое и сосредоточенное молчание, вновь объявил о себе киномиру Сергей Овчаров. Молчание оказалось послесловием к излишне громоздкой и саркастичной саге «Оно» и точно рассчитанной увертюрой к ернической поэме «Барабаниада». Вопреки возможным предположениям и догадкам режиссер не стал возвращаться к веселой поступи и здравому простодушию, столь свойственным ему в полузабытые уже времена «Нескладухи» и «Небывальщины». Его нынешняя «Барабаниада» писана маслом, густыми мазками. Но кружит голову не дурманящий аромат, а легкое дыхание, непринужденно рассеивающее случайные мысли об очевидности отдельных ходов, назойливости отдельных гзгов или знакомости отдельных кадров. Это стародавний замысел режиссера — история странствий гулкового кожного барабана по эпохам и континентам. По рукам чернокожих и краснощеких пионеров. По смиренным кладбищам, смрадным забегаловкам и опустевшим улицам родного отечества времен усталого апокалипсиса. Лукавый Овчаров делает вид, что его несказанно волнует судьба барабана. Но яснее ясного, что свою легенду он

мог бы сочинить, зацепившись взглядом за ржавое допотопное колесо, замшелую глиняную бутылку и тому подобное наследство предков. Фильм, восславивший барабанную дробь, пытается сквозь нее расслышать одинокий голос кроткого барабанщика с печальными чаплинскими глазами и застенчивой походкой бочком. Покорно слоняясь вслед за своим взбалмошным и потертым кожаным другом с насмешливым клеймом «Страдивари», этот человек заставляет подозревать, что фамилия заморского искусника на самом деле одного корня с российским страданием. Впрочем, «Барабаниада» не предполагает каких бы то ни было вопросов в свой адрес, потому что в наш болтливый век позволяет себе восхитительную смелость быть бессловесной.

Д.С.

ТОТАЛЬНОЕ ГРАФОМАНСТВО

Выставка «Авангард и
традиция: книги
русских художников XX
века»

Российская
государственная
библиотека

Гений и злодейство — понятия несовместные, а талант и безумие — очень даже. Из всех психических расстройств самым главным для отечественного изобразительного искусства является... графомания. Эта болезнь преследует художников по меньшей мере два века. Претензии нарастали в прогрессии: Репин и Крамской ограничивались частной перепиской да газетными статьями (по два тома на каждого), Бенуа пересмотрел историю русского искусства, а Малевич и К^о стали искусству диктовать, каким быть. Нет ничего удивительного, что в какой-то момент художникам в публикациях отказали. Тогда они сами начали издавать свои книги литографским способом, да такими тиражами, чтобы сразу сделать их библиографической редкостью. Столетняя история книг художников

была показана на выставке в национальной библиотеке, устроенной совместно с издательством «Даблус», которое учредил известный московский художник Леонид Тишков. Книжечки Ларионова и Люкшина, Крученых и Шутова, Кисиной и Хлебникова были собраны вместе и расставлены в витринах с вопиющим нарушением всех хронологических, стилистических и иных рядов — просто так, как Бог на душу положит, по сочетанию цветов корешков и страничек. Такой беспардонный антиисторический подход помог отчетливо выявить симптоматику вышеуказанной маниакальной привычки оставлять потомкам, помимо хороших картин, или — что чаще — вместо них, тексты и текстики со всякого рода предписаниями и излияниями. Пишут на всем:

Павел Филонов. Пропевень о проросли мировой. Обложка

на простой бумаге и на бумаге туалетной, на железе, обрезках книг, каталожных карточках, рубашках. Пишут шариковой ручкой, пером, фломастером, блестящими для ногтей, мелками, вышивают, режут в страницах дырки, клеят ракушки и бабочек. Послания характера самого разного, по большей части абсурдистского: исторические тексты brutальны, современные — субтильны. Предназначение книг также самое разное: их издают, ими обмениваются,

коллекционируют, продают, крадут. Но — не читают. От всякой болезни есть свое лекарство. И это обнадеживает. Выставка закрылась. Каталог — не без претензий стать такой же библиографической редкостью, как и сами экспонаты (пижонский дизайн: несброшюрованные страницы, бумага разных сортов; тираж — 1000 экз.), — пока продается в магазине «Гилея». Торопитесь.

Светлана ТРОПИНИНА

ДРУГОЙ ТЕАТР

«Вишневый сад»
БДТ, реж. А.Шапиро

Лишь к концу второго действия понимаешь вдруг, про что и зачем поставили и сыграли в БДТ «Вишневый сад». Разворочен многоуважаемый шкаф, упакованы чемоданы, молчаливые лакеи выносят перевязанные стопки ненужных книг. И без того неуютная, а теперь пустынная детская превращается в наспех сколоченный гроб — окончательно крышка захлопнется перед полуслепым Фирсом. А пока все в ожидании неизвестно чего сидят на дощатом полу. Покинутые, никому не нужные и смешные со своими вздорными видами на будущее: парижская жизнь, служба в банке да размышления о том, как нам обустроить вишневый сад. Пышнотелая Раневская, брат ее Гаев со сдвинутой набекрень панамкой, рано польсевший Лопухин в желтых туфлях. Вспоминают о том, что было и уже никогда не вернется. О вишневом саде, который давно уже не плодоносит, — а какая, господа, раньше вишня была. О старом барине, тень которого едва различима в стенах потускневшего дома. И сквозь хрестоматийный чеховский сюжет проступает сюжет судьбы этого оставленного театра-дома. Не смешные чеховские персонажи — растерянные товстоноговские премьеры Светлана Крючкова, Олег Басиллашвили, Андрей

Толубеев прощаются с домом, который не спасти. Они еще попытаются найти в себе силы жить за его стенами. Останется только гениальный старик Евгений Лебедев, примеривший на себя фрак Фирса. Последним спектаклем Георгия Товстоногова была горьковская драма «На дне». Адольф Шапиро своим «Вишневым садом» написал послесловие в истории БДТ Георгия Товстоногова. Начинается история БДТ его имени. Начинается другой театр. Вишневый сад отцвел и продан.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

МУЗЫКА ПАП И МАМ

«Московский бит»
Альбом группы «Браво»
«Синтез Рекорд»

Можно долго спорить, какое «Браво» лучше — с Жанной или без, но оно существует. И работает неплохо. Доказательство тому — новый альбом. Открывает его песня «Московский бит». «Оранжевый галстук» и «Как жаль» наверняка знакомы всем по клипам, периодически мелькавшим на экранах телевизоров. Новая версия «Черного кота». По их собственному

признанию, ребята играют музыку своих пап и мам. Но эта версия старого хита не оставит равнодушными, мне кажется, уже и нынешних бабушек и дедушек. Да что там говорить, «Браво» — оно и в Африке «Браво». Да и на других континентах тоже. Легко запоминающиеся тексты, профессиональные аранжировки, веселые (или не очень) мелодии. Вся команда и те, кто к ней присоединились на записи, работают лихо. Хочется отметить работу звукорежиссера и художника. Пускай «Браво» — это чисто коммерческая группа, пускай некоторые мелодии кажутся уж очень знакомыми. Пускай! Ведь такой заряд оптимизма и бодрости не несет, кажется, больше никто в отечественном роке.

Алексей ПЕВЧЕВ

ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ

Выставка галерей
«Русская коллекция»
и «Нина»

Два месяца назад на улице Усиевича, 3, открылась галерея журнала «Русская коллекция». Открылась с русским размахом шикарной выставкой известного московского художника Ивана Лубенникова. А вот по

прошествии всего-навсего одного месяца в тех же стенах случилась средняя во всех отношениях экспозиция киргизского художника Кадыра Бекова. Его мир вряд ли можно назвать «таинственным», как это сделано в пресс-релизе. Скорее — мрачный и запутанный мир однообразно вялой живописи. Внешнего драматизма хоть отбавляй — волки, крысы, мутанты, черепа, клювы, — а внутри пусто, хотя и «стра-а-ашно, аж жуть!». И все уже много раз пережевано в разные годы художниками Средней Азии и Закавказья. Надрыв, страсти в ключья, претензии на глубокомысленность, возвышенно-туманные названия, а краски из картины в картину одни и те же — оранжево-краспачно-зеленые. Воспаленное нечто, называемое среди живописцев «фуза». Впрочем, выставка Бекова не худшая среди прочих, по крайней мере экспонирована профессионально. Хуже обстоят дела у Нины Геташвили, которая совершила подвиг, очистив под галерею («Нина») очередную московскую «конюшню» на улице Немировича-Данченко. На обитых желто-коричневой фанеровкой стенах бывшего учреждения предстали в оранжево-тусклом свете три художника — Хачатур Маркарян, Евгений Чижевский и Людмила Анненкова. Первые двое — живописцы, последняя — эмальер, но это, на удивление, равные друг другу авторы, которые, на мой взгляд, так и не вырвались из допрофессионального хаоса красок и линий. Комментарий Нины, прозвучавшие на открытии, подтверждают внутренние импульсы их творчества — мутное рождает мутное: «Нервная аура висит над каждым полотном Чижевского... Первый мазок он кладет, а потом его ведет пигмент... Люся Анненкова договаривается с образом, а материал потом все делает сам...» Такие вот «восточные сладости».

Вильям МЕЙЛАНД

Весной этого года ему исполнилось 85. Семнадцать из них (с 1938-го по 1955-й) он провел в тюрьмах и лагерях. Но — остался человеком в полном смысле слова молодым, удивительно жизнелюбивым, общительным и открытым. Беседу с писателем Львом РАЗГОНОМ ведет журналист Марина ПРИСТАВКИНА.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ЛЬВА РАЗГОНА

«Лева — не взрослый! Он — ребенок», — заявляет моя пятилетняя дочь Маша. Решительно забирается в большое кресло к Лева, крепко-крепко его обнимает.

— Лев Эммануилович, а что такое Лева в пять лет, каким было ваше детство?

— Ну, в пять лет во мне уже было все плохое и все хорошее, что есть в восемьдесят пять. Начнем с того, что у нас была большая семья: четверо ребят, четверо сыновей... И семья жила трудно, скорее бедно. В маленьком городе Горки Могилевской губернии, в Белоруссии. И я думаю, что в моем детстве лежат корни тех многих жизней, которые я прожил. Ведь вообще-то я прожил не одну жизнь, а по крайней мере три. Или четыре.

Первая — жизнь моего детства. Я родился в 1908 году, и до 15-го года мы жили в этом маленьком еврейском городке, где было пять церквей, семь синагог, один костел. А потом отца взяли в армию, и мы уехали к брату матери в Рязанскую губернию, в город Касимов, который был абсолютно русским. Я был единственным евреем в школе, и из других классов приходили на меня смотреть, потому что никогда в жизни они не видели живого еврея!

Другая рукопись, 1952 года, — толстая тетрадь с судьбой мистической и невероятной, она исчезла в 53-м из московской комнаты Наташи, дочери, а ведь именно для Наташи отец в ссылке заполнял страницу за страницей, растворяя химический карандаш... И уж не Волод ли в самом деле пронесся тридцать лет спустя над грешной нашей Москвой, чтобы вернуть эту бесценную рукопись Леву (а в ней и намек не было, что принадлежит она Разгону!), вернуть руками милых, но совершенно незнакомых людей в странной квартире, где-то в Новых Черемушках. Лев Эммануилович помчался туда на такси и, стоя в прихожей, держал свою тетрадь и плакал...

— Ну а вторая моя жизнь была веселая — жизнь московского парня, комсомольца. Я был увлечен и, может быть, это лучшая часть моей юности, потому что я работал с детьми. Я был вожатым! И дети очень меня любили. Меня вообще любят дети.

— *Это точно.*

— Недаром Рика, моя жена, говорила: «Господи, да Лева уведет любого ребенка!»

— *А как вас занесло в вожатые?*

— Совершенно случайно. Окончил школу и записался на бирже труда, в Рахмановском переулке, библиотекарем. И вдруг биржа направляет меня в Хамовнический Дом пионеров. Мне было так интересно с детьми. В моем отряде даже самый маленький октябренок называл меня только по имени — Лева и на «ты».

— *Песни пели с ребятами?*

— Ну конечно! Кроме всяких пионерских, мы пели те, которые я очень люблю. Я знаю почти все украинские песни, старые русские. И вообще это было дивное время. Когда я вернулся из лагеря, уже в 1955 году, остатки моего отряда — конечно, их оказалось очень мало, в основном девочки, ведь большинство мальчиков погибло, — они меня нашли! И «постановили»: каждую первую субботу апреля устраивать пионерский сбор в честь моего дня рождения. И так каждый год. Может, только года два уже этих встреч нет, потому что почти никого уже не осталось...

В Москве я стал не просто вожатым отряда, я был в редколлегии журнала «Вожатый», писал статьи и брошюры, был деятелем пионердвижения — меня это увлекало, занимало полностью.

— *А всегда ли в те годы было у вас на душе так светло и радостно, как пелось в пионерских песнях? Ведь в конце 20-х уже набирал силу тот маховик репрессий, который затем пере-*

молот и вашу жизнь.

— Я был убежденным верующим комсомольцем, а затем и убежденным верующим коммунистом. Как всякий человек, живущий в Москве, я мало что знал. Знал ли я о жертвах, которые несет народ? Да, но я эти жертвы видел просто в тяжком труде — каналы, магнитки, заводы. И считал, что светлое будущее требует этих жертв. Конечно, это было безнравственно, потому что я-то сам, как эти жертвы, свою жизнь не отдавал. Но уже началось у меня какое-то политическое раздвоение, в том смысле что я... не любил товарища Сталина.

— *Будучи «деятелем пионердвижения»? А Косарев вам нравился?*

— Да. Он был свой человек. Когда мы встречались, я, как и все, говорил ему «Саша» и «ты». Он, собственно, и погиб из-за своей прямооты — выступил против ареста комсомольцев... Затем Сталин его послал совершенно провокационно с инспекцией в Закавказье, и он приехал, и описал, что делалось там, в царстве Берии.

Понимаете, сейчас ведь очень легко вымазывается дегтем, причем без остатка, прошлое. Все, что было раньше. Все! А это просто неправильно. Скажем, было ли детям двадцатых годов лучше, чем нынешним?

— *Кто может ответить?*

— Я могу! Тогда им было лучше! Школа двадцатых была на несколько голов выше нынешней. Были педагоги, была система, при которой педагог должен был работать не с классом, а с личностью. Тогда у нас работали великие педагоги — Выготский, Шацкий. Их оболгали, унизили только за то, что они ввели систему тестирования, на которой построена сейчас вся западная школа. Про великую школу двадцатых у нас еще никто не сказал!

...Но «вторая жизнь» омрачалась, потому что это уже были 30-е. Я окончил институт, стал журналистом, работал редактором в «Молодой гвардии».

И настала «третья жизнь», которая длилась семнадцать лет.

Семнадцать лет — политзэк. Годы и годы сталинских тюрем, лагерей, ссылки. Об этом книга Льва Разгона «Непридуманное».

— *Как сложилась судьба этой книги за рубежом? Судя по парижской ее премьере в 90-м, удачно?*

— Да, как-то очень быстро ее перевели. Сначала в Польше, потом в Греции, во Франции. Теперь вот в Германии. Роскошное немецкое издание только что прислали из Берлина. Немецкая версия названа, кстати, «Ничего, кроме правды», а французская

Фото Э. Кудрявицкого

— *Они вас не обижали?*

— Никогда. Я вообще не знал, что такое антисемитизм... В 18-м году мы с отцом возвращались в Горки через Москву, и я запомнил, что Москва была разбита, разрушена после революции. Стекла домов выбиты... А в 22-м нас совсем перебрались в Москву, и так, я думаю, закончилась первая моя жизнь.

Из толстой папки Разгон извлекает плотный лист, по которому разбегают не каллиграфические, но очень ровные строчки, выведенные обычной синей шариковой ручкой. Эта страничка — о маме:

«Мама лишилась не только того еврейского мира, какой она любила, какому была предана, она лишилась большего — Бога. Еврейского Бога, в чью справедливость, величие и всемогущество она непоколебимо верила...»

— Мама была глубоко поэтическим человеком. Она нас приучила к литературе. Она нам каждый день читала книги. На идиш. Много пела нам, и после ее смерти я узнал, что некоторые песни, которые пели в городе и которые я считал народными, были песнями мамы... Она прожила несчастливую жизнь.

— «Жизнь без будущего».

Когда я был недавно в Германии, то просто поразились, сколько людей пришли на творческий вечер в Эрфурте. У них в руках были буквально еще «теплые», только вышедшие книжки, и я целый час раздавал автографы. А ведь книги там очень дорогие. Моя, например, стоила тридцать две марки! Как всякий «совок», я просто ужаснулся: тридцать две!

На парижскую премьеру «Непридуманного», в переполненный зал книжного магазина «Глоб», явился Эдуард Лимонов и спросил, а точнее — выкрикнул что-то оскорбительное. Ведущая — милая парижанка — немного растерялась, замерла и публика, не привыкшая к столь грубым фокусам. И только Рика, жена Льва Эммануиловича, сидела спокойная, даже величественная, необыкновенно красивая в своем черном вечернем платье. Рика была спокойна, потому что знала Леву лучше всех.

— Я ведь все-таки немного блаженной, — смеется сейчас Разгон. Он тогда медленно поднялся, опершись руками о стол, и такое «врезал», что Лимонов через секунду растворился в не по-апрельски душном парижском вечере.

— Про Лимонова я где-то прочитал чудную фразу: «Он въехал в литературу на прямой кишке!» Да ну его к черту! На чем мы остановились?

— На «третьей» жизни... Нет, на «четвертой»! Вы сами себя ее отсчитываете, от воли? Или от встречи с Рикой? Вы же с Рикой там познакомились, в этом аду?

— Видите ли, все мои жизни переплетаются с моим делом. А в другом отношении, конечно, моя главная жизнь — это жизнь с Рикой. Моя первая жена, мама Наташи, была арестована вместе со мной и погибла на этапе. Ей было двадцать два года... А с Рикой я познакомился, когда она вышла из лагеря на поселение. И сорок семь лет мы вместе. Даже когда она была в ссылке, а я — в лагере, это не имело значения, все равно были вместе.

Некоторые всплескивают руками: «Боже, сколько же вам было лет, когда вы сели?» — «Тридцать». — «А вышли?» — «Сорок восемь». «Значит, — говорят мне, — ваши лучшие годы прошли т а м». И я отвечаю: да, они прошли. Это не были, конечно, лучшие, но это были самые главные годы. Именно в лагере я очень изменился. Тот человек, который вошел в лагерь, и тот, который оттуда вышел, — разные люди. Мне стыдно вспоминать многое из моей прошлой жизни. Лагерь был первым местом после

детства, а может быть — первым местом на земле, где я был свободен.

— От кого?

— Об этом, между прочим, еще Толстой писал. Что чем больше человек теряет, тем более свободным он становится. Я был свободен от собственности. От любых забот материального характера. Я был свободен от догм. Я мог мыслить совершенно свободно!

— Значит, если бы вам сказали, что ваши лучшие годы были у вас украдены «кремлевским горцем», вы бы не согласились?!

— Парадокс, но главные годы он мне все-таки подарил. А лучшие... Что ж, он, конечно, отнял у меня массу радостей, филейный кусок жизни. Но я не жалею об этом, так как, утратив филейный кусок, я приобрел то, что ценю гораздо больше. Ну, меньше книг прочитал, с меньшим числом женщин переспал, меньше выпил...

— Детей меньше родили.

— Это так. Я когда-то мечтал, что у меня будет десять детей, я хотел много детей...

— Вы можете представить, что жизнь сложилась иначе и вы остались по эту сторону колючей проволоки?

— В моей будущей книжке как раз есть такая глава. Размышляю: «Почему я не стал мерзавцем?» Почему я не стал негодяем — ведь у меня были к этому все данные, все!

— Да что вы?

— Очень просто. У меня был легко подвешен язык, была способность организовывать...

— Характер легкий...

— У меня, действительно, легкий характер. И, к сожалению, не самый жесткий, а пластичный. Да Боже мой! Только случайность.

А вот после лагеря... После лагеря двадцать семь лет я был членом Союза писателей, и никогда, ни разу меня не выбрали не то что в правление или ревизионную комиссию, а даже в бюро объединения детских писателей — не удостоился. Меня исключали даже из туристских групп. Я впервые выехал за границу, когда мне исполнилось восемьдесят лет. Перестройка. А теперь давайте пить кофе...

И мы пьем кофе, крепкий-крепкий. «А я вообще пью все только крепкое», — говорит Разгон. И слушаем съезд, и печально глядя на это сборище, Лев Эммануилович мечтательно произносит: «А послать бы их всех... в лагерь». И на мой вопрос: «А что там с ними будет?» — уверенно отвечает: «Да, много леса они не нарубят».

И наконец из стола извлекается бесценное сокровище — та самая общая тетрадь, в которой Лев Раз-

гон в лагере, в 1952 году, писал рас- творенным химическим карандашом длинное-длинное письмо, книгу, обращенную к дочери, так как боялся, что она, Наташа, может никогда не узнать о своих близких, о близких своих близких, о родине отца, о корнях. Лева мечтал подарить книгу дочери к совершеннолетию.

— Я отправил эту тетрадь Рике в Красноярский край с просьбой переслать Наташе, когда той исполнится восемнадцать. Но Рика была ссыльная, у нее в любой момент мог быть обыск, Рика боялась, что моя тетрадь может пропасть, и отправила ее Наташе. Наташа жила тогда одна в Москве, а было ей всего шестнадцать. И она прочитала мою Книгу Судеб. Но когда я освободился и приехал в Москву, дочь, рыдая, рассказала, что тетрадь таинственно исчезла.

Эту историю можно было бы принять за притчу, если не знать, что все в Леве — непридуманное. Невероятное — но непридуманное. И рукописи его не горят.

— Как-то я получил на выступлении, из зала, негодующую записку: «Как вы смеете быть оптимистом!» Мне легко ответить им. Слушайте, неужели я должен быть пессимистом? После всего, что вы обо мне знаете, и всего, что я написал, я стою на эстраде перед вами и говорю, что хочу! Оптимизм — это ведь не вера в то, что все будет только хорошо, а жизнеощущение. Я верю. Верю, что мы, пройдя через какие-то муки, пробьемся к жизни, более достойной, чем та, какой мы живем сейчас. Думаю, что имею право так говорить, ибо за свои «четыре жизни» я прошел через все. Знаете, столько было в семи водах мыто и перемыто, что неужели мы и это не переживем?

— И наша культура тоже переживет?

— Как бы ни оплакивали культуру, а это модно сейчас, культура наиболее устойчивая вещь. Она сохраняется и сохранится.

— Как ваша заветная тетрадка?

— Да. Настоящая культура вечна. Даже когда ее уничтожают.

Дмитрий БЫКОВ

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ КАБИРИИ

Фото А. Куценко

Когда по телевизору долгое время показывают колоннаду под фортепианную музыку, вполне очевидно, что сейчас на фоне колоннады появится волосатый (бородатый), с виду глубоко благополучный человек и начнет говорить о своих страданиях. В этот момент можно засесть время: ровно через минуту он скажет о засилье масскульта и попросит денег. Вариация: истеричная дамочка перед свечой заглядывает в рот столпу духовности, который сетует на нехватку средств и дорогую бумагу. Это и есть сегодняшняя культура — в ее общепринятом облике, как установившееся клише массового сознания.

Вследствие этого любой разговор о культуре скучен нынче для здравомыслящего человека, а полемика архаистов и новаторов расписана

заранее, как показательная драка каратистов. В общем, говорить сегодня о культуре — дурной тон, а уж о критике — почти самоубийство. Потому что разуйте вы глаза! Среда кончилась, а в условиях «четверга» мы еще не сориентировались. Нет аудитории — она атомизировалась до предела и выродилась в «свой круг», убоговатую тусовку. Говорить о смысле жизни неуместно — речь идет о выживании. А вы тут с культурой. Тем более — с критикой, то есть с достаточно онанистическим занятием — рефлексированием по поводу культуры. Какая там критика — фильмов своих не видим, книг не читаем, скучно, а вы хотите, чтобы мы читали о книгах, о фильмах!

И тем не менее — этот разговор назрел. Хотя бы потому, что гово-

речь надо не о том, о чем принято, а о том, что накипело в котелке, все еще что-то варящем по привычке.

Что у нас есть? Что было? Жизнь? Ничего подобного. У нас было искусство как суррогат жизни, значительно ее превосходящий по насыщенности и осмысленности. У нас зачастую не искусство отражало жизнь, а наоборот — жизнь следовала указке творца, понявшего, «что делать». Махнет пером — и спят на гвоздях, махнет другим — и косят вместе с графом, махнет третьим — и пошли в народ проповедовать слово Марксово!

В силу этого русская литературная критика, это зеркало зеркала, была своего рода чертой духовного «итога» под столбцом строчек. Критика держала руку на пульсе. Без этой руки и пульс давно угас бы за ненадобностью — или, по крайней мере, значительно поутих бы.

Сейчас критики нет. Нет, стало быть, и барометра, и универсально-толкователя.

В чем дело? Кто виноват?

Начну с кинокритики, потому что она мне как-то ближе.

Кинокритика давно выродилась в тусовку, ибо фильмов никто не видит. Но не только в этом дело. Родился феномен презентации. Если раньше творец стоял на недостижимой высоте, то теперь его оттуда пересаживали за общий стол, где он с заискивающим видом ест.

Он заискивает в двух направлениях: перед спонсором, который этот стол накрыл, и перед критиком, который подробно напишет, что было на этом столе.

С творцом стало можно выпить. Критик в какой-то степени попал с ним в сходное положение: обоим бесплатно кормят, прикармливают, ненавязчиво демонстрируя свое превосходство нехитрым путем организации «смирновки» и тарталеток.

Ты можешь — фильм. Ты — статья. А я — тарталетку. Понял?

Когда с творцом стало можно и модно пить и критик ощутил равенство, родился новый, ныне доминирующий тип кинокритика: тусовочная девочка. Дело, разумеется, не в половой принадлежности. Среди этих девочек много мальчиков. Но по сути своей они неотличимы.

Тусовочная девочка мелькает повсюду: с презентации в Киноцентре она перебегает в Дом кино, где будет еще одна халява, оттуда несет в Информкино, оттуда — на

фестиваль, плывущий по Волгематушке с гиканьем и свистом под недоуменный говор пьяных мужиков: кто я? что я? куда я е-е-еду?!

Тусовочная девочка всегда голодна. Она перебегает дорогу режиссеру, выхватывая у него из-под носа смачный кусок ветчины. Завтра она напишет, чем кормили.

Стандартная кинорецензия наших дней: «Режиссер Имярек представил на суд более чем сомнительной публики свой отвратительный фильм «В лесу раздавался топор гомосека». В фильме много откровенной эротики. Фигня страшная. Кормили неплохо, но водки явно не хватило на всех, и оператор Имярек в отчаянии побегал докупать. Наш корреспондент обнаружил его в сортире, где он делился с унитазом впечатлениями от кинопремьеры».

Не преувеличиваю. Читайте газеты и даже журнальные кинополосы.

Критик стал забывать одну простую вещь. Он отнюдь не равен творцу. Критик — своего рода Кабирия. Он идет за творцом, куда тот поведет, и анализирует то, что тот делает. Он уходит с тем, кто уводит. Именно критика обслуживает творца, а не наоборот.

Современная критика несколько перепутала два фильма Феллини. Она устроила себе уж слишком долгие виту. Она забыла о своей первой функции и вместо анализа выдает автопортреты, слабо связанные с темой разговора. (Это, увы, касается не только кинокритики, а критики вообще.) Творец присутствует где-то на задворках статьи, а перед критическим зеркалом (здорово лъстящим) красуется ее автор: «А мне не нравится! А мне смешно! А я не хочу такое смотреть! Я умный, я Сартра читал и «Улисса» в руках держал! А автор (режиссер, актер), судя по всему, не держал. Он плохой, гадкий. Чувшь собачья. Уберите, не хочу».

Далее следует, как правило, поток сознания, никак не соотносимый с творчеством человека, о котором (якобы) идет речь. Анализ, разбор, сопоставление? Не смешите! Мне не нравится. Он для меня написал (снял, поставил, сыграл). Чтобы я, такой красивый и умный, получил повод оттянуться в полный рост.

Тусовочное дитя быстро поняло, что в нашей ситуации очень легко сделать себе имя. Первое: надо хамить. Хамство здесь всегда принимают за знак избранности. Второе: надо скандалить. Надо априорно не

принимать в расчет оппонента. Его надо обозвать. Старинный метод ярлыка с поправкой на пункт первый: хамство.

Самая разнузданная ругань заведомо ставит критика выше творца, выше разбираемого сочинения (фильма, спектакля, скульптуры). При этом один из главных приемов низведения творца — это именно постановка его творения в один ряд с несвежей осетриной на презентации. Это как бы явления одного порядка.

Но дилетанты в критике, Кабирии, живущие сладкой жизнью, — это не та еще беда. Они только играют в элиту. А есть элита настоящая. Эта элита тоже оперирует в основном набором клише. Так называемые посвященные или окологосвященные рта не раскроют без ссылки на Барта, они читают только постмодернистов и говорят только о том, что принято. При этом каждый шаг «анфан терриблей» нынешнего искусства сопровождается убийственно серьезными пояснениями критика. «Вот это он рыгнул — это концептуализм. Вот обнажил анус — это постмодерн. А вот на стену помочился — это метафора нашей плохой жизни». Впрочем, сейчас звезда адептов постмодернизма, кажется, уже закатывается, ибо постмодернизм и концептуализм в отечественном исполнении успели доказать свою глубокую вторичность, которая, что хотите делайте, не может быть глобальной художественной задачей. Мало кто сегодня всерьез читает Пригова, анализирует Айзенберга и стоически бодрствует над Рубинштейном или Эпштейном.

Но вслед за одной обимой придет другая — а подобная критика мыслит только обимами, поколениями и другими «общественными категориями». Эти критики всегда до дрожи предсказуемы, ибо у каждого — своя ниша и своя тусовка. Я всегда знаю, какие имена поднимет на щит Михаил Берг, я всегда вправе ожидать от него слов «текст», «контекст» и «объект». Я догадываюсь, кто изображен на знамени у Игоря Золотусского, который так чувствителен к любому несогласию со своей эстетической системой, что немедленно взрывается громовой отповедью — изыди, отыди, чур меня! Я также не сомневаюсь в пристрастиях подавляющего большинства «апрельских» критиков, объединенных крайней левизной вне зависимости от того, куда смецается «лево» и так ли оно право.

Критики — предсказуемы. Вот что страшно.

Фото М.Штейнбока

Есть четыре четких потока литературной продукции. «Духовная», назидательная, почвенная литература. Литература антипочвенная, стоящая целиком на приеме, с самодовлеющим стилем, но лишенная сюжета, идеи и читателя (это уж «измы»). Литература социального заказа (Сталин-Ельцин-утеснения-выяснения). И паралитература — смотри книжные прилавки в метро. Каждый поток обслуживается своим присяжным критиком. Личность — не востребоваана. Единица — кому она нужна? Кто ее услышит? Разве жена. (И то если не на толкучке у Черемушкинского рынка, а близко.)

Кто заметил бы роман Марка Харитонова, не получи он Букера? Кто всерьез проанализировал новый роман Астафьева, кроме неизменно чуткого Л.Аннинского? Кто задумался над прозой Лимонова как над новой эстетической реальностью, кроме Вайля и Гениса? Кто заметил Валерия Попова, кто внимательно прочел глубочайший роман Александра Житинского? Кого имена «Битов», «Маканин» и «Искандер» интересуют не как знаки элитарности, не как опоры снобизма, а как живые литературные явления?

Поднимите мне веки, не вижу.

Вот тут-то мы и замираем в ужасе над страшным делом рук своих: критика предала искусство. Она отвернулась от него ради своих частных задач. А искусство без нее — не может. Ибо — как писать сегодня сложную прозу, если нет надежды на ее интерпретацию? Стоит ли вообще что-то делать, если у тебя нет надежды на то, что тебя прочтут, поймут и проанализируют в контексте времени?

Конечно, творческая потребность не спрашивает о последующей реакции. Но, берясь за перо, не можешь отогнать поганого ощущения пустоты, отсутствия понимающего читателя, которому не лень сделать минимальное усилие ради того, чтобы хотя бы прожевать положенное в рот. Этот читатель есть. Где-то. Но нас заставляют о нем забыть, видя только монстра-потребителя.

Мы почему-то полагаем, что кассовость предполагает безвкусицу, что снижение планки автоматически обеспечивает нам аудиторию. Мы упорно обращаемся к худшему в человеке, к мерзости его. А читатель уже не хочет жареной человечины — он пытается осмыслить ту

незнакомую местность, в которой ныне стоит. Мы ему — уток газетных, ругань пьяную, а ему страшно одному среди «крутых» и «элитарных», в новой-то жизни. Ему хочется собеседника.

Собеседника — нет. Тот, кто должен им быть, сам с собою говорит в бесконечном тупике самообольщения. Или на презентации чавкает. Не думает ничего осмысливать, потому что платят ему не за это.

Зло как-то у меня получилось. Нехорошо. Можно даже подумать, что самого меня на презентации не пускают, по Волге на пароходах не катают, что творцы со мной не пьют, что в журналах меня не печатают, что книжку зарезали...

Да что вы, ребята. Не вы же одни такие везунчики. И на фестивалях я аккредитуюсь, и в Дом кино вхожу, и в журналах меня печатают иногда, и книжка вот лежит свежееизданная.

Толку-то.

Масляков — фигура, безусловно, мифологическая, в самом примитивном значении этого слова. О Маслякове слагали и слагают легенды. И в тюрьме-то он сидел, и девушек не просто так в «А ну-ка, девушки!» приглашал, и армяне-то ему приплачивают, и черт-те что еще... А свидетельствует это только об одном: Масляков — личность. Причем воспринимают его не как «домашнего» вездущего, которого всегда можно против шерсти погладить, а как некоего «царя горы», хоть и не слишком молодого, но все равно сказочного принца. Загадочность, неизбежная в любой сказке, рассеивается при первом же приближении. Коллеги Маслякова зовут его просто — Васильич.

Александр МАСЛЯКОВ:

«СНАЧАЛА
БЫЛ
ЗАТЫЛОК...»

— Александр Васильевич, люди, которые смотрели ваш прежний КВН и с энтузиазмом восприняли его возобновление, по прошествии некоторого времени горестно покачали головой: уже не тот Масляков, уже не тот. Вы не находите, что они в чем-то правы?

— Еще бы они были не правы! Хотя формулировку, что, дескать, Масляков изменился неузнаваемо, мне не приходилось еще слышать. К счастью. Но надо учитывать, что Масляков с момента закрытия того КВНа до момента открытия нынешнего прожил худо-бедно двадцать лет. А время, как известно, неумолимо.

— А хотелось бы вам вернуть прежнего, «студенческого» Маслякова?

— Ни в коем случае. Меня вполне устраивает сегодняшний Масляков, и втайне я надеюсь, что Масляков завтрашний окажется не хуже. Интереснее быть тем, кем ты еще не был, нежели проходить все по второму кругу.

— Отвлечемся от грустных материй. Вы удовлетворены тем уровнем, который демонстрируют сейчас команды КВН? Скажем, в последнем сезоне. Вы — как руководитель программы.

— Некоторые очень любят говорить об «уровне в целом», я же не сторонник подобных обобщений. Ведь нельзя говорить о футболе или теннисе «в целом». Какие-то матчи могут показаться более удачными, какие-то менее. Но это еще не повод вопить о крахе всего вида спорта. Так же и с КВН. Вообще-то уровнем сегодняшнего КВН и уровнем, скажем, нынешнего сезона я вполне доволен. Этот сезон так сложился, что большинство матчей в нем оказались международными, поэтому команды экспериментируют — а вместе с ними экспериментируем и мы. Кстати сказать, мы идем навстречу всем пожеланиям кавээнщиков, следя лишь за тем, чтобы весело было не только участникам игры, но и зрителям.

В принципе, любая игра — штука непредсказуемая. Что уж говорить о таком вертепе, как КВН?! Бывает, на репетициях та или иная сцена смотрится очень хорошо; а перенесешь ее на пленку — черт-те что получается. Иногда случается и наоборот — внезапно открывается что-то неведомое, казавшийся «провальным» номер проходит «на ура».

— А как вы относитесь в таком случае к телевизионной критике и телевизионным критикам? Ведь их сейчас — пропасть...

— Никак не отношусь. Неинтересны они мне. Но попутно хотелось бы заметить, что, во-первых, в январе будет тридцать лет, как я на экране, —

соответственно, имею право на свой «взгляд», как модно нынче выражаться. А во-вторых, напрасно уважаемые телевизионные критики считают, что мы — команда, готовящая КВН, — находимся в состоянии какой-то перманентной эйфории. Мы достаточно самокритичны; видим, что получилось, а что — не очень. Да и вообще, критик — странная профессия, критики существуют за счет того, что делают другие. Я их, откровенно говоря, не понимаю. Ну да Бог им судья.

Настораживает другое. Мне передали недавно заметку, в которой один маститый «обличитель» написал примерно следующее: конечно, КВН переживает глубочайший кризис, в первую очередь — кризис жанра, но в предпоследней игре неплохо сыграли одесситы, а в последней — москвичи. Неужели одесситы и москвичи «работали» в каком-то другом жанре?

— Понятно. Но почему тогда с экранов так быстро исчезло «Александр-шоу», дружно раскритикованное, как вы выражаетесь, «обличителями»?

— Ну, начнем с того, что критика была совсем неоднозначной: были противники, были сторонники. Но мы сами не планировали делать цикл. Мысль о «вечной передаче» даже в голову не приходила. Сделали три выпуска, два из которых, по-моему, были очень даже ничего, третий — чуть послабее. Возможно, в начале следующего года выйдет еще одна передача. Но первый выпуск «Александр-шоу» попал под вильнюсские события, как я сам говорю — «под вильнюс-

ские танки». Хотя на старый Новый год он планировался заранее — и заходившиеся в праведном гневе телевизионные критики это знали! — они не сочли нужным разъяснить это своим читателям. Я не оправдываюсь, поймите. Мы шедевров не выпускаем, они вообще встречаются нечасто, и мне лично ни разу не удалось принять участие в действительно гениальной работе. Но элементарная порядочность все-таки должна в той или иной форме присутствовать. Даже сейчас.

— Я знаю, что подготовка очередного КВНа начинается задолго до эфира: команды репетируют, редакторы редактируют, звукорежиссеры делают так, чтобы было слышно, операторы трудятся над тем, чтобы было видно. А чем занимаетесь вы — готовите свои «эфирные» реплики?

— Да нет, конечно. Это импровизация. Хотя в любой импровизации должна присутствовать доля профессионализма. Естественно, что я вещаю в микрофон нечто осмысленное, не вбегаю, как Иванушка-дурачок, на сцену в самый неподходящий для этого момент. Семьдесят процентов происходящего на сцене срежиссировано заранее, но на записи может случиться что угодно. Поэтому я поставил перед собой цель — быть готовым на двести процентов.

— Скажите, а какая форма проведения КВНа кажется вам предпочтительной: предварительная запись или прямой эфир? То есть возможность монтажа или ее отсутствие?

— Когда все было сложно, не так, как сейчас, и каждую передачу требовалось носить по целому кругу руководящих лиц, показывать сам телевизионный материал или его расшифровки, прямой эфир казался панацеей. Но когда стало «можно», когда запретный плод был надкушен, мне это стало неинтересно. И захотелось сделать из сценического действия, из

этого «потока жизни» нечто телевизионное, то есть требующее экранного осмысления. Бывают же и глупости, и дурновкусие, и плохо «отделанные» сцены. Все бывает, у меня — тоже. Так зачем это пускать в эфир, зачем уродовать впечатление от собственной персоны?

— А себя вы вырезаете при монтаже?

— А как же!

— Вот и получается, что в передаче Маслякова самого Александра Васильевича — кот заплакал...

— Да, я себя очень старательно вырезаю. Иногда мне кажется, что я больше нужен для атмосферы в самом зале, чем для телевизионных зрителей. Команды без меня — никуда, а вот зрители... Думается, они не отождествляют КВН именно с Масляковым.

— Смею заверить, вы ошибаетесь.

— Быть может. Но если вернуться к вопросу о прямом эфире, скажу откровенно: сейчас, когда цензура снята, он не нужен.

— Вы единолично руководите «чистовым» монтажом?

— Ну почему же, есть режиссер передачи, есть редактор... Впрочем, и я есть.

— И все-таки, кто определяет, что такое дурной вкус, а что — хороший. Вы?

— Положим, что последнее слово за мной... И что? В этом есть что-то криминальное?

— Отнюдь. Но видите ли вы КВН без своего в нем участия? Предположим, его ведет не любимый всеми Масляков, а кто-то еще...

— Замечательно. Но пока я отвечаю за передачу, я должен быть чист перед собой и, главным образом, перед зрителями. Быть может, то, что я считаю дурновкусием, другому покажется верхом изящества и остроумия. Но волею судеб пока эту передачу делаю я. И считаю, повторюсь, что имею право на свое мнение. Иногда решающее...

— Как вы отбираете команды для участия в игре? Я слышал, существует даже некое подобие «очереди».

— Очереди никакой нет. Мы берем тех, кто сильнее. Уже в пятый раз проводим фестиваль команд КВН, на который съезжаются и старые, и новые команды. Хотя, конечно, сначала они представляют свои сценарии, «домашние» наработки. А потом уже, учитывая в первую очередь мнение зрителей «фестивального» эфира, мы приглашаем тот или иной коллектив для участия в «большой» игре.

— К вам приходят письма?

— Меньше, чем раньше. С одной стороны, это плохо. А с другой... Какое счастье! Потому что раньше корреспонденция шла, без преувеличения, мешками, ничто не могло этот поток остановить. Причем не всегда мешки были заполнены здоровыми мыслями, да простят меня зрители. Да и самих мыслей, пусть даже нездравых, было, честно признаюсь, немного. Сейчас изобрели новую форму оценки той или иной телевизионной передачи — разного рода рейтинги. При всей их ненаучности, мне, тем не менее, приятно видеть, что передача КВН остается на первых ступеньках. И даже уважаемые критики, сочиняя очередной разнос, достаивают передачу своим вниманием. Более того, некоторые помнят ее от и до. КВН смотрят и почитатели, и ниспровергатели. Но я чувствую, что первых больше.

— Вы подбираете членов жюри в соответствии с личными симпатиями и антипатиями?

— И да и нет. Приглашаю членов жюри я. Но здесь существует множество критериев, которые от моих привязанностей никак не зависят. Во-первых, человек должен быть достаточно известным. Но, как всякий судейский, он должен вызывать доверие у подсудимого, то есть у команд. Его известность должна быть при-

ятна кавээнщикам. И второе, я приглашаю только тех, кому нравится КВН. Потому что есть огромное количество знаменитостей, которым абсолютно неважно, в какой передаче появиться, главное — появиться. Таких мы не зовем. Если я звоню человеку и по тону понимаю, что КВН не занимает в его жизни сколько-нибудь приличествующего места, то немедленно раскланиваюсь. По-моему, весьма незатейливая система. Таким образом, создается профессиональное жюри, оценки которого не всегда совпадают с мнением телезрителей и уж тем более нечасто нравятся зрительному залу.

— Как можно попасть на запись КВНа, как формируется «дворцовая» аудитория?

— Мы распространяем приглаши-

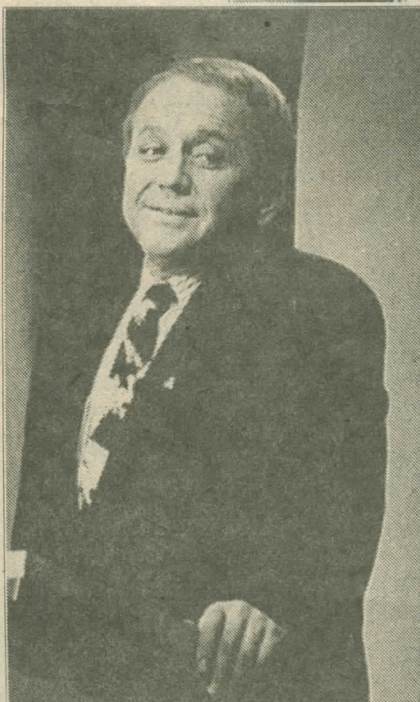

Фото
Б.Кремера,
Э.Кудрявицкого,
А.Агева и
РИА—Новости

тельные билеты. Бесплатные, естественно. Основной процент отдается играющим командам, а уж как те ими распорядятся — их дело. Значительная часть пригластительных уходит в сам «клуб», то есть командам, не занятым в игре. Ну а дальше — по друзьям, знакомым и прочее.

— Вы знаете, в какой момент в зале взметнется плакат болельщиков?

— К сожалению, нет. Более того, я не знаю, какая пакость будет на нем начертана. Последний понравившийся мне плакат я видел в Иерусалиме. На нем значилось: «КВНщики всех стран, объединяйтесь!».

— Любая игра требует средств... Вы предпочитаете иметь постоянных спонсоров или продавать эфирное время так называемым «рекламодателям»?

— Честно говоря, я предпочел бы такого спонсора, который еще на моем пути не встретился, — Савву Морозова. Который пришел бы и сказал: возьмите деньги, играйте в КВН и про меня — ни слова. И у нас не было бы пресловутых «рекламных щитов», рекламных роликов, которые так или иначе, но все же прерывают кавээнзовское действие. Увы... Пока мы довольствуемся рекламодателями. И огромное им спасибо, что они есть, потому что на те крохи, которые перепадут нам с общего телевизионного стола, даже зал Дворца молодежи не арендуешь.

— Говорят, на телевидении вы оказались «совершенно случайно», так же как и все наши «звезды».

— В моем случае, молодой человек, это абсолютная правда. Свои тридцать «телевизионных лет» я отсчитываю с 1964 года. В то время я спокойно учился на четвертом курсе МИИТа — Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Под Новый год команда КВН нашего института вышла в эфир. Первое мое появление на экране было «с затылка». Это не фигуральное выражение. На старых пленках, которых и осталось-то минут на пятнадцать, я обнаружил свой затылок.

А потом... Однажды на телевидении готовилась какая-то развлекательная передача, и капитан нашей команды, столкнувшись со мной в коридоре, совершенно неожиданно пригласил меня в этой программе поучаствовать. Я поначалу отказался, но уламывать меня пришлось, как вы понимаете, не слишком долго. Я появился на экране, и режиссер КВНа Белла Сергеева сразу же решила сделать меня, тогда еще студента, ведущим. Тем временем я успел окончить институт и даже проработал по специальности год и шесть дней. Прямо скажем, недолго.

— Многие телевизионные деятели, съевшие собаку на «голубом экране», утверждают, что семья и телевидение — вещи несовместные. Что думаете по этому поводу вы?

— У меня телевизионная семья, я женился на девушке, которая пришла помощником режиссера в передачу КВН еще старого «закала». Так что никаких проблем у нас не возникало. Ребенок тоже растет «телевизионным», направо и налево цитирует кавээнщиков. Мне кажется, это хорошо.

Эдуард ДОРОЖКИН

«We all live in the...»

В середине июня на центральной площади Хельсинки состоялось совместное выступление популярной в Скандинавии финской рок-группы «Ленинградские ковбои» и ансамбля песни и пляски имени Александра.

Я не знаю, кого осенила гениальная мысль свести вместе, на одной сцене, «Ленинградских ковбоев», своим обликом и экспрессией напомнивших мне знаменитого дятла Вудпеккера из американского мультфильма, и моих военизированных соотечественников, одетых в ту самую форму, которую хорошо запомнили жители Венгрии, Чехословакии, Афганистана и некоторых других стран.

Я был частицей той толпы, которая собралась летним июньским вечером на центральной Сенатской площади Хельсинки, и чувство, испытанное мною, можно было определить одним словом — «кайф», а если двумя словами, то — «ломовой кайф».

Я стоял и думал под рев электрогитар «Ленинградских ковбоев»: вот я живу в своей стране 47 лет и из них 45 под властью большевиков, эпоха которых закончилась «всерьез и надолго» (по выражению их любимого Ленина) лишь после августовского путча 1991 года.

Так за что же боролись они все эти годы, пытаюсь осуществить свой невиданный эксперимент, а именно — построить в «отдельно взятой ими стране» параноидальное общество, живущее по внутренним законам шизофрении? Отвечу словами одного из персонажей Бабеля: они боролись за «пару пустяков», весьма серьезно занимались сущей ерундой, упорно и безуспешно пытались унифицировать человеческую природу, забыв одну простую вещь: все, что касается человеческой природы, — это прерогатива Бога, и только Бога. И если они считают, что Бога нет, то это и есть их роковая ошибка, с

таким же успехом они могли считать, что Земля вращается не вокруг Солнца, а вокруг пятиконечной кремлевской звезды.

Ибо люди остаются людьми, даже если их нарядить в военную форму и научить петь тупые песни, сюжет которых сводится к одному — вот есть, дескать, на свете одна страна, и у нее есть замечательная армия, так вот эта страна — лучше всех стран на свете, поэтому ее армия может победить кого хошь, а если не делает этого, то лишь из «коммунистического гуманизма», неустанно «борясь за мир». Догадываетесь, о какой стране и о какой армии идет речь?

Оказалось, что не надо даже и форму снимать, чтобы доказать — в этот раз здесь находятся не «винтики и гайки» системы, а — люди, артисты, которым (по выражению другого любимца нашего прежнего режима, дедушки Маркса) «ничто человеческое не чуждо».

И если они поют слажен-

Зеппелин»... И думал: да ведь мне, писателю конца «эпохи застоя», опять повезло, я ведь присутствую при эпохальном событии мирного и продуктивного сосуществования двух культур, и мне могут позавидовать миллионы моих сверстников и соотечественников, которым и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь наступит 1993 год и бывший советский, а ныне русский офицер обнимется на сцене с рокером из Лахти, «простым финским колхозным парнишкой», у которого лишь прическа напоминает дятла, а сам он, несмотря на зверский вид и наличие темных очков, вполне годится для того, чтобы сесть на трактор «Зетор» и вернуться «обратно в Карелию» — именно так назывался популярный диск «Ленинградских ковбоев», разошедшийся по Финляндии в громадном количестве.

Жаль лишь, что они не исполнили знаменитую «Саккиярви-польку», известную у нас на родине под именем «карело-финской польки». Помните ее мелодию?.. Это бы хорошо рифмовалось с «Эй, ухнем», которую чудно спели их новые друзья и коллеги из краснознаменного хора и ансамбля имени Александра...

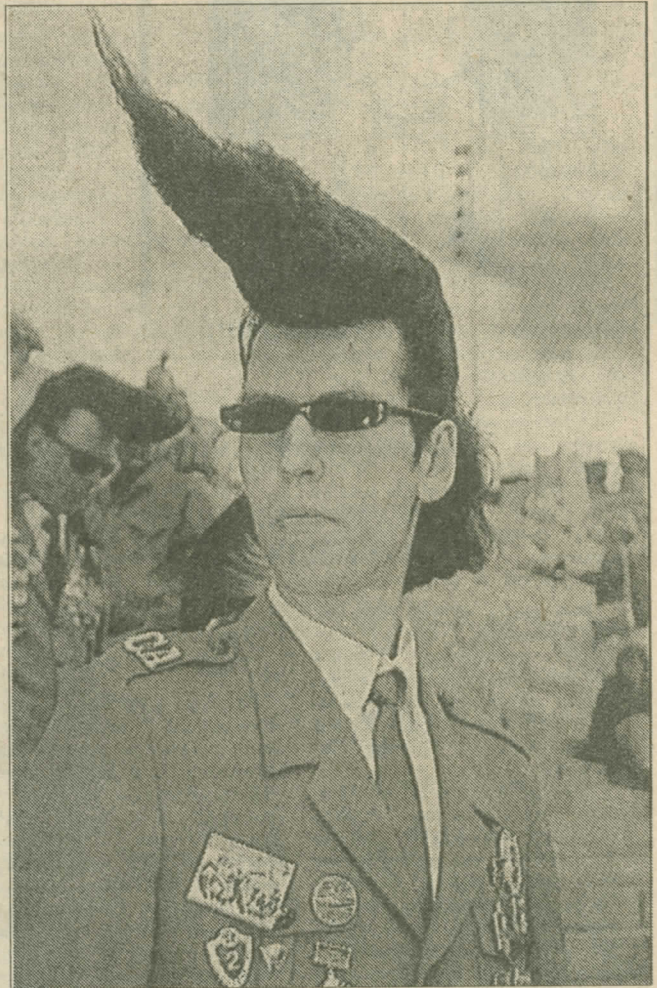
«We all live in the yellow submarine», — завели «Ленинградские ковбои».

«Yellow submarine», — слаженно откликнулся краснознаменный хор. На сцене появились «краснофлотцы»...

«Yellow submarine», — подхватила вся многотысячная Сенатская площадь.

И я вместе с ней. Частица дружелюбной, ослабленной, пьяноватой толпы «шестидесятников», «семидесятников», «восьмидесятников», чья агрессия выплескивалась наружу лишь в форме диких воплей восторга от очередного музыкального пассажа.

И я вспоминал, как последовательно боролась моя глупая власть сначала с джазом, потом с рок-ом, как милиция и дружинники, науськанные «парткомычами», резали узкие брюки стилига и состригали наголо их «роскошные» коки, обвиняя «отщепенцев» в «низкопоклонстве перед растленным Западом»... Как гоняли в семидесятые патлатых поклонников «Битлз», «Роллинг стоунз» и «Лед

«Грубыми средствами не достичь блаженства», — сказала одна ленинградская поэтесса. Серьезные дела можно делать только несерьезно. В этом смысл урока, который музыканты двух стран дали политикам.

Я не знаю, кого осенила гениальная мысль свести вместе «Ленинградских ковбоев» из Лахти и «Краснознаменных ребят» из Москвы, но я снимаю перед этим человеком свою черную ленинскую кепку, обнажая свою лысую голову, продутую всеми ветрами перестройки.

Евгений ПОПОВ

Хельсинки

Фото из финской газеты «MAANANTAINA»

Антресоли

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Любите booky — источник знаний

«ПОЭТ — БЕЗМЕН НАРОДНЫХ ТЯГОТ»

Вышедший четыре года назад альманах «Весть» (где была напечатана поэма «Москва—Петушки» и много всего славного) безвременно почил. Умер и один из его зачинщиков — Давид Самойлов.

Но вот в память той «Вести» издательство «VIMO» (Вильнюс—Москва) решило под тем же названием и при поддержке Фонда Анатолия Якобсона издавать некую серию. Чего там дальше будет и по какому принципу — непонятно. Но зато есть перенец — книжка приколов Самойлова, составленная его другом Юрием Абызовым. Называется она книжка «В кругу себя», а начинается так:

Раз спросил макаку лось:

— Как тебе покакалось?
И ответила макака:
— Погляди, какая кака!

Окромя того, здесь есть «Карманный матримониальный» с набором «умных» высказываний для девиц, напр.: «Абстракционизм хорош в галантерее. Это надо признать». Тут же — афоризмы Куурво Мудика, напр.: «Аппетитность! Зря Гегель не обратил внимания, сочиняя свою эстетику». Плюс послания друзьям (Гердту, Козакову, Копелеву и др.-др.), вот, напр., переводчику Николаю Любимову:

Даже бабы, будь им пусто,
День и ночь читают Пруста.
Только ляжешь к ней
в постель,
Глядь — а там уже Марсель.

Воокинист

«МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ ЧЕЛОВЕК, А ХИМЕРА...»

Эта розановская фраза — об Иванове-Разумнике. Писатель, всеобщий друг и знакомец, обитатель Царского Села. Благодаря ему был напечатан «Петербург» Андрея Белого. Единственный, кого из питерских литераторов уважал Есенин. А Гиппиус, наоборот, обзывала «большевиком». А Плеханов — «мещанином» и еще — «Ивановым-Забавником»...

Фигура Иванова-Разумника, долго остававшаяся невостребованной, медленно вырисовывается. В ближайшем «Литобозе» появится летопись его жизни, в «Библиографии», соответственно, его библиография; Джон Мальмстад и Александр Лавров готовят том переписки Разумника с Бельым, Лавров же собираются переиздавать знамени-

тые «Тюрьмы и ссылки».

И именно Разумнику было посвящено первое мероприятие в музее Белого на Арбате — первый вечер из цикла «Литературное обозрение». И первый вообще вечер, посвященный Разумнику...

Славная светлая комнатка музея, освещенная лучистой улыбкой Белого, едва не

треснула под напором энтузиастов. Три часа докладов, из них самый-самый — В.Г.Белоуса, единственного, кто работал в питерском Большом доме со следственными делами (а Разумник, умерший в 1946 году, до 1962 года находился, как известно, во всеююзном розыске...).

Под окном надрывался арбатский оркестр.

Ну, Вооковский!

СПИКУЛЯНТЫ

Говорят, что советский народ делится на тех, кто читает Пикуля, и тех, кто в этом не признается. Едва ли сарказм справедлив.

Лет в десять я прочитал «У последней черты» и с тех пор в Пикуля ни ногой. Но, увидев, как рвут из рук бабульки буклетец под интригующим названием «Правда о жизни и смерти Валентина Пикуля», каковой является пробным выпуском альманаха «Сторожил Москвы» (от «сто рож», что ли?) — соблазнился. Дай, думаю, выясню, какие такие еврей-масоны писателя убили.

Но Виталий Гузанов (моряк, друг и графоман — судя по тексту) меня разочаровал: правда о жизни — в том, что

жизнь у Пикуля была тяжелой, а правда о смерти сводится к кощунственным описаниям женой последних минут: «Я к нему. Валя? Молчит. Я оказала посильную помощь...»

Эта последняя правда начинается в тот момент, когда автор рванул в Ригу («С трех часов до 8.00, пока не открылся ресторан, просидел на откидном стульчике в коридоре вагона № 10. Моя сиротливость никому не бросилась в глаза»), а кончается следующим образом: «Пишу эти строки, но переживания мои не кончились. Поэтому, может быть, я забыл упомянуть, что траурный митинг был окончен в 14.40».

Ну что тут скажешь? По писателю и жизнеописание.

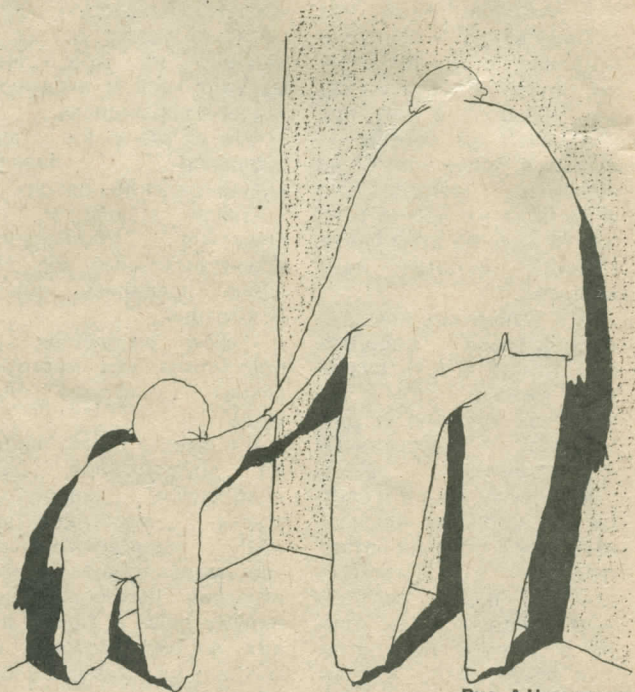

Рис. А.Червякова.

Book-парад

Конгресс в защиту книги немало постенал о гибели Гуттенбергова дела. Ополчился — по доброй традиции — на агрессивность «масс-литературы». Искал защиты у правительства. Требовал денег. Мечтал о законе, чтоб нам всем спокойно книжки читать. Но если бы участники Конгресса зашли в магазин «19 октября», что в 1-м Казачьем переулке, все бы их тревоги развеялись. Книг полно, причем хороших и разных. Выпускает их вся страна, а Марк Фрейдкин умудряется как-то собирать все это в одном месте. Говорят, выпуск книг в прошлом году сократился еще на 5334 наименования, а тираж — на 317 миллионов. Но ведь это значит еще и то, что сократился поток привычно-никчемной, серой, бездарной литературы? Да, многое томится в издательствах. Но ведь и выходит сколько!

ИЮНЬ: В ЖЕЛТОЙ МАЙКЕ ЛИДЕРА — «НАУКА». В новосибирском отделении вышел наконец-то первый том «Заката Европы» (тираж 20 тыс., стоил в Москве от 800 рублей до 2 тысяч). Комментарии, правда, очень скромные; будем надеяться, что несколько других издательств, готовящих труд Освальда Шпенглера, займутся этим поосновательнее.

Интеллектуальный бестселлер: книга Георгия Гачева «Образы Индии». В связи с тем, что московские книжки «Науки» печатают теперь фирма «Восточная литература», остальным гачевским «путешествиям» — по местам, что от Востока слева, придется, видимо, подождать.

Благодаря, наверное, той же переориентации смог выйти внушительный труд Леонарда Переломова «Конфуций: жизнь, учение, судьба». Автор явно поскромничал, предположив, что книга найдет читателя, потому что Конфуция в шарашке конспектировал Солженицын, и вообще XXI век будет веком Востока.

ПРОСЫПАЮТСЯ СЕРИИ. Вялую конкуренцию Переломову составил Владимир Маякин — его «Конфуций» вышел в «ЖЗЛ». А Валентин Пронин взял на себя смелость говорить за Катулла («ЖЗЛ» № 722) — смелость, едва ли оправданную и не искупающуюся «улучшенным переплетом».

После годового перерыва «Худлит» возобновил «Забывтую книгу»: впервые отдельным циклом вышли сказки Владимира Одоевского.

Едва «Книжное обозрение» напечатало биографию серии «Жизнь в искусстве» (Т 25), издательство «Искусство» напечатало очередной ее выпуск — довольно робкую попытку Михаила Дунаева беллетризовать жизнь в искусстве Виктора Борисова-Мусатова. Увы, в мягком переплете.

«ИСКУССТВО» В ПЕЧАЛИ. Новинки в Собиновском переулке: роскошный альбом Малевича; четвертое издание мемуаров дочери Павла Третьякова А.П.Боткиной (где восстановлены все купюры), наконец довольно странная книга Георгия Вагнера «В поисках Истины», где религиозные метанья Врубеля, Васнецова, Иванова и других русских художников наглядно иллюстрируются цитатами из Библии...

Но сколько всего в «Искусстве» не вышло! В серии «История эстетики в памятниках и документах» не вышли: двухтомники Белого и Шестова, Аксаков, Вяч. Иванов, Иванов-Разумник, Иван Ильин, Леонтьев, Евг.Трубецкой, Хейзинга, Шопенгауэр!

Прибытием задерживаются: воспоминания Сергея Маковского, письма Добужинского, дневники Филонова, сборник Евреинова, том пьес Артура Миллера, знаменитая книга Г.Реймерса о женах гениев, четвертый том «Памятников архитектуры Москвы»...

РЕПРИНТЫ ДЕЛАТЬ ВЫГОДНО. А стараться — обязательно. Под этим флагом питерский «Северный Олень» издал (впервые за 70 лет) дневники Чайков-

кого, оставив составление комментариев будущим ученым. А МП «ФИРМА АРТ» переиздала вересаевского «Пушкина в жизни» («Academia», 1932 год), не удосужившись даже перевести французские фразы.

Хотелось бы, конечно, и более обстоятельного комментария к путеводителю Сергея Вильчковского «Царское Село» (1911 год), изданного петербургским «Титулом». Спасибо хоть за карту.

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ МАЛО. Право на издание хорошего чтива неожиданно монополизировал Питер.

«Север-Запад» продолжил гордое эстетское шествие. «Пнин», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Bend Sinister» (у нас известные как «Под знаком незаконнорожденных») — в великолепных переводах Сергея Ильина — составили очередной том серии «Ex Libris».

В издательстве «Logos» Луи Аллен выпустил две замечательные книжки в серии «Библиотека Русского зарубежья». Впервые по авторской рукописи публикуются романы Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес», а толстенный (в 600 страниц) том Николая Оцуца включает знаменитый «Дневник в стихах», а также воспоминания о писателях Серебряного века.

ФИЛОСОФСКОЕ РАЗДОЛБЕ. Четырехтомнику Анри Бергсона повезло попасть в Федеральную программу книгоиздания. Только что «Московский клуб» выпустил его первый том — с «Опытом о непосредственных данных осознания» и «Материей и памятью». Впервые у нас печатается речь Поля Валерио Бергсоне.

Вышел и первый том собрания сочинений Карла Густава Юнга. Давно не доводилось держать в руках столь профессионального издания, где все на месте: предисловия, послесловия, указатели, приложения. А между ними — интереснейшие работы о Пикассо и «Улиссе», Фрейде и Парацельсе.

Там же, в «Renessains 'e», сработавшийся на Набокове тандем Виктор Ерофеев — Олег Дарк выпустил том избранных и, пожалуй, самых интересных работ Льва Ше-

стова: «Добро и зло в учении Толстого и Ницше», «Достоевский и Ницше», «Апофеоз беспочвенности».

ТО, ЧТО ВЫ ВРЯД ЛИ ВСТРЕТИТЕ В ГОРОДСКИХ КНИЖНЫХ. Пока Сергей Бочаров готовит фундаментальный шеститомник Бахтина, оригиналы из издательства «Лабиринт» (известные также по журналу «Апокриф») затеяли любопытную серию — «Бахтин под маской». № 1 — «Фрейдизм», напечатанный в свое время под фамилией В.Волошинова.

У питерского АО «Комплект» грандиозные планы. Пока же оно выпустило сборник Алексея Федоровича Лосева — с «Жизнью», «Трио Чайковского», письмами. Комментарии и послесловие — А.А.Тахо-Годи.

Прелюбопытную книжечку Евгении Гурвич, русской антропософки, переводчицы Штайнера, выпустил МАРТИС — «Владимир Соловьев и Рудольф Штайнер», рекомендую.

РАЗНОЕ. В питерском отделении «Науки» Александр Лавров начал публикацию материалов волошинского фонда в Пушкинском доме. Книга «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия» включила письма великого Макса к Александре Петровой и итальянские заметки.

«Медиум» на пару с немецким культурным центром имени Гете издали изящный сборничек «Россия и Германия: рывт философского диалога». Здесь великолепные статьи Анатолия Ахутина, Бориса Гройса, Алексея Пескова и других.

В «Республике» вышел замечательный двухтомник Оскара Уайльда, в «Педагогике-Пресс» — антология «Русский космизм», в «Прогрессе» — роскошный том «Философия русского религиозного искусства» (тут «Обратная перспектива» Флоренского, работы Евг.Трубецкого, «Послание иконописцу» Иосифа Волоцкого...).

Жорж НИВА:

«Русская эмиграция живет в гетто»

Жорж Нива. Филолог, публицист, критик, эссеист. Один из крупнейших и наиболее почитаемых в мире специалистов по русской словесности. В его блистательных переводах заговорила по-французски отечественная литература от Андрея Белого до Андрея Сивяцкого. Душа русского университетского кружка, вокруг которого собирались последние из могикан первой эмиграции. Вдохновитель грандиозной семитомной «Истории русской литературы», которая издается им сейчас во Франции в содружестве с коллегами — итальянцем Витторио Страда и бывшими россиянами Ефимом Эткиндром и Ильей Серманом. Друг ныне покойного Натана Эйдельмана и искренний почитатель творчества Виктора Астафьева — что для воспитанных на железобетонной формуле «кто не с нами — тот против нас» более чем непривычно. Один из тех немногих, кого удостоил незадолго перед смертью личной аудиенции Владимир Набоков. Наконец, автор серьезного и увлекательного исследования жизни, судьбы и творчества Александра Солженицына. Именно в связи с выходом этой книги у нас на родине профессор Жорж Нива приехал в Россию. В Петербурге с ним встретился наш корреспондент Дмитрий САВЕЛЬЕВ.

— Господин Нива, работая над монографией о Солженицыне, вы предполагали, что она когда-нибудь будет опубликована в России?

— «Солженицын» был написан по заказу парижского издательства «Сей» в начале 80-х. Не то что предполагать — даже думать тогда о возможности издать книгу здесь было просто нелепостью. Затем в 84-м году мой друг Симон Маркиш перевел «Солженицына» на русский язык для лондонского эмигрантского издательства «ОРІ». Но и тогда на российскую публикацию я еще не мог рассчитывать. И только в 90-м году в связи с очевидными уже изменениями в вашей жизни отрывки были напечатаны в «Дружбе народов». Тогда же издательство «Художественная литература» обратилось ко мне через нынешнего главного редактора «Континента» Игоря Виноградова с просьбой предоставить ему права на публикацию этой книги.

— Однако с тех пор прошло как минимум два с половиной года. За это время успело выйти в свет собрание сочинений Солженицына, не говоря уже о журнальных публикациях, восстановлении его в гражданстве и присуждении Государственной премии. Где же скрывалась рукопись так долго?

— Книга лежала мертвым грузом в издательстве. Она давно была готова: я читал гранки, держал в руках верстку — но дальше дело не продвигалось.

— Вам не было легче на душе от того, что на этот раз причины задержки носили не политический, а очевидно экономический характер?

— Едва ли. И я, поверив такому невозможному чуду — мой «Солженицын» выходит в России! — в какой-то момент снова потерял надежду, что это когда-нибудь произойдет... Однако вот произошло — и книга вышла, к моему удивлению и удовольствию.

Книга действительно вышла — крохотным тиражом в десять тысяч экземпляров. Видимо, в «Художественной литературе» полагают, что количество ее читателей будет исчерпано этой цифрой. Но на прилавке петербургского Дома книги аккуратная стопка занимала место в течение получаса, не больше. О столичных магазинах судить не берусь. Предполагаю, что дело обстояло таким же образом.

— В предисловии Игорь Виноградов пишет о том, что Солженицын отметил вашу монографию как самое серьезное исследование его творчества...

— Во всяком случае, он отнесся к книге благосклонно и публично заявил об этом в одной из французских телевизионных программ. Сказал, что впервые к нему проявили интерес не только с политической или философской, но и с литературной точки зрения. Этот текст опубликован в томе его статей и интервью. А лично я получил от него обстоятельное письмо, которое мне очень дорого.

— Вы учитывали его замечания при подготовке нового издания?

— Там, где речь шла о фактической стороне дела, я согласился почти со всем. Почти — потому что в некоторых случаях я отдавал предпочтение своим источникам информации, которые казались мне более надежными: даже такая феноменальная память, какой обладает Солженицын, может иногда изменять.

— Думаю, что Солженицын настаивал не только на уточнении тех или иных фактов, но и на уточнении трактовки — там, где она не

соответствовала его представлениям. Как вы поступали в таких случаях?

— Я оставил за собой право на собственный взгляд и собственное понимание, расценив этот раздел его письма как свод любопытных суждений Солженицына, с которыми, тем не менее, согласиться не могу.

— Широта ваших интересов и увлечений как исследователя, переводчика и просто читателя известна. Но мне кажется, что для многих — еще недавно советских — людей, ныне проживающих в России, довольно сложно представить, как могут в вас непритворчиво уживаться такие противоположные пристрастия: Александр Солженицын и Андрей Синявский? Здесь эти имена давно и прочно стали символами вечно противостояния.

— Я действительно очень ценю того и другого. Охотно соглашаюсь, что эстетически они прямо противоположны. Синявский исповедует эстетику фрагмента. Он весь вышел из «розановской шинели». Он демонстративно разомкнут в мир. Удивительный коллаж недосказанного, вихрь «мыслей врасплох» — так он и назвал книгу своих афоризмов. Солженицын тоже любит малые прозаические формы, но они не имеют ничего общего с фрагментами. Его эстетика — это эстетика законченного. В каждом произведении, по Солженицыну, должен найти отражение некий абсолют. Он и сам об этом часто впрямую говорит. Тот же роман «В круге первом» построен предельно гармонично по циклическому принципу, название его совершенно не случайно отсылает к «Божественной комедии» Данте. Все это для него не сумма формальных приемов — он видит в подобном смыкании своеобразный путь к обретению человеческой душой спокойствия. Они очень разные — Синявский и Солженицын. Но эстетически для меня оба имеют равные права на существование.

— А вы не боитесь упреков во вкусовом эклектизме?

— Я не знаю, эклектизм ли это. Но при всем моем преклонении перед Солженицыным писателя Синявского я люблю не меньше. И с удовольствием переводил на французский его прекрасную книгу «В тени Гоголя». Да и помимо всего прочего

я с ним очень давно дружу. Я и прозу Розанова люблю, хотя сам он во многом мне просто омерзителен, чего о Синявском уж никогда не скажу. Просто я различаю для себя эстетический и этический подходы.

— С точки зрения этического подхода вы разводите Синявского и Розанова?

— Все несколько сложнее. Синявский в моем понимании олицетворяет очень существенные стороны противоречивой русской души, ее темные и извилистые закоулки. Ему, например, очень хочется быть символом русской терпимости — а на самом деле он вовсе не терпим. И в этом парадоксе я узнаю нечто отдаленно розановское. Розанов очень любит христианскую религию, хочет быть христианином и является им. Но в то же время он позволяет себе такие вещи, которые непозволительны не то что приверженцам этой религии, но даже ее самым заклятым врагам.

— Вы имеете в виду его скандальные выступления по еврейскому вопросу?

— Да. Его отношение к евреям в высшей степени утрировано: чрезмерная любовь в сочетании с немислимой ненавистью — именно им написаны самые гнусные слова о еврейском народе.

— Вернемся к Синявскому и Солженицыну. Вы считаете, что затяжная полемика между ними основана на эстетических разногласиях?

— Главным образом. Правда, Синявский в разговоре со мной признал величие и гражданский подвиг «Архипелага». Но как литературное произведение он волнует его значительно меньше, может быть, и вовсе не волнует — эти писатели чужды друг другу. Конечно, расхождение этического порядка тоже имели место. Большую роль сыграл здесь образ жизни, который стал вести Солженицын, оказавшись в изгнании. Он живет совсем не по-русски, и это очень раздражает многих эмигрантов. Не только Синявского.

— Что вы понимаете под русским образом жизни?

— Солженицын не желает сгрудиться вместе со всеми в общую семью, жить общей жизнью, жить всем миром. Ведь русская эмиграция жи-

вет в своего рода гетто. А он этого избегает, он никогда в эмигрантском гетто не был. Бесконечные собрания, сборища русской эмиграции он всем сердцем ненавидит.

— Неужели отщепенец и маргинал Синявский, избравший себе псевдоним изгоя «Абрам Терц», является поклонником общих сборищ?

— О, вы плохо знаете Синявского. Он участвует в них очень активно. Синявский — заядлый полемист, эта страсть у него в крови. Он просто физически не может обходиться без полемики. Я его понимаю, в этом тоже есть своя соль. Но соль жизни Солженицына совсем в другом. Не в бесконечных тяжбах Синявского, Максимова, Буковского, Кузнецова и других между собой.

— Что же на самом деле стоит за этими баталиями, которые длятся много лет и никак не желают прекратиться?

— А причина достаточно проста. Всякая эмиграция болезненна. И каждый эмигрант, как правило, выбирает один из двух путей. Либо он уходит в новую культуру и становится полноценной ее частью. Либо остается в своей прежней культуре, запирая себя в узкие рамки общины и всячески при этом унижая другую культуру.

— Выходит, только Солженицыну удалось выбрать третий путь: не вливаясь в чуждую для него американскую культуру, удержать себя от кабалы в общине?

— Для этого необходимо обладать таким сильным характером, каким обладает Солженицын. Он обрел свою независимость ценой способности вести абсолютно уединенную жизнь в Вермонте. Остальные этого сделать не смогли либо не захотели. И их жизнь представляет из себя очень печальное зрелище.

— Эта жизнь отлична от жизни старой русской эмиграции, остатки которой вы застали?

— Вне всякого сомнения. Ведь я встречался с Борисом Зайцевым, виделся несколько раз с Георгием Адамовичем и Владимиром Вейдле... Наконец, в Женеве я дружил с тремя зубрами старой русской эмиграции, которые олицетворяли три ее лика: Марк Слоним, Владимир Варшавский и Вадим Андреев.

Марк Слоним в России был самым молодым членом Учредительного собрания. Позже, в Берлине, он редактировал «Волю России». Слоним придерживался демократических взглядов. Он считал, что, несмотря ни на что, будущность русской литературы и русской культуры в целом принадлежит не эмиграции. Она принадлежит новой России. Владимир Варшавский тоже был безусловным демократом. Участвовал во французском Сопротивлении. Однако, в отличие от Слонима, который всецело остался в русской культуре, Варшавский отчасти принадлежал культуре французской. Наконец, Вадим Андреев избрал судьбу возвращенца. Но, получив советский паспорт, он остался в Женеве и работал переводчиком. Возможно, он решил, что в Женеве ему все же будет легче жить. Но при этом он печатался в Советском Союзе.

— Неужели он мог свободно по-

зволить себе печататься здесь, не опасаясь цензуры?

— Он сознательно шел на все: на заведомо немилосердную цензуру, на чудовищные купюры. Шел ради русского читателя. Ради тиража в двести тысяч экземпляров, а не в жалкие две тысячи. И не в деньгах, разумеется, было дело. О каких деньгах вообще могла идти речь... Это чувство знакомо только писателю-эмигранту. Его знал и Набоков, который вообще был немислимо долго оторван от своего читателя. И, возможно, именно поэтому так ревниво отнесся к всемирному успеху Пастернака и Солженицына... Так вот, эти столь различные по своим взглядам эмигранты первой волны всегда могли договориться между собой. Более того, мне кажется, их отношения должны считаться образцом для культурной жизни нынешних эмигрантов.

— Господин Нива, а вы не слыш-

ком идеализируете образ первой русской эмиграции? У того же Набокова, насколько мне известно, до конца жизни сохранились открыто неприязненные отношения с Адамовичем...

— У Набокова — да. Но Набоков есть Набоков, и с этим ничего не поделаешь. Хотя ни с Адамовичем, ни с Набоковым мы вопрос их отношений не обсуждали. И все же не было этих боев, которые мне подчас напоминают дразги в городе «Бесов» Достоевского. Я нахожу эти бои абсолютно бессмысленными. Они совершенно не нужны там. В недалеком будущем они станут совершенно непонятны в России. Да, скорее всего, уже непонятны. У России сейчас слишком много других проблем, которые ей предстоит решать...

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

СИЛА ТЕАТРА

Инфузория Ася никогда не была в цирке и упростила амебу Рахиль (кличка Муму) достать ей билет.

В цирке как раз шел порноспектакль театра зверей «Ромео и Джульетта» — так сказала Рахиль, — и они отправились вдвоем, но ничего так и не поняли: их посадили в первый ряд прямо в песок, рядом с ромашкой Светой, и каждый раз, когда начиналась драка, Ася и Рахиль уходили в песок, а один раз в спешке обе залезли в окуроч, как раз когда кондор Аноп, игравший Ромео, взлетел под купол и спустился оттуда на кукушку Калерию (Джульетта).

При этом Рахиль ужасно

звывала, думая, что начался конец света, а Света закрыла глазок.

В результате на обратном пути амеба Рахиль (Муму), не переставая выть, поделилась и домой к улитке Герасиму пришла вдвоем, и Герасим вытолкнул обеих в шею за разврат и хождение на порноспектакль.

Но все кончилось хорошо: инфузория Ася, сконфуженная и спектаклем, и его результатом, пригласила к себе жить крошек-близнецов Ра и Хиля.

Клички у них остались при этом прежние, Му и, соответственно, Муму.

ПРЕМЬЕРА
ТОЛЬКО ОДИН ДЕНЬ!
ТЕАТР ЗВЕРЕЙ
«РОМЕО И
ДУЖУЛЕТТА»
В РОЛЯХ:
РОМЕО: МЕЛАНХОЛИК
ДУЖУЛЕТТА: КУКОЛКА НАРКОТИКА
МАМАЛЛА: ТРОИЦКАЯ
ИСТРАЖАТЕЛЬ: ВОЗРАЖАТЕЛЬ
ПОСТАНОВКА
Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ
ХУДОЖНИК
А. ЛУКЬЯНЧИКОВ
НАЧАЛО 14.31

Юрий ГАЛЬПЕРИН

ЗА ОКНОМ И ПОД ОКНАМИ

На сороковой день после кончины отчима мать позвонила Алексею утром и попросила приехать пораньше — помочь сводной сестре подготовиться к встрече родных.

— Лиза все сама да сама, — сказала она. — Едва на ногах держится.

— Как ты? — спросил Алексей.

— Что ты спрашиваешь, — сказала она.

— Извини, мама. Я приеду.

В строгом костюме из шерсти — не выходном, но очень удобном костюме (в нем Алексей себя уверенно чувствовал) — он шагал под солнечным небом августа, разглядывал в зеркальных стеклах витрин свою невысокую, но ладно скроенную фигуру.

Ему предстояло пройти четыре остановки по бульвару.

Если бы не давка в троллейбусе, Алексей с большим удовольствием поехал бы, глядя на публику под липами сквозь пыльное стекло. Но, развернув левое плечо вперед, застегнув пиджак на среднюю пуговицу, превосходно обгоняя попутных пешеходов, он пронизывал поток встречных, на ходу сторонясь и почти брезгливо замирая в предощущении прикосновений, проходил сквозь толпу, никого не касаясь, как бы отгороженный от окружающих. Пыль не успевала осесть на его начищенные до матового блеска туфли.

Взгляды прохожих, привлеченных некоторой необычностью темного костюма для установившейся жаркой погоды — среди людей в летних платьях и рубашках без рукавов он, действительно, выглядел странно, — проникали за стекло его холодной витрины. Тогда он коротко радовался этому почти подтверждению его непричастности к летней суете дня, бульвара, города и мира, находя в той непричастности некий оттенок проявления долга по отношению к человеку, который заменил ему отца. И, одновременно, он был доволен: вполне сносно удалось выполнить обязанности мужчины в семье — организованные Алексеем похороны отчима прошли торжественно и четко.

Отворив незапертую дверь маминой квартиры, он оказался в душном сумраке коридора. Из кухни доносился запах печеного теста.

Мимо приоткрытой двери в комнаты Алексей прошел в маленькую кухню и остановился на пороге, ладонью стирая со лба испарину.

Сестра Лиза вынимала из духовки лежавший на масляном противне маковый пирог.

— Лешечка, наконец-то! — сказала она, вытирая руки о край свежего передника.

На ее славном и замечательно румяном лице двадцатитрехлетней матери двоих детей, несколько округлом, как и лицо самого Алексея, его матери и деда, сводный брат разглядел зеленые тени усталости и некоторое движение улыбки и жалости, означавшее просьбу:

— Хлеба вот нет. Оказывается, не запаслись. И водки еще надо прикупить. Знаешь, в ближних магазинах только с красными этикетками, а я в угловом брала, там черные с золотым.

— Мелочи, — отмахнулся Алексей.

— Черные уместней, Леша, — сказала сестра. — Иди в комна-

ту, к маме. Я сейчас.

Она взглянула виновато.

— Как мама? — спросил он, поворачиваясь уходить.

— Сегодня спала... Ты проходил через двор, ничего не заметил?

— Нет, кажется.

— Спроси маму, она покажет. Там, за окнами, — цирк.

Обычная гостиная малогабаритной квартиры типового дома, с его низкими потолками и стенами-переборками, была загромождена мебелью: шкаф черного дерева с резьбой ручной работы по фронтону; неширокий, но вместительный книжный, значительной высоты (обложки «Исторического вестника» и «Нивы» за гранеными стеклами, а сверху перевязанные бечевкой кипы теперешних изданий: «Вопросы археологии», «Вопросы философии» и т.д.); бюро — в студенческие времена Алексей за ним работал — с громоздкими подсвечниками из нестаряющейся бронзы; кресло-качалка у окна, покрытое вытертой медвежьей шкурой; справа вдоль стены — горка старинной работы, очень длинная, с лебединым выгибом углов и плавным падением линии середины, заполненная посудой — стекло и недорогой хрусталь, но среди неровных тарелок «общепита» довоенных времен попадались кузнецовские, и стояли чашки китайского фарфора. А также: расколотая фисгармония, но пригодная и хорошо настроенная (отчим играл до последних дней), с вращающимся, черного лака стулом; и у самой двери опять — глухой и неинтересный шкаф.

Середину гостиной, скрадывая остаток свободного пространства, занимал стол о шести ножках и шесть стульев с высокими псевдоготическими спинками и плетеными, кое-где прорванными сиденьями, расставленные в строгом порядке. Еще два стула стояли по углам, а на диване, рядом с креслом-качалкой, возвышалась финиковая пальма в кадке, протяжные листья которой зелеными веерами колыхались перед раскрытым окном.

Мать Алексея, Мария Васильевна, еще молодая лицом и стройная телом женщина в строгом платье с черной отделкой и в замшевых, тоже черных, туфлях, стояла у кресла, уперев колени в низкий подоконник. Траурная накидка из гипюра ниспадала с ее плеча.

Повернув к сыну белое, с фиолетовыми подглазниками и покрасневшими веками, тяжелое от многих слез лицо, вместо приветствия она подозвала его к себе:

— Леша, взгляни, что делается. Сумасшествие какое-то... Ты посмотри!

Из мрака гостиной Алексей выглянул в солнечный двор.

Под окном, на асфальтовой площадке, стоял белый «жигуленок» шурина. Маленькие дети мирно играли возле колес. Мальчишки постарше заглядывали через боковое стекло, пытались разглядеть цифры на спидометре.

Дальше начинался двор: невысокие, но раскидистые липы, кусты шиповника, редкие и чахлые, на газонах, затоптанных детворой; в глубине просматривались деревянные грибки, обитые проржавленной жестью, зимняя горка в виде рыбы-великана и бетонный слон.

Слева, близко от окна, нависала деревянная галерея, проходившая вдоль фасада двухэтажной каменной пристройки, занятой под детские ясли. Оттуда раздавались крики детей и женские голоса. Две девушки, совсем молодые, в белых косынках и халатах, выбежали из двери на галерею, громко возмущаясь, размахивая руками.

— Не там, — сказала Мария Васильевна. — Направо взгляни.

Справа, за низкими деревьями возвышался скучный, кирпичный, такой же пятиэтажный дом, ничем не примечательный, с глубокими цветочными ящиками на карнизах.

Он обратил внимание, что мальчишки возле машины неожиданно распрямылись и, как по команде, задрали головы. Проследив их взгляд, а также направление взглядов, окриков, увещаний, исходивших от девушек на галерею, соединив два луча у раскрытого окна на четвертом этаже соседнего, Алексей увидел худого мужчину в синих сатиновых трусах: он сидел на карнизе, свесив ноги, пьяно покачиваясь, — неверной рукой держался за край створки оконного переплета.

Девушки заметили Алексея и призывно обернулись.

— Еще не хватало, — сказала мать, — отойди от окна.

— Упадет сейчас! — закричали девушки с галереи. — Что делать? Придумайте хоть что-нибудь!

— В какой квартире он живет? — неуверенно спросил Алексей.

— Уже ходили — не открывает.

В это время человек в окне — по-видимому, сидеть на жестком карнизе было неудобно — попытался переменить положение и, выпустив край створки из рук, встал на колени, повернувшись к публике спиной. Дружное «ах!» упало с галереи и из окон ближних домов.

— Надо пожарным позвонить! — крикнул Алексей. — Пусть снимут.

— А какой у них номер?

— Позвоните дежурному — 01.

Одна из девушек подтолкнула подругу к двери, но та не шла, упиралась, отказывалась звонить одна. На галерею ей было интересней.

— Дождетесь, что упадет, — закричал им Алексей, но увидел рядом на подоконнике полированный пластик и белый диск телефонного аппарата и уже тихо, несколько неуверенно добавил: — Позвоните же, в самом деле.

— Пожалуйста, убери с подоконника телефон, — сказала мать. — Упадет — разобьется... Господи, до чего эта водка доводит!

— Мамочка, тебе бы прилечь, — сказала Лиза, входя в комнату. — Скоро люди придут.

Мать прикрыла окно и направилась в спальню, осторожно скользя за спинками стульев вдоль книжного шкафа и платяного. На пороге она оглянулась.

— Дети, не стойте у окна.

— Понравилось? — спросила сестра. — Это Акробат, его во дворе так празвали. Напьется и вытворять... Не смотри, без зрителей он успокаивается быстрее.

— Сорвется однажды.

— Конечно, сорвется, — уверенно сказала сестра.

— Триста граммов масла, ванилин, круглого пару буханок...

— Зачем так много?

— Не перебивай... Водка есть — две бутылки хватит?

Сестра приоткрыла поцарапанную дверцу холодильника. На льду лежали длинные прозрачные бутылки с бесцветной водой. Этикетки, действительно, были торжественно-траурные: черные с золотым.

— Наклейки, — сказал Алексей. — Какой смысл?

— Не хочется идти? — спросила Лиза. — Неужели трудно?

— Схожу, схожу. Успокойся.

— Игорь, — сказала о муже сестра, — после похорон до утра глаз не сомкнул. А ты... Ты! — из ее удлинненных карандашом, чуть раскосых измученных глаз выкатились две слезы. — В тот вечер куда поехал, к ней?

— Ревнуешь?

— Замолчи...

Алексей снял с крючка за кухонным буфетом капроновую сумку, на всякий случай потрогал карман пиджака, где лежал давний подарок, привезенный отчимом из Кабула кожаный бумажник. Потрепал сестренку по щеке:

— Мы дети одной матери.

— И отца? — неуверенно тихо спросила Лиза.

— Да, — смутился он. — Конечно, — солгал и в наклоне поцеловал ее в губы, сминая рукой жесткий воротник платья. — И отца.

Взволнованный поцелуем, осознавая горький аромат миндаля — вкус ее губ, — Алексей спустился по лестнице, забыв о человеке в окне. Выйдя во двор, он пнул ногой вывернутое колесо «жигуленка» и свернул на тропинку под деревьями. Но тут вопль, показавшийся ему похожим на вопль трибун стадиона, мгновенно возвратил его к реальности солнечного дня.

Алексей вскинул голову, будто уже зная, куда смотреть: распластавшись по вертикальной стене силикатного кирпича, извивалось голое человеческое тело, — цепляясь пальцами за край окна, вырываясь из трусов и обдирая колени о неровную расшивку каменной кладки, на высоте четвертого этажа висел человек. Он безуспешно пытался подтянуться и влезть в окно.

Оценив площадку в радиусе возможного падения — вытоптаный газон с колючим шиповником и цементная отмостка, — Алексей до неожиданных подробностей представил, увидел, угадал у стены уже неподвижно распростертого горемыку Акробата, его разбитую голову и забрызганный кровью бетон.

Одновременно перед ним встало неживое, тронутое зеленоватыми подтеками лицо отчима с влажным от многочисленных поцелуев бумажным венчиком на лбу во время отпевания, заказанного по просьбе его престарелой матери в скромной кладбищенской церкви после митинга и панихиды в институте. Он вспомнил высокое лицо священника — каштановая борода, нелепо голубое одеяние с золотым шитьем, — его ласково напевный вологодский голос: «Господу по-о-молимся...», мелькавшее в руке кадило. Сладковатый аромат ладана смешивался с незнакомым запахом, мутным до тошноты, может быть, труп.

И тогда Алексей, поддавись неожиданно рухнувшему, тяжело ударившему страху, побежал: «Не видеть... Не видеть... Доймай».

Но он задохнулся после первых шагов и на подкосившихся неверных ногах ввалился в парадное, преследуемый почти единственной и детской надеждой, что и его самого никто не заметит, совсем никто. Откинул вторую дверь и упал на ступень.

Зрители в окнах напряженно молчали.

— Еще не все... Закричат — тогда, — подумал лихорадочно Алексей.

И от того ли, что смог он так подумать — сбивчиво, растерянно, но смог, — или еще почему, страх потеснился в нем.

Влажный камень холодил колени через шерстяную ткань костюма. Камень был тверд и гладок. Алексей потрогал рукой. Цементная отмостка под окнами была тверда и шершава. А розовое человеческое тело — сестры, Акробата, его собственное тело, — оно было незащищено. Податливая и хрупкая божественная глина.

Алексей осознавал материал.

То, что из окна представлялось забавным — полоса бетонных плит вдоль стены геометрично оттеняла зелень газона, а неверные движения фигуры на карнизе (оказалось, что человека) щекотали нервы остротой ощущения, — то, что казалось зрелищем, развлекало, как азартная игра, как мускулистые шеренги гладиаторов на белом песке далекой арены, как перестрелка на мелькающем экране телевизора под ровный голос диктора, перечисляющего потери в сводке с полей чужой войны, — все это вдруг опрокинуло его.

И еще он тут понял и внезапно, и медленно до содрогания, что ведь на что он надеялся: ведь не на то, что удержится Акробат, не сорвется все-таки, не упадет, а только чтобы не на глазах, чтобы не забрызгало память кровью, чтобы... не об Акробате

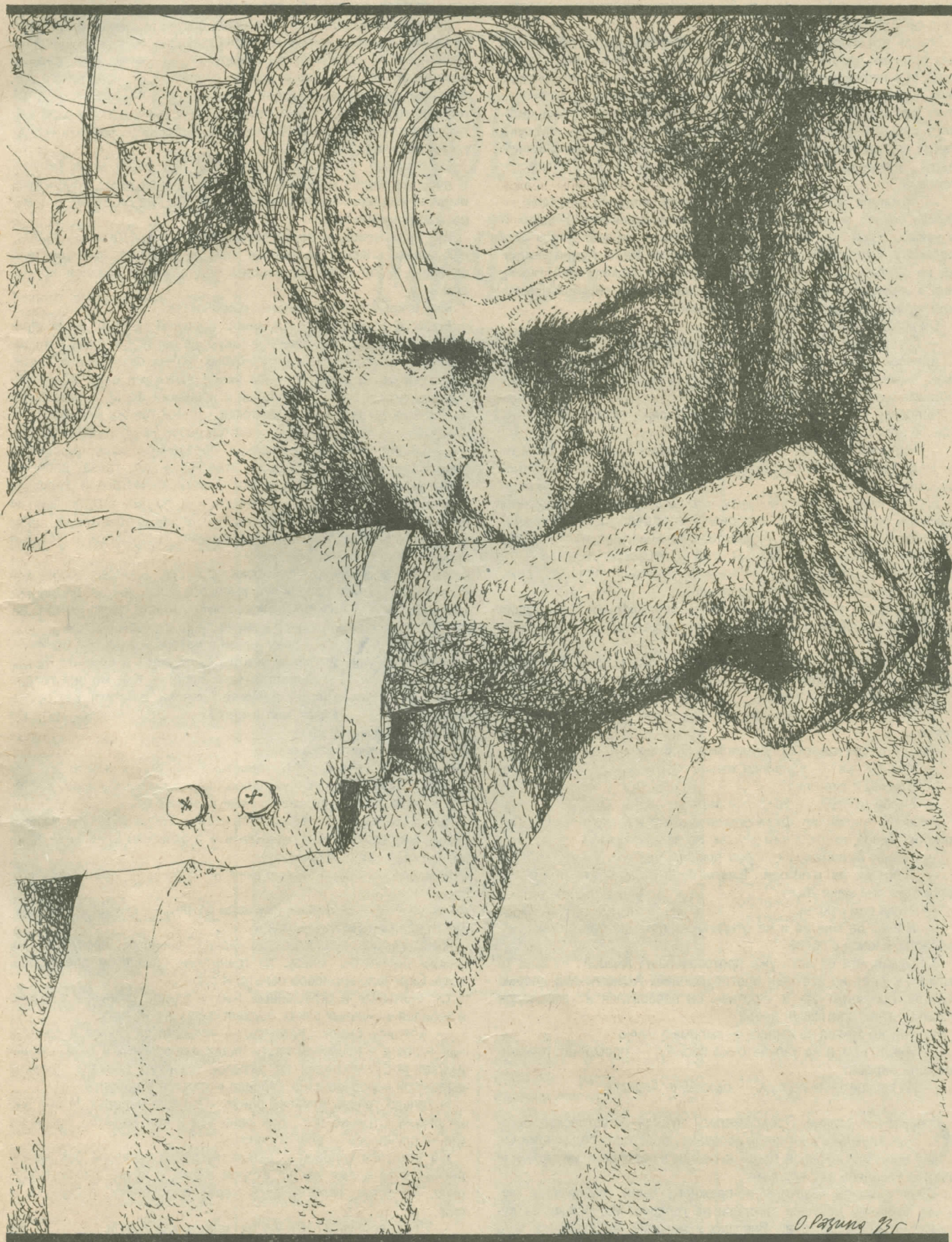

Рис. О. Разиной

пьяном он молил, не о том, как бы остаться тому в живых, а только о себе. О себе.

Мысль эта режущая на мгновение разорвала его сознание, как зазубренный клинок разрывает крепкое и нежное перед сталью тело. И в неожиданном свете он узнал, увидел перед собой смуглую, идеальной формы, с длинными пальцами руку, похожую на руку Елизаветы — сестры, усталую от бесконечной стирки детского белья, и понял еще, что невысказанно ему увидеть эту руку, такую всегда живую, ласковую или нервную, вдруг безжизненной, вдруг... «Но рано или поздно мы все...» Нет, он не мог. Он тряхнул головой.

— Неужели все-таки упадет! — опять подумал Алексей. — Выйду сейчас, а он упадет и... Сорвется и вдребезги. Нелепо. И я увижу... Удар, как мягкий шлепок, кровь — на всю жизнь подробности. Картина будет мучить кошмаром. Ведь я ничегошеньки не сделал. Даже не попытался. Хоть бы трубку снял, позвонил в милицию или пожарным; приезжайте, мол, снимите. Позвонил матери окно затворить... Отгородился.

Он встал с колен.

— Отгородился! Ведь я от всего отгородился!

Алексей поправил зачем-то при бегстве расстегнутый пиджак, вышел из подъезда, виновато потупясь. Но заставил себя поднять голову и посмотрел наверх.

Человеку на стене удалось подтянуться: упершись босой ногой, он влезал к себе в окно.

— Милиция придет, — дружно закричали девушки с галереи. — Надо только чтобы он с окна ушел. — Какая квартира? — снова спросил Алексей.

Бросив сумку на чахлую траву газона, в несколько уверенных прыжков он пересек двор и ворвался в подъезд дома напротив, где находилась квартира Акробата. Спотыкаясь о ступени лестницы, он взбежал на четвертый этаж и, переведя дыхание (куда девалась подготовка спортсмена!), надавил пластмассовую кнопку и нервно, прерывисто зазвонил.

Дверь долго не отпирали. Наконец, послышались шаркающие шаги, и запинаящийся нетрезвый голос спросил:

— И... кто?

— Открывай, — стараясь говорить грубо, потребовал Алексей и ударил каблуком в дверь. — С петель сорву!

— И-и-иди ты, куда знаешь...

— Ну, держись! — взревел Алексей и что было силы грохнул ногой.

Пыль и белая известка посыпались со стены.

— З-зачем так? — удивился хозяин квартиры.

— А зачем в окно лез?

— Т-тебе-то что?.. — упирался Акробат.

Алексей припомнил физиономию в окне и подумал: если тот откроет дверь, то что с ним делать. Но все же сказал:

— Сейчас выломаю, с топором пришел!

— П-погоди ты, п-погоди... Ежели баба моя увидит, что дверь сломатая, она меня убьет.

— Тогда сам открой.

— Н-и-и... Да мне ее и не открыть-то, баба на работу ушла — заперла, и ключ с собой.

Допуская, что отчасти уже протрезвевший Акробат не врет (а может, и врет, но все-таки протрезвевший), Алексей под дверью критик. Прикинув «за» и «против», он повернулся и напоследок крикнул тоже притихшей двери:

— Только сунься на карниз — выломаю точно.

— И-иди, иди, я на табуреточке посижу, — пробурчал присмиревший Акробат.

— На табуреточке посиди, — разрешил Алексей.

Светило солнце. Продолжалась чудная августовская погода. Алексей стоял среди деревьев двора, один под окнами. Он невесело шурился, глядя на солнце в переплетении ветвей. И листья казались ему черными.

Окна маминой квартиры по-прежнему были занавешены глупыми шторами. Девушки загорали на галерее. Мальчишки за кустами играли в басмачей. Внешних изменений не случилось. Мир

остался прежним, это обнадеживало.

Успокаиваясь, Алексей подобрал прутик с земли и заметил походную колонну муравьев, пересекавшую бетонную дорожку. Проследив их движение, он обнаружил на газоне, под грязной, размокшей после ночного дождя бумажкой от мороженого небольшой муравейник. Алексей раньше и не догадывался — в голову не приходило, — что муравьи могут жить в городе, рядом, передвигаться через проезжую часть колоннами, воевать между собой двор на двор.

Он подумал, что прежде здесь был лес. Берег моря. Болота. В лесу, на берегу моря, на болотах поставили дома, поселились люди, прижились. Родился он, Алексей. Вот где он живет — у моря. А под ногами топь.

Ему показалось, асфальт прогибается, словно гать. Он вздрогнул. Мимо, блеснув на солнце слюдой крыльев, прошелестела стрекоза. Узор пыли на листьях подорожника казался кружевом.

Мир открывался в забытых подробностях.

Алексей неожиданно вспомнил: прошлой осенью он возвращался из Сухуми на самолете в такую же вот ясную погоду, и земля глубоко внизу, вся в желто-бурых пятнах октябрьских лесов, оловянно-отсвечивая изгибами речек и лужами озер, исчерченная правильными линиями полей и извилами дорог, — она оказалась ему дном. Он подумал тогда, что вот так же мелькают белые камни, чернеет трава и светится песок на пятиметровой глубине, если плыть по спокойной прозрачной воде. А зыбкое изображение внизу дрожало, отделенное от глаза двойным стеклом иллюминатора и почти девятикилометровой толщины слоем текущего воздуха, искажалось в теплых струях газа за турбинами, ревавшими на крыле, — четырехмоторный ИЛ, вращая винтами, содрогаясь от напряжения, прорубался в густой и упругой среде.

Присев на каменный поребрик тротуара, Алексей обнаружил себя на дне этого бесконечно высокого моря, увидел рядом деревья-воздухоросли и вспомнил тесную, прежде такую уютную гостиную-раковину. И бледное мамино лицо. И слезы сестры.

— Милые они мои, — подумал он о матери и о сестре, понимая, почему так безжизненны и мертвы были вещи в комнате, когда он вошел: и книги, и фисгармония, и бюро. — Как же они теперь будут? Ведь не стало... — подумал Алексей, чувствуя, как пустеет и становится меньше мир и он сам. — Этот человек пытался быть мне отцом... Отец!

Но отчима уже не было.

Алексей напрягся, чтобы восстановить образ, живое его лицо. И он вспомнил себя малышом, еще первоклассником, восседавшим на твердом кожаном плече Лизиного отца.

Они приехали к реке смотреть салют. Толпа отбекала черный ЗИС, застрявший у тротуара. Мать и трехлетняя Елизавета остались в кабине с шофером.

— Лешечку своего взял, а меня не берешь, — заплакала сестра.

— Алексей — мужчина, ему надо вперед, — сказал отчим и закинул его, мальчишку, на плечо.

Расступились курсанты в черных шинелях, пропуская их сквозь оцепление. Внизу, за гранитным парашютом плескалась вода. Скрипело хромовое пальто. И вдруг...

Ослепленный и оглушенный Лешка птицей рванулся с плеча и забился в сильных руках, подхвативших его на лету.

— Крепись, сынок... Крепись, — услышал он глухой и спокойный голос и в неверном свете падающих зеленых и белых огней увидел под съехавшей на затылок военного образца полевой фуражкой неровное лицо, суровое и простое в доброте.

И только теперь Алексей понял: «Это был человек. И они жили рядом. Столько лет... Как рано все и как нелепо... Когда бы это ни случилось — всегда рано».

Он уткнулся головой в белый, нагретый солнцем бок «жигуленка», в то время как на втором этаже, в кухне, распахнулось окно, и сестра, перегнувшись через подоконник, выглянула в сад:

— Леша, вернулся? Что же ты сидишь, иди домой.

У каждого американца есть заветная мечта. Чикагский владелец галереи Билл Струве задумал организовать выставку Гриши Брускина задолго до того, как тому принес лавры московский аукцион Сотби. Однако чем успешнее складывалась карьера Брускина — а он уже пять лет живет в Нью-Йорке, где его представляет всемирно известная галерея Марлборо, — тем более заветной становилась мечта Струве.

В конце концов галеристу удалось ее осуществить. В отличие от других сольных выставок Брускина в Нью-Йорке, Кельне, Сан-Франциско и этой зимой в Москве чикагская представляла ретроспективу его американского периода.

Пять лет — значительный срок в карьере художника, и для Брускина эти годы безусловно оказались плодотворными. Еще в Москве он задумал отлить скульптуры персонажей своих композиций «Фундаментальный лексикон», «Логии» и других. Тем более, что их прообразами были парковые героические монументы. Правда, он собирался делать это в гипсе или бронзе, а в Нью-Йорке перед художником открылись новые возможности, связанные с постиндустриальными техникой, материалами и производством. Однако для их осуществления требовались значительные финансовые затраты, и хотя Брускину родное отечество помогло остаться небогатым даже после высоких цен московского Сотби, он рискнул воплотить свой замысел.

В основу инсталляции «Рождение героя» — скульптурной группы, в которой некоторые фигуры достигают почти четырехметровой высоты, легли образы мифов социализма и иудаизма, давно разработанные Брускиным. Горожанин у Кремля, военный с плака-

Инеcса ЛЕВКОВА-ЛАММ

ДИСЛОКАЦИЯ МИФОВ

Художник Г.Брускин

том «Социализм непобедим», теннисистка с ракеткой, мальчик в противогазе и с лопатой, космонавт и мистический ангел с рогами и хвостом, — все вместе они представляют СОВОКЛЕНД, озаренный сверкающим блеском серебряных гигантов, по-детски инфантильных и чудовищно бездумных, но

это странное сочетание вызывает у зрителя не столько ужас, сколько иронию или горькую усмешку. Многослойная мифология Брускина отсылает, с одной стороны, к образцам советской субкультуры, с другой — к недостижимым высотам античности. Оригинал получается настолько преувели-

ченным и раздутым — подобно каббалистическому Голему, что уничтожается своей неподобностью. Брускин довел мифологию до логического конца. Парадоксально, но апокалиптическая развязка произошла без всякого разрушительного усилия. Для этого не потребовались ни груды мусора, к примеру, как у Кабакова в «Десяти персонажах» и «Веревке жизни», ни вулканические выбросы советской пропаганды, как у Пригова в инсталляции «Для двух сантехников», ни шаманские заклинания «Медгерменевтов» в «Расщеплении памяти». Миф сотворения советского рая, казавшийся нерушимым, несмотря на всю гранитную монолитность, лопнул как мыльный пузырь, оказавшись во власти эстетики новейшей технологии. Иными словами, Брускин подошел к демифологизации с другого конца — столкнув «лбами» две эстетики: тоталитарную и постиндустриальную — выведя тем самым проблему сравнения общественных структур и их эстетик на иной уровень.

Метод сравнения, впрочем, присутствовал в его ранних композициях. Работая параллельно с мифами социализма и иудаизма, он вычленил из них общие начала — описание «идеального бытия» и «осененность образом книги», а также различия, например, то, что иудаизм не закрепил свои постулаты в изобразительном искусстве. То есть место для фантазии в этом смысле долго оставалось вакантным, а Брускин не отказал себе в удовольствии «заполнить вакуум». С другой стороны, у него, как и у многих его современников, появилась потребность в рефлексии на существующую эстетику. И то и другое имеет отношение к проблематике русского наследия, ибо путь художника к самому себе в ус-

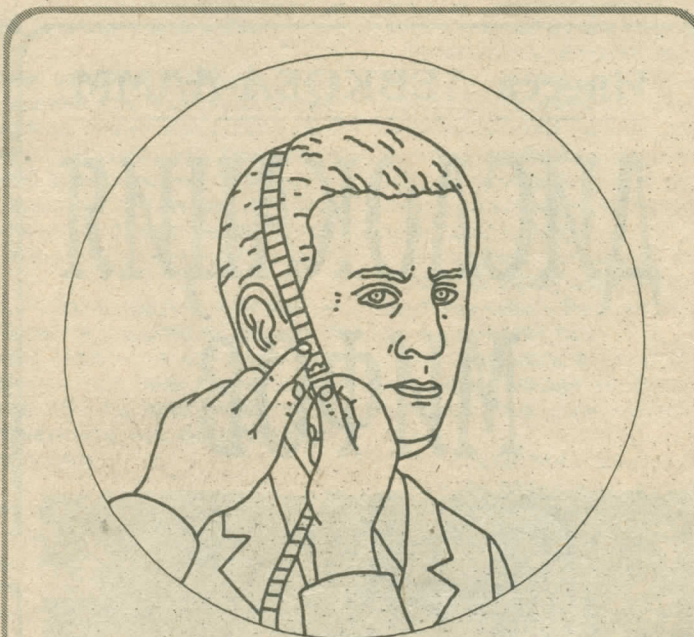

ловиях советской России всегда лежал через пересечение канонов тоталитарного искусства и свободы самовыражения. В ситуации антисемитизма в России для художника-еврея Гриши Брускина возникал еще один уровень проблемы: нерусский в русской культуре. И он вывел ее на специфический стык мифологий.

Далеко не все художники-евреи в России стремились прийти к самому себе через тору, талмуд или каббалу. Одни считали подобный путь рискованным, другие — не соответствующим их мировоззрению. Но для Гриши это оказался естественный путь. Его персонажи не имеют ничего общего ни с героями, ни с эстетикой Шагала, рожденной миром Ровно и Витебска, чертой оседлости, ее радостями и печалью. Для Гриши они навеяны образами книги как основы мира. Книжные образы вошли в картину так же естественно, как скульптурные персонажи московских парков или архитектурных ансамблей домов и метрополитена.

Мир его мифов всегда строго подчинен определенному композиционному порядку: персонаж, аксессуар, текст. Персонажи могут меняться местами или аксессуарами, не нарушая при этом привычного миропорядка. Одно в этой стройной логике остается неуловимым — реальность. Она растворяется и ускользает в лабиринте всевозможных перемещений — вверх, вниз, направо, налево и по диагонали, пока безнадежно не теряется в бесконечности, напоминая игру знаков, символов и кодов.

Поворотным моментом в творчестве Брускина стало его собственное перемещение на Запад. Было ли безболезненным и простым для советского художника привыкание к комфорту цивилизованного мира, оперирующего

Рисунки Гриши Брускина к книге Льва Рубинштейна «Генеральная инструкция»/«Другое имя»

жизнью с помощью элементарной компьютерной клавиши? Конечно, нет. Но Брускин приравнивает «старых» героев к «новым» обстоятельствам, меняя техники и жанры, как бы строит свой мост с Востока на Запад, из прошлого в настоящее, по которому и сам проходит свой путь.

В этом, к примеру, убеждает его инсталляция, показанная сначала на Кельнской ярмарке в 1991 году — «Генеральная инструкция», а спустя два года в новом варианте в Пушкинском музее образительных искусств под названием — «Генеральная инструкция»/«Другое имя». Следуя установкам

минималистической эстетики (изображение уменьшено до знака, а текст Льва Рубинштейна, включенный в инсталляцию, до лаконичной инструкции электронного аппарата), он расширяет пространство архитектурных метафор. Здесь книга трансформируется в стену — «Генеральная инструкция», или Колумбарий законов — «Другое имя». По иронии судьбы инсталляция «Другое имя», выставлялась в консервативном музее и приводила к мысли, что перед нами не просто выставка художников, вышедших из советского андерграунда, а задуманная ими художественная акция. Работа представляла зрителю свод бюрократических правил и наглядных инструкций, являющихся, по сути, мифической комбинацией случайностей и параллелей (продолжение принципа предыдущих работ Брускина). Разрыв между словом и изображением свидетельствовал о девальвации их бывшего авторитета. Вместе с тем Колумбарий, установленный в музее изящных искусств, наводил на мысль, что мы присутствовали на кладбище былой изящности. Маргинальный жест Брускина/Рубинштейна, впрочем, может быть воспринят здесь слишком серьезно. Однако он не более серьезен, чем жест Малевича, перечеркнувшего в композиции 1914 года изображение Моны Лизы, или Дюшана, пририсовавшего ей усы. Или, наконец, фикции Кабакова, у которого волею промысла — провалившегося потолка — Барнаулский музей трансформировался в консерваторию, а подставленные ведра для текущей с крыши воды — в музыкальные инструменты. Как писал Томас Манн: «...мы идем по стопам предшественников, и вся жизнь состоит в заполнении действительностью мифических форм».

Нью-Йорк

Гриша БРУСКИН
из серии
«Рождение героя»

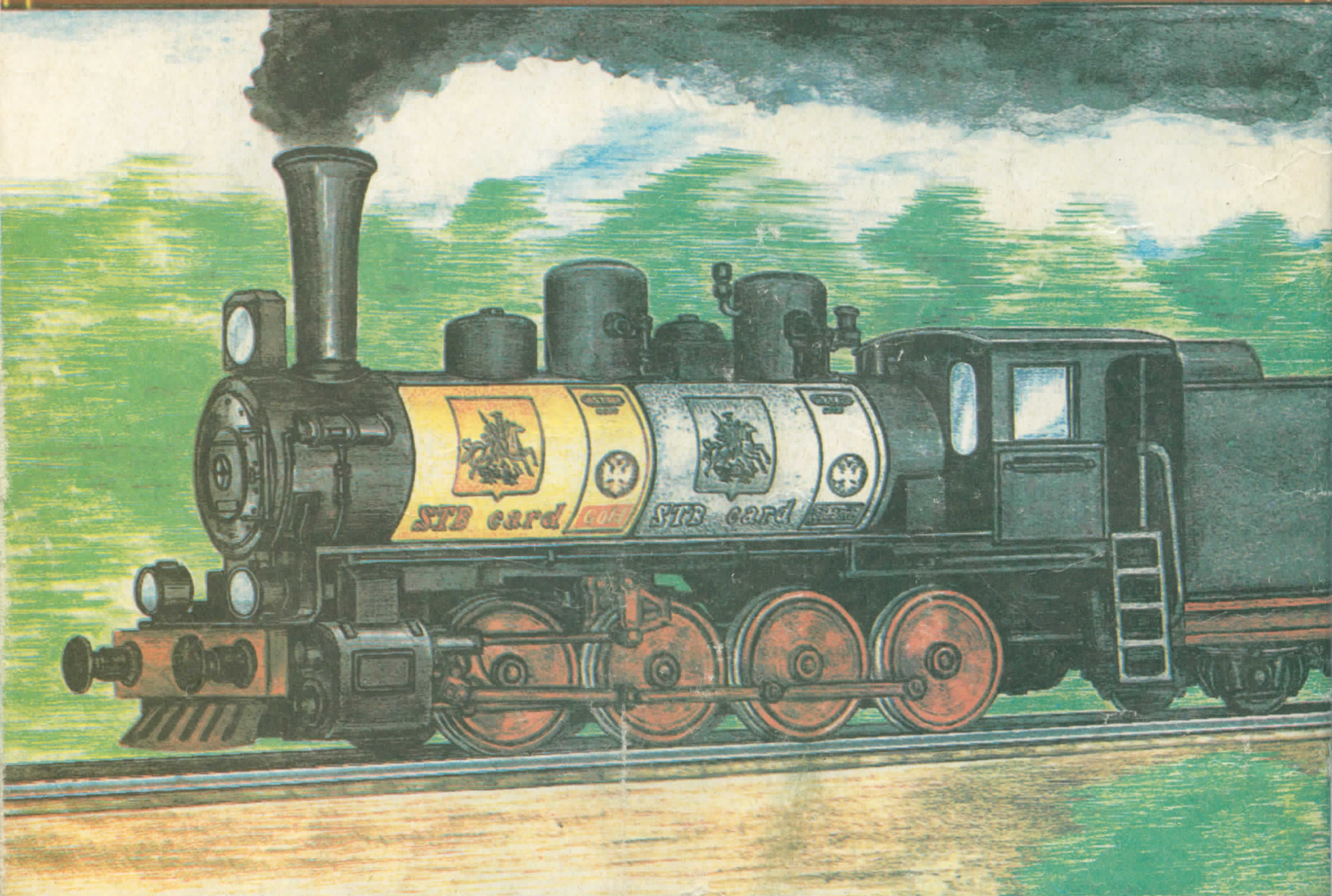

БАНКОВСКАЯ КАРТОЧКА

CARD

OMNIA MEA MECUM PORTO....

... ВСЁ МОЁ НОШУ С СОБОЙ